

63.3(2-20)
K 93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН
Страницы истории
• Выпуск 7 •

63.3(2-2дп8)
К93

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

Страницы истории

Выпуск 7

АБОНЕМЕНТ

156637/4

ГУК "ЦБС Курортного района"
Санкт-Петербурга

ОСТРОВ

Санкт-Петербург

2012

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
ГУК "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга,
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)
К 93

К 93 Курортный район. Страницы истории. Выпуск 7. – СПб.: ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2012. – 128 с., илл.

ISBN 978-5-903671-28-4

Очередной сборник посвящен 50-летию музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты». Сотрудники музея рассказывают о восстановлении музея, о людях работавших в «Пенатах». Две статьи сотрудника Артиллерийского музея Л. П. Рудаковой знакомят с неизвестными страницами истории Сестрорецкого оружейного завода. Статьи Е. М. Травиной продолжают тему разрушения старых дач в Комарове.

УДК 908(470.23-25)
ББК 26.89(2-2Санкт-Петербург)

На обложке:

1-я стр. *Музей-усадьба «Пенаты»*

2-я стр. *Л. С. Давиденкова. Сквозь время. Куоккала. 1900-е гг. 2010*

3-я стр. *Чертеж часовни в Дубовой роще. Из фондов ВИМАИВ и ВС*

4-я стр. *Л. С. Давиденкова. Репин в Пенатах. 2004*

© Авторы, 2012
© Библиотека им. М. М. Зощенко, 2012
© Музей-усадьба «Пенаты», 2012
© ООО «ИТД «ОСТРОВ», 2012

Т.П. Бородина

История музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты»

На Карельском перешейке, особенно на северном побережье Финского залива, существует много мест, связанных с именами знаменитых людей России. Здесь имели дома и снимали дачи известнейшие писатели, художники, артисты, музыканты, но восстановлена и открыта для посетителей только усадьба Ильи Ефимовича Репина.

24 июня 2012 года музею-усадьбе И. Е. Репина «Пенаты» исполняется 50 лет.

Музеи, как и люди, имеют свою судьбу...

...«Пенаты» видели многих и многое. История музея связана не только с жизнью Репина, но и с историей русской культуры, с историей страны....

Небольшой участок с летним строением в поселке Куоккала Репин приобрел 27 мая 1899 года. До 1903 года он бывает в усадьбе наездами, и только закончив работу над картиной «Заседание Государственного Совета», окончательно уезжает из петербургской квартиры и до конца жизни (художник скончался 29 сентября 1930 года) живет в «Пенатах».

В римской мифологии боги Пенаты являлись хранителями семейного благополучия и домашнего очага. В XIX веке это латинское слово станет символом и обозначением понятия «родной дом».

Для Ильи Ефимовича Репина усадьба на Карельском перешейке, в поселке Куоккала, действительно станет родным и дорогим местом. Он проведёт здесь 30 лет, и не покинет «Пенаты» даже после своей смерти, потому что исполнится его воля: он будет похоронен в глубине созданного им парка.

О том, чтобы усадьба стала музеем, первой позаботилась дочь адмирала Наталия Борисовна Нордман (1863–1914). После разрыва с первой женой в 1890-е годы И. Е. Репин связал свою судьбу с этой незаурядной женщиной. Купчую на приобретение участка в Куоккале он оформил на ее имя. Илья Ефимович был старше Наталии Борисовны, и по его

Могила И. Е. Репина. 1931 г.

словам, «перевел на ее имя „Пенаты“ из боязни, чтобы по моей смерти ее не выселили мои наследники». Но он пережил своего «товарища по жизни» на 16 лет. После смерти Нордман в 1914 году Репин обнаружил составленное ею завещание. Понимая историческое значение личности художника, Нордман распорядилась передать усадьбу в собственность Академии художеств. Репин стал пожизненным владельцем «Пенатов». После смерти Ильи Ефимовича, писала Нордман в завещании, «дом ни в коем случае не должен быть обитаем. Картины и все те вещи, которые по усмотрению моих душеприказчиков могут служить выражением вкуса и привычек Ильи Ефимовича, а так же и моих должны быть оставлены на своих местах с целью придать домику вид музея и сохранить в нем отпечаток личности художника». Это согласовывалось с желанием самого Репина. В 1915 году он внес на счет Академии около 30 тысяч рублей на будущее содержание музея.

Мечта Наталии Борисовны осуществилась: усадьба стала музеем, но путь к ее исполнению не был прост.

Революционные события изменили многое. Великое княжество Финляндское, входившее тогда в состав России, в декабре 1917 года получило самостоятельность. Куоккала находилась в шести километрах за пограничной станцией Белоостров. Никуда не уезжая, Репин и его усадьба оказались за рубежом. Художник стал жителем Финляндии.

С 1908 года на территории «Пенатов», недалеко от отца, в собственном доме жил с семьей его сын, тоже художник – Юрий Репин. В 1922 году из Петрограда в «Пенаты» переехала и дочь Вера.

Она вела хозяйство, помогала при устройстве выставок, продаже картин и стала тем родным человеком, в котором Репин нашел поддержку в последние годы своей жизни. После смерти Репина Вера Ильинична сохраняла нетронутой мастерскую художника и показывала ее желающим. Однако в трудные тридцатые годы все постепенно приходило в запустение...

30 ноября 1939 года началась Советско-финляндская война. Правительство Финляндии предложило местному населению пограничной зоны эвакуироваться вглубь страны. Вера и Юрий покинули «Пенаты». Наступление советских войск было стремительным. Передовые войска вошли в опустевшую Куоккалу в первый же день перехода через границу. Местных жителей там не осталось. Как вспоминали очевидцы, когда военные вошли в дом, печи были еще теплые. Уезжали в спешке. Сама усадьба не пострадала, но в домах И. Е. Репина и Юрия брошенными оказались не только вещи, но и картины, рисунки, документы, книги. Пограничники взяли усадьбу под охрану. О том, что «Пенаты» остались без хозяев сообщили в Ленинград. Решением правительства учет и сохранение художественных ценностей, оставшихся в усадьбе, были возложены на Всероссийскую академию художеств. В «Пенаты» командировали сотрудников Научно-исследовательского музея И. А. Бродского и Ш. М. Меламуда, которые ознакомились с состоянием дома и парка. Основные ценности – картины, этюды, рисунки Ильи Репина были найдены в доме Юрия. Как выяснилось позднее – это была его часть наследства, поделенного Репиным между детьми. Предполагают, что Юрий надеялся вернуться и ничего не взял с собой.

В течение нескольких дней сотрудники музея сделали опись имущества. Картины и архив (фотографии, письма и документы) в коробках и мешках были сложены и опечатаны в отдельной комнате репинского дома. Дом закрыли. Входные двери опечатали найденной печатью Репина, с монограммой художника. Она и сейчас хранится в фондах «Пенатов».

В дальнейшем необходимые меры по охране обеспечивала военная часть, расположенная в Куоккале. А в Академии художеств на основании отчета об осмотре усадьбы решили, что «Пенаты» нуждаются в ремонте и обустройстве, но в сравнительно короткое время там может быть организован и открыт музей. Комендантом дома был назначен Н. С. Садыков.

В парке началась вырубка старых деревьев, был восстановлен артезианский колодец. Экспозицию составили из оставшейся мебели и картин.

В марте 1940 года в «Пенаты» на должность лаборанта из Ленинградского музея городской скульптуры перевели Евгения Алексеевича Кириченко. Он имел художественное образование. Пройдя обучение

*Вход в усадьбу
«Пенаты». 1940 г.
Вверху еще
со старой
вывеской,
внизу – с новой*

Дом в «Пенатах». Вид со стороны входа. 1940 г.

Кабинет И. Е. Репина. 1940 г.

Столовая. 1940 г.

Знаменитая трибуна. 1940 г.

в Подготовительных классах Всероссийской Академии художеств, получил звание художника и учителя рисования. Сохранился его автопортрет, написанный в «Пенатах». 1 июня 1940 года Е. А. Кириченко назначили хранителем музея.

18 июня 1940 года музей был открыт. Он сразу же приобрел невероятную популярность. В первые же два месяца после открытия усадьбу посетило свыше 40 тысяч человек.

Известны имена и первых экскурсоводов. Это – Н. Е Яглова, А. И. Фадеев, С. И. Линдин. В 1940 году к открытию музея была опубликована первая небольшая брошюра Бродского и Меламуда «Репин в Пенатах».

Однако только что налаженная жизнь музея вскоре была нарушена. 20 мая 1941 года Е. А. Кириченко арестовали и, осудив по статье № 58 (измена Родине), – в августе расстреляли. Реабилитировали в 1958-м.

В июне 1941 года в связи с началом Великой Отечественной войны, поступило распоряжение об эвакуации содержимого дома в Ленинград. Во время блокады картины, рисунки, личные вещи художника, часть мебели (самые крупные вещи вывести не удалось) хранились в подвалах здания Академии Художеств.

В июне 1944 года усадьба оказалась в центре военных действий. 8 июня началось наступление советских войск. Об этих событиях

*Все, что
осталось
от усадьбы
И.Е. Репина
после боевых
действий 1944 г.*

свидетельствуют кадры военной кинохроники и среди них короткий эпизод – горящие «Пенаты». Когда советские войска вошли в усадьбу, они обнаружили разрушенными все постройки. Следы пожара, погубившего репинский дом, хранят и поныне старые деревья, на стволах которых можно видеть не заросшие корой шрамы.

1944 год был юбилейным для Репина. 5 августа художнику исполнилось 100 лет со дня рождения. В Ленинграде готовилась юбилейная выставка сохраненных мемориальных предметов. Тогда постановлением правительства усадьба «Пенаты» была внесена в список памятников русской культуры, подлежащих полному восстановлению.

С конца 1940-х годов началась большая подготовительная работа по восстановлению усадьбы.

13 августа 1945 года был утвержден эскизный проект воссоздания дома. Исполком Горсовета принял решение просить президента Академии художеств СССР А.И. Герасимова разработать к 1 декабря 1947 года технический проект. В 1949-м деревню Куоккала переименовали в поселок

В СОВНАРКОМЕ СССР

Об ознаменовании столетия со дня рождения И. Е. Репина и увековечении его памяти

В связи с исполняющимся 5 августа 1944 г. столетием со дня рождения великого русского художника И. Е. Репина Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил:

1. Воздвигнуть в г. Москве памятник И. Е. Репину.
  2. Установить в г. Ленинграде на территории Всероссийской академии художеств и в г. Чугуеве, на родине художника, бронзовые бюсты И. Е. Репина.
  3. Присвоить имя И. Е. Репина Институту живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств.
  4. Обязать Ленинградский областной исполнительный комитет Советов депутатов трудящихся восстановить в течение 1945—1946 гг. дом-музей И. Е. Репина «Пенаты» в Куоккала, разрушенный финскими оккупантами.
  5. Поручить Комитету по делам Искусств при Совнаркоме СССР:
    - а) выпустить массовым тиражом репродукции с основных произведений И. Е. Репина;
    - б) издать художественно-критические работы И. Е. Репина и его письма.
  6. Установить мемориальные доски на домах, где жил И. Е. Репин.
  7. Учредить стипендии им. И. Е. Репина в следующих учебных заведениях:
    - а) Институте живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств — 5 стипендий по 400 рублей в месяц каждая для студентов и 2 стипендии по 800 рублей в месяц каждая для аспирантов;
    - б) Московском художественном Институте — 4 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов и 1 стипендию в размере 800 рублей в месяц для аспирантов;
    - в) Киевском художественном институте — 3 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов;
    - г) Тбилисской академии художеств — 3 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов.
-

Постановление Совнаркома

Репино. После расчистки фундамента дома и уборки территории усадьбы вышло постановление о впуске в «Пенаты» посетителей и проведении там экскурсий. На могиле Репина был установлен памятник — бюст И. Е. Репина работы Николая Андреева. На открытых пространствах в парке появились стенды с фотовыставкой, рассказывающей о жизни и творчестве художника.

В 1953 году из Научной библиотеки Академии художеств на должность младшего научного сотрудника Музея-усадьбы была переведена Мария Александровна Карпенко. До восстановления дома она практически одна вела всю работу в «Пенатах». «Исучаю материалы о жизни и творчестве Репина. Разработала по „Пенатам“ экскурсию и к ней методическое пособие. Договариваюсь об обеспечении „Пенатов“

экскурсоводами. Воздух экскурсии для специальных групп, даю консультации, каждую весну обновляю фотовыставки в парке», — писала Мария Александровна в своем отчете. До открытия музея в 1962 году она провела 348 экскурсий.

В 1954 году М. А. Карпенко приняла на ответственное хранение пенатское имущество, которое хранила 52 года. Из «Пенатов» она ушла в 2005 году.

С 1955 года начались активная подготовка по подбору материалов для экспозиции и возведение дома.

Обмеров репинского дома не существовало, поэтому его восстанавливали по сохранившемуся фундаменту и многочисленным фотографиям, которые были сделаны в различные годы жизни Репина и после его смерти. Проект здания исполнялся архитектурной мастерской Ленпроекта под руководством И. Канцюга архитектором В. Шерстневым. Первую историческую справку о музее составляла И. А. Мачерет.

В 1959 году был создан план экспозиции, в июне его одобрил ученый совет музея Академии художеств. Сохранилась хроника выездного заседания Ученого совета. Его участниками были: директор Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств Татьяна Александровна Петрова, руководитель отдела живописи и рисунка Галич, хранитель музея Татьяна Граве, профессора института им. И. Е. Репина Волюнкин, А. Л. Каганович, А. Н. Савинов, В. Б. Блэк и другие. На этих чудом сохранившихся кадрах члены совета слушают представление первого плана экспозиции и осматривают строящийся дом.

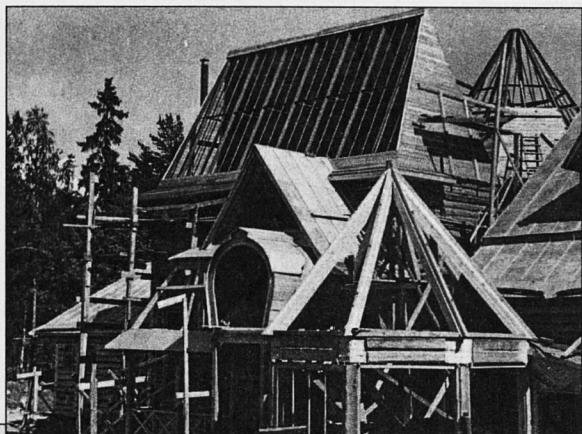
Пока строительные организации возводили постройки в усадьбе, научные сотрудники Музея Академии художеств СССР были заняты работой в библиотеках и архивах, собирая необходимый материал для воссоздания его интерьеров. Наполнению музея экспонатами очень помогла опись вещей, составленная в 1939–1940-х годах. Например, в ней было указано, что в гостиной у Репина стоял рояль фирмы Беккер № 34132. Сохранились сведения и о том, что рояль для Репина выбирал композитор Глазунов. Случай помог найти рояль не только близкий по размеру, но и такой на котором, как и на репинском, в былые годы играл Глазунов. Владелицей рояля оказалась ученица композитора. Пользуясь этой описью и многочисленными фотографиями из архивов Музея Академии художеств стал приобретать недостающую мебель и другие предметы обстановки, аналогичные бывшим в «Пенатах». С этой целью в Ленинграде были устроены выставки фотографий вещей, необходимых будущему музею. Задача в известной мере облегчалась тем, что Репин и Нордман, очень непритязательные в своем домашнем обиходе, не заказывали изготовление мебели, а покупали ее в магазинах для широкого

*И.М. Карпинский передает музею «Пенаты»
рисунки И.Е. Репина. 1974 г.*

потребителя. Работа по приобретению мебели велась очень скрупулезно. Например, чтобы подобрать письменный стол для кабинета пришлось пересмотреть у разных лиц более 20 столов.

То, что не удалось приобрести, воссоздали художники и архитекторы. Знаменитый обеденный стол с вращающейся серединой мог быть восстановлен полностью, благодаря тому, что в архиве Русского музея был найден чертеж этого стола и объяснение его конструкции. Оставляя стол при эвакуации, сняли одну ручку для вращения средней части, на всякий случай, чтобы по ней восстановить остальные. Живописное и графическое собрание музея состояло, главным образом, из работ, обнаруженных в доме Юрия. Оно тоже требовало пополнения. Приказом по министерству культуры СССР было принято решение о приобретении для музея «Пенаты» произведений Репина из частных собраний. Так в доме появились произведения учеников Репина В. Серова, А. Куликова, Б. Кустодиева. И. Бродского. Нельзя не сказать и о дарениях, которые музеем постоянно получал и в период воссоздания, и позднее, и в наши дни. Интересны истории с возвращением некоторых репинских вещей. В 1923 году Репин подарил своей прислуге Мине Лаутанен сундук. В 1962 году муж Мины, Мати Ханола, узнав о том, что дом Репина

*Восстановление
дома в «Пенатах».
Конец 1950-х гг.*

восстанавливается, привез его в дар музею. В 1974 году от И. М. Карпинского, председателя распавшегося в 1970-е годы «Союза русских художников реалистов в Финляндии» поступило 64 рисунка И. Е. Репина.

А совсем недавно в музее появилось зеркало, которое можно видеть стоящим на веранде на прижизненных репинских фотографиях. Его ко дню рождения И. Е. Репина в 2006 году преподнес потомок одной модели художника – Игорь Александрович Соболевский, в настоящее время почетный консул Перу, а в момент дарения вице-президент Восточно-европейской корпорации. В 1908 году Репину позировал его дед, Василий Николаевич Кипятов. В качестве оплаты за сеансы он, по его просьбе, получил зеркало. Сейчас оно вновь стоит на своем месте на зимней веранде. В 2005 году Наталья Маньенан, гражданка Франции, привезла хранившийся у них в семье альбом прижизненных фотографий Репина. В архив музея поступило 88 интереснейших снимков, многие из которых ранее были совсем неизвестны.

Дом И.Е. Репина в «Пенатах» в 1960 г.

В 1960 году «Пенаты» получили статус филиала Научно-исследовательского музея Академии художеств СССР. В августе этого года директором филиала была назначена Елена Григорьевна Левенфиш. В «Пенаты» пришел искусствовед, обладающий большим опытом хранительской и исследовательской работы.

До войны Елена Григорьевна являлась научным сотрудником Павловского дворца-музея. В июле 1941 года она была назначена старшей по эвакуации дворцовых ценностей и выехала с эшеленом, вывозившим экспонаты в город Горький, где стала помощником Анатолия Михайловича Кучумова – ответственного хранителя эвакуированных предметов всех пригородных дворцов. В ноябре 1941 года участвовала во вторичной эвакуации вещей в Новосибирск, там они сохранялись до конца войны. В Новосибирске дополнительно работала в военном госпитале и вела лекционную работу. Летом 1944 года вернулась в Ленинград и по 1960 работала в Государственном русском музее заведующей секцией рукописей и фотографий. Написав монографию о художнике К. Савицком, защитила диссертацию. Как редактор руководила авторским коллективом, готовившим книгу о деятельности Общества поощрения художников.

Внешне неяркая, спокойная, улыбчивая женщина обладала невероятным обаянием и, как принято сейчас говорить, была сильной,

Открытие музея «Пенаты». 24 июня 1962 г.

харизматической личностью и прекрасным организатором. Обладала даром увлечь за собой, вдохновить на осуществление больших идей и выполнение любой практической задачи. Идея озвучивалась в форме удивительно деликатного предложения, а вы становились и соавтором идеи, и даже, кажется, инициатором ее реализации. Вы сразу же оказывались единомышленником и другом, которому бесконечно доверяют и ждут от вас преданности и отдачи делу. Удивительные качества характера, ум, воспитанность позволили ей собрать коллектив, для которого почти два десятилетия напряженная музейная жизнь проходила в атмосфере интереснейшей, интеллектуальной работы.

Незадолго до открытия музея в апреле 1962 года на должность научного сотрудника «Пенатов» из Русского музея Елена Григорьевна пригласила Галину Исааковна Прибульскую. Это был очень внимательный, ответственный, надежный человек, на которого всегда можно было положиться. В 1962 году экспозиция была полностью сформирована, утверждена, и 24 июня 1962 года музей открылся. Это было масштабное культурное событие. При огромном стечении народа музей принял первых посетителей. И в последующие месяцы после открытия музея, количество желающих увидеть восстановленную усадьбу знаменитого художника с каждым днем только росло. Елена Владимировна Кириллина вспоминала, что, «подъезжая в погожий июльский день 1962 года

к „Пенатам“ она уже издали увидела толпы людей, стремящихся попасть внутрь маленького домика со стеклянной крышей». (Сотрудником музея Елена Владимировна стала в августе 1963 года). Она очень хорошо запомнила первую встречу с Еленой Григорьевной и ее рассказ о Репине. Через несколько дней Елена Владимировна вновь приехала в «Пенаты» и, войдя в залы музея, забыв, о том, что еще не приняла окончательного решения остаться работать здесь, оказалась в роли экскурсовода. Популярность и посещаемость музея были невероятны. Каждый день приходилось водить много экскурсий. Вчетвером и даже, набирая студентов-экскурсоводов, сотрудники не справлялись с обслуживанием посетителей. При этом все понимали, что о жизни Репина в «Пенатах» известно совсем не много. Творчество художника этого периода и особенно последних 12-ти послереволюционных лет, проведенных за закрытой границей, еще требовало исследования. На научную работу, времени не оставалось. Вот тогда-то Елена Григорьевна и предложила, чтобы не набирать огромный штат экскурсоводов, записать экскурсию на магнитофон и не только на русском, но и на иностранных языках.

Она сама привезла из Вильнюса пять магнитофонов «Эльфа 19», которые, как и все тогда являлись дефицитом и Елена Владимировна записала то, что она хотела бы рассказать о «Пенатах» самому своему любимому посетителю. Но этот первый рассказ оказался построен не правильно. В процессе экспериментов стало понятным, что объяснения интересны тогда, когда они ориентирует зрителя, прежде всего на экспонаты. И когда, выражаясь образно, «вещи заговорят», тогда такой рассказ будет зрителям нужен и уместен. При этом оказалось важным предугадать, какие вопросы могут возникнуть в ходе объяснений, и только ответив на них, ваши объяснения будут полными. При таком построении текст стал очень конкретным и нужным посетителям.

А затем были два месяца почти круглосуточных записей. Голос Елены Владимировны звучит в музее и сейчас. В его интонациях нет профессиональных дикторских ноток. Он настраивает на доброжелательное созерцание и создает ту «особую атмосферу дома», о которой так часто пишут посетители в книге отзывов. Так «Пенаты» первыми ввели новую форму обслуживания гостей, которая работает уже почти 50 лет. В 1960-годы еще ленточные магнитофоны транслировали записи на девяти европейских и 11-ти языках республик Советского Союза. Сейчас тексты обновлены, записи модернизированы, соответствуют современным цифровым технологиям. Появились записи и на восточных языках.

Посетители отмечают в доме Репина ощущение подлинности и присутствия хозяина. И Репин действительно встречает и провожает своих гостей в кадрах документальной хроники 1915-х и 1920-х годов, которую

все гости музея имеют возможность посмотреть в летней мастерской художника. Завершая экскурсию по дому, они могут получить дополнительную консультацию у научного сотрудника.

В начале 1990-х годов такая форма обслуживания дала возможность заняться научной работой. Был написан подробный путеводитель по музею. Началась кропотливая работа по изучению архивов и других документальных источников. Все сведения о жизни и творчестве Репина в «Пенатах» расписывались по рубрикам и по годам. Важным было все, что относилось к личности художника и его творчеству. Началось составление научного каталога собрания. Это потребовало изучения всего творческого наследия, так как в коллекции «Пенатов» оказались работы разных периодов. Наряду с произведениями самых последних лет жизни, в ней есть даже детские и юношеские зарисовки и этюды. Для удобства и основательного просмотра материалов документы из разных архивов заказывали в виде микрофильмов, и постепенно в музее собралась обширная микрофильмотека. Для музея были закуплены специальные аппараты - микрофоты для чтения скопированных рукописей. Такое техническое обеспечение научных исследований в музее для того времени тоже было большим новшеством. Работа выигрывала во времени и становилась эффективней. Углубление в материал и масштабность его документального изучения открывала возможности по-новому взглянуть на все творчество художника. Елена Григорьевна предложила одновременно работать в двух направлениях: составлять полный каталог живописи и графики, а так же, систематизировать (день за днем от рождения и до смерти) различные документальные материалы - из переписки, прессы, мемуаров, каталогов выставок и других источников, освещающих события и факты из жизни и творчества художника.

Так возникла идея написания Летописи жизни и творчества И. Е. Репина. Форма летописи позволяет владеть объективной документальной информацией, которая будет являться основой для дальнейшего искусствоведческого обобщения. О художниках такого труда тогда еще никто не писал. Все понимали, что это очень увлекательная исследовательская работа. Но ее масштабность требует дополнительных сил. В конце 1960-х годов в «Пенатах» появились еще три молодых сотрудника. В 1967 году пришли сестры Наташа (Наталья Анатольевна Ватенина), только что окончившая институт им. И. Е. Репина, и Юлия (Юлия Анатольевна Свицтунова) - студентка первого курса. В преддверии празднования 125-й годовщины со дня рождения Репина в июле 1969 года в «Пенаты» приняли только что окончившую школу Таню Сухиничну (ныне заведующая музеем Татьяна Петровна Бородина). Она только готовилась стать студенткой искусствоведческого факультета. Все они оказались вовлечены в работу.

156037/4

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. И. СОЦЕНКО
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157 17

«Пенаты», продолжая принимать огромное число посетителей, в 1970–1980-е годы становится научным центром по изучению жизни и творчества Репина. В эти годы были составлены тысячи карточек, появились подробные картотеки произведений, опубликованных и неопубликованных писем, библиографии. На основании собранных сведений расписывался каждый день жизни художника. Одновременно шла работа над составлением полного каталога графики и живописи. Списки произведений Репина, составленные ранее И. Э. Грабарем, уточняли и дополняли. Работа становилась увлекательной, а порой даже азартной. Найденный в архиве или библиотеке неизвестный ранее материал воспринимался как праздник. Это были годы открытия нового Репина – художника и человека в жизни и в творчестве, с достоинством и мудростью, со слабостями и ошибками. О нем говорили документы, а в них он сам, друзья и современники. Возникал портрет Репина без ретуши, а его творчество – без купюр и идеологического лоска.

Это очень вдохновляло, и было действительно актуальным и нужным для дальнейшей объективной интерпретации. В процессе работы над Летописью были выявлены или уточнены многие эпизоды жизни и творчества Репина. Свои догадки и соображения в связи с этим авторы обычно излагали в статьях, докладах и книгах. Так возникли конференции «Репинские чтения». Появились книги «Репин в Петербурге» Г. И. Прибульской и «Репин в „Пенатах“». Е. В. Кириллиной.

Нужная работа объединяла. Все всё несли в один котел – в Летопись. Работа была проделана колоссальная. Объем Летописи составляет 100 авторских листов. С иллюстрациями – четыре тома. Каталог графики насчитывает более тысячи названий, а живописи – более двух тысяч.

Почти все, кто начинал в 1960-е и ранее, проработали в усадьбе очень долго: 53 года М. А. Карпенко, 47 лет Е. В. Кириллина. Уже 43 года работает Т. П. Бородина. Когда заходит разговор о долголетнем пребывании на службе в «Пенатах» ее сотрудники всегда говорили и говорят об удивительной привязанности к этому музею. Здесь прошли лучшие годы их жизни и жизни их детей. Возможность оставаться в служебных домах на территории музея, совместный быт после работы тоже очень сплачивал, создавал ощущение семьи.

Свой вклад в существование музея внесли и сотрудники, на которых с конца 1970-х годов была возложена забота о хозяйственном состоянии музея. Это заведующий филиалом в 1978–1986 годы В. Г. Пугаев (до «Пенатов» – уважаемый директор Саратовского художественного музея), сменившая его в 1980-е годы Л. И. Мишина, а затем Р. Д. Мелиневская. О дружном коллективе, о «пенатовцах» говорили с особым уважением. Основы отношений, атмосферу доброжелательности, подлинной

Празднование 100-летия И. Е. Репина в «Пенатах». Выступает президент Академии Художеств СССР Б. С. Угаров. 1984 г.

интеллигентности, поддержки, дисциплины и ответственности заложила Е. Г. Левенфиш. Беседуя с вновь приходящим на работу, она говорила о вступлении в коллектив, в котором есть свои правила поведения и просила соответствовать им. Коллективом был весь персонал музея. Он не делился на научных и зрителей, дворников и кочегаров. Уважения были достойны все. Все принимали участие в подготовке праздников, все сидели за одним столом. Как у Репина. Репинские традиции получили новую жизнь в возрожденном музее. «Пенаты» всегда были гостеприимны, Часто приезжали в музей самые близкими друзья – уважаемые профессора академии и университета. Это были друзья старших сотрудников. Они вместе учились. Вирко Борисовна Блэк, Ирина Васильевна Пестрякова, Вера Ивановна Раздольская, Анастасия Николаевна Свешникова и многие другие интересные люди. Елена Григорьевна дружила с А. Солженицыным и поэтом Иосифом Бродским. Среди гостей музея запоминающимися были визиты И. Смоктуновского, Г. Козинцева. И. Курасавы. С. Маршака и Л. Леонова, С. Образцова, дочери Шаляпина Марии, Майи Плисецкой, Юрия Лотмана и многих, многих других. Вслед за Репиным можно сказать «Все побывали тут...».

Жизнь была насыщенной и интересной. Много читали. Смотрели самые знаменитые фильмы, которые шли на закрытых семинарах в доме творчества кинематографистов в Репино. Любимым праздником

в «Пенатах» были елки. Первый раз на елку в «Пенаты» я приехала в восемь лет. У Марии Александровны Карпенко от ее мамы (она была из рода Клодтов) остались дореволюционные, настоящие детские маскарадные костюмы. Это было чудесно. Принцы, золушки, испанки читали стихи, танцевали, получали подарки, а потом дворник Петр превращался в деда Мороза и катал в тележке на маленьком тракторе всех по парку.

В «Пенатах» всегда праздновали день рождения Репина. По репинской традиции вывешивали флажки, возлагали цветы на могилу художника. В доме звучала любимая музыка Репина.

К сожалению, годы уходят быстро. Уходят и люди... В 1990-е, как и вся страна, «Пенаты» переживали трудности.

Но музей продолжал принимать посетителей и жил насыщенной жизнью. Главной составляющей в ежедневной работе научного коллектива оставалась исследовательская деятельность. В общей сложности сотрудниками «Пенатов» было опубликовано более 150 докладов, сообщений и атрибуций, затрагивавших различные периоды и аспекты творчества И. Е. Репина.

В 1985 году авторский коллектив музея подготовил издание альбома И. Е. Репина. Альбом интересен не только своим форматом (в нем насчитывалось более 300 репродукций, и многие работы Репина были опубликованы впервые), но и приложениями. В него включена краткая летопись жизни и творчества Репина и научный каталог репродуцируемых произведений. Ветунительную статью к этому изданию написал авторитетнейший исследователь русского искусства Григорий Юрьевич Стернин. Значимым был вклад сотрудников музея и в составление каталога международной юбилейной выставки произведений Репина, посвященной 150-летию со дня рождения художника. Все сотрудники приняли участие и опубликовали сообщения в сборниках юбилейных конференций, прошедших в Государственной Третьяковской Галерее и в Государственном Русском музее. Хотелось бы отметить еще один альбом, посвященный творчеству Репина, составленный Е. В. Кириллиной совместно с Г. Ю. Стерниным.

Как и прежде отдыхали весело. Продолжали устраивать рождественские елки. Особенно любима стала «пенатская» масленица.

В настоящий момент задачей сотрудников «Пенатов» является сохранение тех традиций, которые сложились в музее в 1970–1980-е годы.

«Пенаты» по-прежнему популярны. Сюда приезжает много гостей. Здесь чтут память художника. Ведут научную работу. Устраивают праздники, концерты, выставки.

В 2009 году музей масштабно, в формате Петербургского репинского фестиваля отметил две знаменательные даты: 110 лет усадьбе и 165 лет

Возложение цветов и венков на могилу И.Е. Репина в день празднования 140-летия со дня его рождения. Цветы возлагают Президент АХ СССР В.С. Угаров и профессора Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, (справа) Народный художник СССР В.Ф. Загонек и др. 5 августа 1984 г.

И снова вместе. Слева направо – Наталья Анатольевна Ватенина, Елена Владимировна Кириллина, Татьяна Петровна Бородина. «Пенаты». 2011 г.

со дня рождения Репина. В течение всего юбилейного года в рамках фестиваля были проведены выставки, концерты, «пленэры», прошла юбилейная конференция и другие мероприятия, которые стали яркими событиями в культурной жизни Санкт-Петербурга и области. На различных площадках были организованы фотовыставки «История усадьбы „Пенаты“ – 110 лет», «Альбом Нордман», «Когда здесь жил Репин», «Чугуев – родина Репина».

Официальное празднование юбилеев прошло 5 августа 2009 года в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств.

В парадных залах музея состоялись открытия юбилейных выставок. Событием стала презентация уникального мультимедийного проекта «Дар Репина Финляндии»: слайд-показ 28-ми произведений русских художников из коллекции Репина, которая хранилась у него в «Пенатах», а в 1920 году была подарена им в музей «Атенеум». Это собрание положило начало формированию отдела русского искусства Финской национальной галереи. Представленные картины никогда не показывали в России, с ними не были знакомы даже специалисты. Материалы любезно подготовил для показа фотоархив музея «Атенеум».

В 2011 году выставка «История Усадьбы „Пенаты“ – 110 лет» с большим успехом прошла в Казани и Набережных Челнах, в Нью-Йорке и Москве. На основе материалов этой выставки в издательстве «Лики России» издан фотоальбом «История усадьбы. 110 лет».

Традиционным стало участие «Пенатов» в Летнем Международном музыкально-поэтическом фестивале «В сторону Выборга».

Очень почетным было проведение в 2010 году IV конкурса молодых художников «Ориентиры» (проект Авторской студии Ольги Разиной).

Большим событием для музея стал приезд из Франции в июле 2011 года родственников И. Е. Репина. 18 потомков младшей дочери художника Татьяны первый раз побывали в России, в местах связанных с жизнью Репина на Украине, в Белоруссии, в Москве и Петербурге.

У музея установились дружеские контакты с финскими коллегами и художниками. Студенты Сайменского художественного университета, приезжая в Петербург, обязательно заезжают в «Пенаты». В музее прошли выставки финского художника Вийо Писно из Котки и иконописцев объединения «Арс икони рус».

Музей-усадьбу «Пенаты» по праву называют «Жемчужиной Карельского перешейка».

Т.П. Бородина

Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей (По материалам Национального архива Финляндии. Фонд EK-Valpo)

Несколько лет назад Национальный архив Финляндии открыл доступ к документам из фонда сыскной полиции EK-Valpo. Материалы закрытых фондов всегда открывают для исследователей новую интересную информацию. В фонде Valpo мы впервые смогли познакомиться с документами на Илью Репина, его детей: Веру и Юрия, а так же на внука Дия - сына Юрия Ильича.

Все документы можно разделить на несколько категорий. Это личные карточки в полиции, с биографическими сведениями. Документы, связанные с процедурой разрешения на проживание, присвоения гражданства и выдачей Паспорта Лиги Наций, так называемого, «нарсеновского» паспорта.

И, наконец, рапорты собственно надзора в виде перлюстрации писем, отчетов о разговорах, как в общении, так и по телефону, а так же по наружному слежению.

Как известно, Илья Ефимович Репин проживал в Куоккале с 1899 года. Постоянно с 1903-го.

Н.Б. Нордман прожила в «Пенатах» до 1914 года. Заболев туберкулезом, она уехала лечиться в Швейцарию и вскоре там скончалась. Усадьба, по завещанию Н.Б. Нордман переходила в пожизненное владение И.Е. Репина, а после его смерти передавалась Академии художеств, с целью устройства в ней музея, отражающего привычки и уклад жизни хозяина.

С 1908 года в «Пенатах» жил сын Репина Юрий Ильич с семьей - женой Прасковьей и двумя сыновьями - Георгием и Дмитрием. Напротив

дома отца ему построили двухэтажный дом, который до нашего времени не сохранился.

Усадьба «Пенаты» находилась в шести километрах от поселка Белоостров, через который проходила российско-финляндская граница. Пересечение границы осуществлялось в безвизовом режиме, но с определенными правилами таможенного контроля. После провозглашения независимости Финляндии в декабре 1917 года границу закрыли не сразу, это произошло только 13 апреля 1918 года, что оказалось для жителей Карельского перешейка совершенно неожиданным.

Исследователи пишут о том, что правовое положение российских граждан, оставшихся на территории Финляндии после закрытия границы и беженцев, прибывавших в огромном количестве из России, как легальным, так и нелегальным путем было нестабильным и тяжелым. Иммиграционная политика финского руководства, как на центральном, так и на местном уровне, в начале двадцатых годов неоднократно менялась. В предложениях для законодательств по иммиграционным вопросам отмечают две главные задачи: уменьшить количество русских в Финляндии и предотвратить проникновение в страну под видом беженцев большевистских агентов, распространяющих коммунистические идеи.¹

Первое постановление об иностранцах, вступившее в силу в августе 1919 года, предусматривало: лицо, въезжавшее в страну, должно иметь паспорт и визу.²

Те, кого закрытие границы оставило в Финляндии, имели старые российские паспорта, которые не давали им возможности уехать в другие государства.

Передвижения по стране без специальных разрешений первоначально были ограничены. Такое положение русских не только в Финляндии, но и в Европе и на других континентах требовало принятия решения по их правовому статусу.

3-5 июля 1922 года в Женеве вступили в силу правила выдачи сертификата для беженцев, получившего название «нансеновский» паспорт. (Фритъоф Нансен в августе 1921 года дал согласие быть Верховным комиссаром Лиги Наций по делам беженцев).

В графе о подданстве в этом сертификате ставилась запись: «родился русским, сейчас подданным никакой страны не состоит».

¹ См. Рупасов А. И. Дебаты в Эдускунте о беженцах из России. Январь 1919 г.; Бочарова В. С. Правовое положение русских беженцев в Финляндии: нансеновский паспорт, репатриация // Российское зарубежье в Финляндии. Между двумя мировыми войнами. СПб. 2004.

² Цевайтainen П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917-1939). СПб. 2003. С. 76.

Этот паспорт был предназначен для выезда за границу и определения на работу. Право на получение «нансеновского» паспорта имели только иностранцы, получившие от губернской власти вид на жительство, где они значились русскими по происхождению, не принявшими другой национальности, уезжающие за границу. Выдавался он сроком не более чем на один год. На сертификате стояла отметка, что он не действителен для возвращения в Финляндию, если в нем дополнительно не поставлена обратная виза, которая выдавалась на срок не более трех месяцев.

Русские, жившие в Финляндии до закрытия границы, могли получить вид на жительство, имея серьезных поручителей. Вновь прибывшие из России беженцы пять лет должны были считаться советскими гражданами. Но это правило иногда нарушалось.³

По документам фонда Valpro можно восстановить последовательность получения семьей Репина удостоверений личности с видом на жительство и «нансеновских» паспортов, а позднее и гражданства.

И. Е. Репину первое удостоверение личности и вид на жительство, сроком на два года было выдано 22 марта 1924 года в Центральной ескейской полиции Гельсингфорса.⁴

23 января 1925 года «нансеновский паспорт» получил Дий Репин. По следующему, полученному им «нансеновскому паспорту» он ездил в 1928 году в Лондон.⁵

Неоднократно получала такой паспорт и Вера Репина. Первый раз 9 ноября 1927 года она выехала по нему в Париж.

Юрий Репин в 1925 году обратился с письмом (оно написано на немецком языке) в центральную полицию Хельсинки, в котором пишет: «С большой надеждой и как можно скорее прошу прислать паспорт Лиги Наций и надеюсь на скорое получение его». Этот паспорт он получил 3 ноября 1925 года.⁶

Переселение огромного числа беженцев из России, особенно в Выборгскую губернию, стало для Финляндии большой экономической проблемой. Всех прокормить было невозможно. Тогда в дискуссиях правительства по решению «русского вопроса» предлагались самые радикальные предложения, вплоть до выселения из Финляндии всех российских граждан за исключением украинцев и поляков. На специальные комитеты была возложена задача составления списков лиц, подлежащих высылке. Обсуждалось и предложение о постепенном освобождении от «чужого

³ См. подробнее. Там же.

⁴ КА ЕК-Valpro Фонд Илья Репин. Дело № 10454.

⁵ КА ЕК-Valpro Фонд Дий Репин. Дело № 10964.

⁶ КА ЕК-Valpro Фонд Юрия Репина. Дело № 10178.

населения на Карельском перешейке». Имелись в виду, прежде всего, дачные поселки на юго-западе.

Желание освободиться от русских всегда являлось преобладающей идеей в решении любых проблем и особенно политических. Антирусские настроения были столь велики, что в дебатах в Эдускунте высказывалось почти абсурдное мнение об опасности любого русского – будь то большевик или буржуа.⁷

Противником намерений глобального выселения русских выступил К. Г. Э. Маннергейм, выбранный в декабре 1918 года главой государства. По его мнению, вводить запрет на предоставление русским убежища в Финляндии нельзя, так как, во-первых, для некоторых из эмигрантов это означало бы вынесение смертного приговора, а, во-вторых, среди беглецов из России были и те, чьи имена хорошо известны цивилизованному миру, пристально следившему за их судьбами. Но при этом, Маннергейм не отрицал, как угрозу для безопасности государства, проникновения в Финляндию под видом беженцев большевистских агентов.⁸

В связи с острыми проблемами внутренней безопасности в Финляндии была введена и широко применялась практика полицейского надзора. Прослеживались связи, знакомства, перлюстрировалась переписка, прослушивались разговоры по телефону, велось наружное наблюдение.

Отдел надзора – орган военной контрразведки и политического сыска в составе военной разведки был создан 1 января 1920 года. Уже в тот период отделение надзора № 1 имело свои аппараты и представителей в различных населённых пунктах Финляндии. Непосредственно рапорты по надзору поступали в отделения сыскной полиции, существовавшие почти во всех городах.⁹

За И. Е. Репиным, несмотря на то, что он был всемирно известный художник и имел знакомства с представителями высших кругов финляндского общества, также велся полицейский надзор.

Отчеты наблюдений за И. Е. Репиным, представленные в фонде Valro, написаны на финском языке. В основном, они подавались в машинописном виде. Но есть и рукописные материалы. На некоторых имеется подпись наблюдателя, подавшего рапорт.

⁷ Рупасов А. И. Ук соч. С. 26.

⁸ Лайданен Эйнар. Финская военная контрразведка. // Север 1999. С. 2.

⁹ См. подробнее. Мусаев В. И. Русская диаспора в Финляндии в 1920–1930-х годах. Проблема адаптации. Певалайнен П. Изгон. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб. 2003. Певалайнен П. Финляндия и СССР в 1920–1930-х гг. Основные характеристики миграции и торговли // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб. 1999. С. 106.

В документах на Илью Репина преобладают отчеты Аарона Столберга (написание фамилии Репина – в шведской транскрипции). Личная карточка на Репина в сыскной полиции поселка Териоки была заведена в 1925 году.¹⁰

Судя по содержанию рапортов фонда Valro, основной задачей наблюдателей было выявление связей и анализ отношений художника и его семьи с большевиками. Поэтому самое большое количество отчетов по надзору поступило в сыскную полицию Териоки после пребывания у Репина в 1926 году делегации советских деятелей культуры. На И. Бродского, возглавлявшего группу посланцев Советского государства (художники Е. Кацман, П. Радимов и поэт А. Григорьев), была возложена миссия уговорить Репина переехать в новую Россию. Делегаты гостили в «Пенатах» с 30 июня по 13 июля. Первый отчет надзора поступил в сыскную полицию 14 июля 1926 года.

Это рукописный рапорт с неразборчивой подписью. Хотя в рапорте Репина называют дедом, но можно уверенно сказать, что это подпись не Юрия и не внуков Репина.

Неизвестный наблюдатель сообщал: «Вчера был у большого художника И. Е Репина.

Цель моего посещения узнать мнение Репина о четырех русских художниках, которые приезжали к нему несколько дней назад.

Дед был на этот раз к ним намного внимательнее, чем к другим, кто посещал его в этом году». Из России в 1925 году приезжали И. Гинцбург, П. Безруких и К. Чуковский, но об их приезде рапорт не поступал.

«Один из приезжавших, – следует далее в отчете, – Бродский – его ученик. И он был к нему тоже очень расположен. В этот день к деду приезжал доктор. Из их разговора понятно, что дед является исторически значимой фигурой. Бродский его очень превозносил. С каждым годом Репин становится все более необходим России».¹¹

Попытка переселить Репина в СССР была одной из первых акций Советского государства по возвращению на родину деятелей культуры. Переезд крупнейшего русского художника в Советскую Россию действительно был бы очень важным и престижным событием для СССР. В глазах мирового сообщества это выглядело бы как признание авторитета Советской власти и ее достижений.

Идея «возвращения Репина на родину» (хотя он никуда и не уезжал) возникла в ситуации противостояния авангардного искусства, пережившего официальный взлет в первые годы революции и утверждавшегося тогда нового направления, получившего позднее название

¹⁰ КА ЕК-Valro Фонд Илья Репин Дело № 10454.

¹¹ Там же.

социалистический реализм. Советской Республике понадобился, если использовать фразеологию тех лет, идейный вдохновитель реалистического искусства, провозглашенного тогда главным и единственным направлением, необходимым советскому народу. Приезд Репина был бы значительной поддержкой для только что созданного объединения Ассоциации художников революционной России (АХРР), являвшейся по сути художественной организацией идеологически ориентированной на задачи партии и государства. Нужен был художник, в творчестве которого демократические традиции возводились в ранг революционной идейности, которая и должна была стать основой содержания произведений мастеров реалистической живописи. «Мы, русские художники, – писал Репину в 1923 году художник А. А. Рылов, – современники Ваши всегда гордимся великим художником земли Русской и искренне жалеем, что не видим Вас в своей среде, хотя и чувствуем близость Вашу. Многочисленные произведения Ваши, собранные в Русском музее, поражают своей мощью. Они такие близкие нам родные [...]», Восхищаясь Картиной Репина «Государственный совет», он восклицал, «Какими жалкими кажутся все горделивые неистовства современных новаторов».¹²

«Искреннее» желание рядовых художников видеть Репина в своих рядах, трансформировалось в политическую задачу, решением которой занялось правительство. Вопрос по делу Репина был поставлен на заседании Политбюро и по нему вынесена резолюция за подписью Сталина: «разрешить Репину вернуться в СССР, поручив т. т. Луначарскому и Ионову принять соответствующие меры».¹³ При этом для общественности вопрос преподносился так, что желаемое выдавалось за действительное: Репин хочет приехать в Новую Россию, а правительство – разрешает.

История о «возвращении Репина» – это большой сюжет, который имеет витиеватое развитие. Сначала подготовка в виде информационной обработки художника и его семьи. Затем напористые или заискивающие приглашения друзей, официальных организаций, откровенные уговоры с большими посулами, дипломатически выверенные письма от самых высоких представителей власти и, наконец, жесткие приказы переговорщикам: «Действуйте, как хотите, писал К. Е. Ворошилов, но так, чтобы И. Е. был перемещен к себе на Родину...».¹⁴

¹² ПВА РАХ Ф. 25. Оп. 2. Д. 448. Л. 1–2.

¹³ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 163 (Ч. 1). Д. 422. Протокол заседания Политбюро от 22 мая 1924 г. и материалы. Цитируется по рукописи статьи Е. В. Кирилловой «Переписка И. Е. Репина и В. И. Базилевского».

¹⁴ ПВА РАХ Ф. 25. Оп. 2. Д. 448. Л. 5–6.

Но эта история не имеет счастливого для агитирующих лиц конца: Репин не приехал.

Документы полицейского надзора – это еще один источник, который со стороны, глазами наблюдателей сыскной полиции, позволяет взглянуть на некоторые страницы эпопеи «возвращения Репина». Они не раскрывают всех деталей, но передают самое важное: Репин не хотел переезжать в Советскую Россию.

Содержание двух рапортов поступивших после посещения Бродским и его компании «Пенатов» практически одинаково.

Безымянные авторы сообщали, что «к Репину приезжала делегация из Советской России, которую возглавлял ученик Репина Исаак Бродский.

Делегация привезла деньги 220-300 рублей, что составляет 4000-6000 финских марок. Привезли книги и письма от друзей и знакомых Репина. Говорили о возвращении Репина в Россию. Ему обещали предоставить все условия для творчества и присвоить звание Народного художника. Обещали решить вопрос с возвращением Репину его имущества.

Также привезли официальное приглашение от Художественного объединения АХРР. Репин подарил России картины, а ехать в СССР не хочет, ссылаясь на свою старость и любимый дом.

Делегация посетила так же сына Репина Юрия и решила из общей суммы выделить ему 500 марок. А также пригласили Юрия приехать в Россию. Через сына надеются уговорить Репина вернуться».

«31 июля Юрий Репин и Исаак Бродский, – сообщалось далее в рапорте, – ездили в Хельсинки в советское полпредство, чтобы решить вопрос о выделении части денег для Юрия.

Репин просил Бродского сделать для Юрия заказ на выполнение картины.

Сын Юрий восхищен большевиками и открыто высказывает свои восторги по поводу Советского государства. И не боится таких разговоров, даже, если его арестуют.

Юрий хочет поехать в Россию к русским художникам, но хочет вернуться и для этого просит выхлопотать обратную визу.

Художники уехали, договорившись, что Юрий Ильич придет в СССР к Бродскому. Юрий чувствует себя большевиком, но хочет и визу назад получить», – резюмирует наблюдатель.¹⁵

Посещение делегации из России повлекло за собой рапорт от сыскной полиции поселка Терийоки Министру образования. Сыскная полиция выслала Министру для сведения бумаги о проживающем в Куоккале русском художнике Илье Репине (полная биографическая справка

¹⁵ КА ЕК-Valro Фонд Илья Репин. Дело № 10454.

с записями об отце и матери) и справка об имеющейся собственности. Документ был дополнен сообщением – «большевикам удалось склонить на свою сторону сына Репина Юрия».¹⁶ Складывается впечатление, что сыскная полиция подчинялась Министерству образования, куда направлялись наиболее важные наблюдения сыска.

Следующий рапорт связан с поездкой Юрия в Ленинград.

В сыскную полицию была направлена перепечатка небольшой статьи известного искусствоведа Николая Радлова в утреннем номере ленинградской «Красной газеты» от 17 августа 1926 года. Под названием «Ю. И. Репин в Ленинграде».

«В Ленинград, – пишет Радлов, – приехал после восьмилетнего отсутствия Ю. Репин, сын знаменитого художника, выдающийся живописец сам, известный в Ленинграде по выставкам передвижников и Союза русских художников. Все эти годы Юрий Репин прожил почти безвыездно со своим отцом в Куоккале. Несмотря на спокойную жизнь и возможность углубленной и плодотворной работы, художник постоянно стремился на родину. Он отмечает духовный подъем, который чувствует здесь особенно остро после долгого его отсутствия.

Юрий Репин работал в области портрета, пейзажа и исторической живописи. Художник с большим воображением он предпочитает натуре образы, выношенные фантазией. Даже в портретной живописи он творит, отвлекаясь от непосредственного впечатления. Несколько композиций он посвятил одному из самых своих любимых героев – Петру I. Вместе с отцом и художником Василием Леви Ю. Репин участвовал на выставке, посетившей несколько городов Финляндии и находящейся теперь в Лондоне. Художник не привез сейчас сюда своих работ. Не рассчитывал остаться здесь долго, в этот первый свой приезд. Хотелось бы думать, однако, что его поездка является провозвестником окончательного возвращения на родину двух крупных художников».¹⁷

Таким образом, «возвращение Репина» активно рекламировали. Но, когда идея «перемещения художника» потерпела фиаско, в газетах писали, что Репин не может приехать из-за болезни ноги. Это была ложь. Поэтому трудно судить насколько точными были и остальные высказывания Н. Радлова по поводу стремления Юрия вернуться на родину.

Для Юрия его теплое отношение к большевикам и поездка в Россию имели негативное последствие при попытке получить финляндское гражданство.

1929 году Юрий подал заявление, и в ответ на это 3 июня 1929 года Выборгскому губернатору из сыскной полиции Терийок пришел рапорт

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

о том, что «проситель в августе 1926 года получал паспорт, по которому он уехал 14 августа в Россию и вернулся 4 сентября. И поскольку до этого времени Юрий Репин не представил бумагу о том, что он отказался от российского гражданства, он, таким образом, был признан официально гражданином СССР и останется им пять лет до конца действия советского паспорта. В этом случае полиция считает недостаточными основания для предоставления финского гражданства и других данных у них нет».¹⁸

В 1931 году Юрий вновь просит о выдаче гражданства и пишет Выборгскому губернатору: «Я подтверждаю, что ездил в СССР. Но у меня никогда не было Советского паспорта и других бумаг, подтверждающих, что я являюсь подданным СССР».¹⁹ Он просит дать ему разрешение на пребывание, так как он русский по рождению. Возможно, Юрий зарегистрировался в советской миссии перед тем, как поехать в Ленинград, при этом условии ему и выдали визу. Регистрация же в советской миссии и означала продления советского подданства, от которого он не отказывался ранее.

На Илью Ефимовича Репина в фонде Valpro сохранилось еще два документа. В одном из них, поступившем в 1926 году, продолжается тема «возвращения на Родину». Так как Репин не хочет возвращаться, то к нему планируют прислать еще одну делегацию. Эти сведения сыскной полицией были получены из письма И. Бродского (его копия была представлена в сыскную полицию и сохранилась в архиве), который писал: «...у меня была выставка, на ее открытие приехал Климентий (так в тексте. – *Т.В.*) Ефремович Ворошилов, которого мы все очень уважаем и я в том числе. Ему понравились мои работы и конечно заговорили о Вас. Разговор продолжился и закончился в его рабочем кабинете. Ваше дело, по моему мнению, в очень хорошем положении и будет решено. (Разговор идет о возвращении Репину пропавших при национализации Российских банков его накоплений. – *Т.В.*) Ворошилов делает о Вас представление в правительство, которое даст указание Луначарскому (это я сам читал) послать к Вам комиссию из нескольких представителей для переговоров с Вами. Разговаривать будут о деньгах, о квартире, и о Вашем возвращении. Конечно, Вам не обещают вернуть всю собственность, но все-таки большую часть, которая сможет поддержать доход Вашей семьи до конца Вашей жизни. И думаю, что Вам дадут звание „Народного художника“, от которого нельзя отказаться, поскольку это даст Вам правительство. Я бы хотел быть в составе этой делегации, и это было бы очень полезно для Вас. И поэтому напишите,

¹⁸ КА ЕК-Valpro Фонд Юрия Репина. Дело № 10178

¹⁹ Там же.

пожалуйста, Луначарскому, чтобы я приехал. Я уже говорил с Луначарским, он ничего против не имеет, но лучше, чтобы Вы написали. Могу гарантировать, что о Вашей старости будет заботиться Советское правительство, которое отдает дань уважения и любит Вас».²⁰

Однако, вместо Бродского, в качестве переговорщика прислали профессора и ректора 2-го московского университета А. П. Пинкевича.²¹

Его миссия закончилась так же безрезультатно. Репин отказался не только от возвращения, но и от присвоенного ему звания «народный художник».²²

Важный визит А. П. Пинкевича полицейский надзор не проконтролировал. Документов по нему в фонде Valpo нет. Возможно, отказ Репина возвращаться снизил интерес к нему полиции.

Однако через два года в сыскную полицию поступил рапорт от уже упоминавшегося нами господина Столберга. Вот его содержание:

«В декабре 1928 года я заметил на станции Куоккала, выходящим из поезда господина Николая Буренина. (Николай Евгеньевич Буренин - профессиональный революционер. После революции 1917 года работал в Наркомвнешторге и в Комиссариате театров и зрелищ. Как сотрудник Наркомвнешторга был направлен в Финляндию в качестве заместителя торгпреда РСФСР. - *Т. В.*) Его никто не встречал. Я позвонил полицейскому констеблю Вестерлунду, чтобы тот проследил, куда он пошел. В конце концов, через начальника станции Куоккала по телефону он передал, что Буренин пошел к Репину. Буренин хорошо воспитанный человек идет к Репину, чтобы соблазнить его вернуться в Россию. (Звучит уже как шутка. - *Т. В.*) Я сразу пошел к Репину, но там Буренина не было. А Репин мне сказал, что он окончательно порушил мосты с большевиками и изолировал себя как в пещере, чтобы его никто не смог беспокоить. Я не знал, куда делся Буренин, и, вернувшись на станцию, увидел, что он пришел к четвертому поезду в Выборг. Его провожал господин Дзескальн, совершенно не скрываясь. У него летом жила госпожа Колбасьева, о которой я Вам раньше писал. (Мы знаем, что Дзескальн был архитектором. В «Пенатах» хранится его портрет, написанный Ю. Репиным. - *Т. В.*) Я шел за ними на таком расстоянии, что бы они меня не видели, но я слышал: они разговаривали о теософских вопросах, которыми Дзескальн очень увлечен. Мне неудобно было спрашивать, по каким делам был Буренин, но постараюсь узнать. Контролер сказал, что Буренин вошел в поезд в Мустамяки, где живет Крит и где, я думаю, полиции есть, что проверять. Подписано

²⁰ Там же.

²¹ См. Илья Репин - Корней Чуковский. Переписка. М. 2006, С. 246.

²² РГАСПИ Ф. 74. Оп. 1. Д. 297. Л. 11-11об.

Столберг».²⁰ На бумаге стоит печать сысской полиции. Это типичный образец наблюдения агента полиции.

В деле Юрия Репина имеется уникальный документ 1935 года.

К этому времени в «Пенатах» остались жить Вера Репина и Юрий с сыном Дием. В начале 1929 года у Юрия умерла жена. Сын Гай в 1923 году уехал учиться в Чехию. И. Е. Репин умер в 1930 году. Его дочь Надя умерла в 1931-м. Вторым сыном Юрия, Дий, был моряком и просил предоставить ему «нансеновский» паспорт, чтобы уйти в море, но вместо этого, как пишет наблюдатель: «Дий 2 февраля 1935 года нелегально отправился в советскую Россию», о чем в этот же день в соответствии с телефонным разговором имел честь доложить в отделение сысской полиции». (Подпись неразборчива).²¹ А через десять месяцев - 17 ноября 1935 года, о чем мы так же узнаем из донесения, в полицию была представлена копия письма Ю. Репина с сопроводительным текстом:

«Юрий Репин - очень странный, как мальчик, хотя уже взрослый человек, иногда он пишет о Сталине как о Боге».

«Сегодня он был на почте и послал письмо: Москва, Центральный комитет, Сталину».

Письмо от 12 ноября 1935 года. Финляндия. Куоккала. Ю. Репин. Приписка: «И это же письмо в газету «Меч».

Братья во Христе и нынешний руководитель Сталин. Добавьте хлеба всем, кому не хватает пицци и вам воздастся и укрепится Ваше положение в правлении. Сохраните народ от грабительства, синдикатов торговцев. Не уменьшайте силы господа. Он правитель. Но и милующий. Войны не будет долгое время, так сказал господь.

Пост скрипту: Поскольку в консульстве мне не дали ответ, Вы дайте мне ответ, где он: который ушел в этом году в конце февраля искать счастья в России. Сведения о нем: Дий Юрьевич Репин. Родился в России в марте 1907 года в петроградской губернии, в деревне Иллики под Ораниенбаумом.

Он одаренный художник и был также моряком. 11 лет плавал и два раза на разных парусниках огибал мир. Я не писал ему. Не хочу мешать на новом месте, чтобы не вызвать к нему недоверия. Если он забыт или попал в неприятную жизненную ситуацию, прошу ее улучшить. С уважением, Юрий Репин».²² По этому письму, можно сказать, что писал его совсем потерянный от горя человек.

Сейчас мы знаем из опубликованных архивов ФСБ, что судьба Дия была очень трагична. Он состоял членом подпольных террористических

²⁰ КА ЕК - Валро Фонд Илья Репин Дело № 10454

²¹ КА ЕК - Валро Фонд Дий Репин. Дело № 10964

²² КА ЕК - Валро Фонд Юрия Репина. Дело № 10178

организаций: сначала в куоккальском отделении БРП (Братства Русской Правды), а затем в РОВСе.

2 февраля 1935 года его отправили в СССР с заданием проводить тракты против высших руководителей партии и государства. Но был арестован и 10 июня 1935 года Дия арестовали и приговорили по статьям 58-8 и 84 УК РСФСР к расстрелу.²⁰ Ему было 28 лет.

В «Пенатах» остались Юрий и Вера. Юрий общался более всего с Богом и в этом общении он находил покой и душевное равновесие. Не хочется говорить о его психической болезни. Судя по его письмам и дневникам, он был очень добрый, трогательный человек. Кто к нему хорошо относился, называли его «духовидец». Он продолжал писать картины (от бедности на фанере или картоне), прекрасные работы, на которых он воссоздавал свои видения, сны, и фантазии.

В 1939 году с началом «зимней» войны, вместе с Верой уехал в Хельсинки. Вера умерла в 1948 году, а Юрий в 1954-м выпал из окна дома Армии спасения, где он жил, очень бедствуя.

«Пенаты» в 1944 году сгорели во время боевых действий. В 1962-м были восстановлены и, как завещали Н. Нордман и И. Репин, перешли в ведение Академии художеств и стали музеем, в котором почти все сохранено таким, каким было при жизни художника. И может быть, агенты сыскной полиции, в том числе и господин Столберг, наблюдавший за Репиным и его соседями по Куоккале, посещали музей.

---

²⁰ Базанов П. Соловьев М. «Ночью Сталину не спится, все веревка ему снится... «Братство русской правды» — забытая организация русского зарубежья // Родина. №8. С.81.

Ю. Д. Балащенко

Незаслуженно забытый художник Юрий Репин (1877–1954)

О жизни и творчестве И. Е. Репина знает каждый мало-мальски образованный человек, интересующийся русской живописью конца XIX – начала XX веков, а о тернистом творческом и жизненном пути Юрия Ильича Репина – сына великого русского живописца – мало кто знает.

29 марта (10 апреля н. с.) 1877 года в семье Репиных родился сын. Родители назвали его Георгием. Это радостное событие произошло в городе Чугуеве Харьковской губернии, на родине отца. В тот же день И. Е. Репин написал В. В. Стасову: «...Сегодня для меня превосходный день: во-первых, у нас родился сын, а во-вторых, получил Ваше письмо». И в конце письма добавил: «Сына мы назвали Георгием». Через месяц (27 апреля) Стасов ответил Репину: «Вот у Вас нынче сын Георгий, а три дня назад я крестил у моей Софьи нового своего внука, тоже Георгия, только под именем Юрия. Я бы советовал и Вам предпочесть русскую форму – византийской. Мне, по крайней мере, слово „Юрий“ ужасно нравится, я же сам его и предложил».¹ С тех пор сына Репина стали называть Юрием. Всего же у Репина было четверо детей, но сын был только один.

Илья Ефимович, считая Юрия не обделенным талантом живописца, стал первым его учителем в области искусства. В марте 1890 года друг Репина А. В. Жиркевич познакомился с его детьми. Отвечая, на вопрос Жиркевича о наклонностях детей, Репин сказал: «Ни один из них не станет художником, хотя у сына есть задатки таланта».²

В 1892 году, когда Юрию Репину исполнилось 15 лет, Илья Ефимович Репин, уже знаменитый к тому времени художник, купил в окрестностях

¹ Москвинов В. П. По Репинским местам харьковщины. // Репин. Художественное наследство. М.-Л. Т. 2. С. 417–418.

² Жиркевич А. В. Встречи с Репиным. // Репин. Художественное наследство. М.-Л. Т. 2. С. 141.

Витебска имение «Здравнёво». Это была первая собственность семьи Репиных, расположенная в красивейшем месте на берегу Западной Двины. Дом, почти полностью перестроенный и приспособленный для работы в нём художника, сад, поле и «деревенские прелести» позволили через пару лет собраться вместе всей многочисленной семье Репина. Для Юрия Репина «Здравнёво» стало местом становления его, как художника.

В семилетнем возрасте Юрий тяжело заболел, и, возможно, эта болезнь сказалась на его дальнейшем развитии. Учение давалось Юрию с трудом, поэтому Репин, беспокоясь о его здоровье, осенью 1893 года, забрав 16-летнего сына из реального училища, отправился с ним в Европу. Конечным пунктом их путешествия была Италия. По дороге туда отец и сын побывали во всех крупных европейских городах, где они посещали художественные выставки и музеи. Проехав почти всю Италию, осматривая по пути древности и современные памятники, они добрались до Неаполя, где прожили зиму, посещая местные достопримечательности. Перед возвращением на родину они побывали в Париже.

Это было первое и последнее путешествие Юрия по Европе, которое он вспоминал до конца жизни. Поездка с отцом, став наиболее значимым эпизодом в жизни Юрия Ильича, не только расширила кругозор начинающего художника, но и стала для него своеобразным «университетом». Результатом путешествия для Юрия явилось достаточно глубокое знакомство как с историей, так и с искусством европейских народов. В начале 1950-х годов Юрий Ильич попытался обобщить свои впечатления об этой поездке в отдельных письмах-воспоминаниях, которые он назвал «Поездка в Италию». Юношеские переживания и впечатления от увиденного настолько глубоко врезались ему в память, что даже в преклонном возрасте он помнил все до мельчайших подробностей. Письма были написаны им в Хельсинки, где он тогда жил, и адресовались старшему сыну Гаю. Юрий Ильич надеялся, что эти его письма собранные вместе когда-нибудь будут опубликованы.

В сентябре 1895 года А. В. Жиркевич, приехав в «Здравнёво», стал свидетелем живописных опытов Юрия. В своем дневнике он записал: «Из Юры вырабатывается замечательный художник: он начал писать портрет с своего деда Ал. Ив. Шевцова – и портрет удивительно похож, не говоря уже о прекрасной лепке. Сам Репин им доволен и находит работу достаточно „сочной“. При мне он показывал Юре недостатки портрета и учил, что и как надо исправить» И далее: «Какая разница в Юре с прошлыми годами! Тогда он ненавидел живопись; теперь увлекается ею, хотя и не верит в свои силы, будучи убежден, что еще не в состоянии творить и компоновать рисунки самостоятельно. Он по-прежнему

недалек, но в этом юноше доброе благородное сердце и чистота, несмотря на его девятнадцать лет и жизнь в Петербурге».³

Репин, всячески помогая сыну, взял его учиться в частную Тенишевскую студию, где преподавал. Через некоторое время Юрий Репин поступил на Высшие художественно-педагогические курсы при Императорской Академии Художеств. Там он занимался в разных мастерских. Некоторое время его руководителями были П. О. Ковалевский и Ф. А. Рубо. В 1901 году Юрий, получив заказ от конезаводчика А. Бутовича написать «портреты» знаменитых лошадей, с блеском его выполнил. Сейчас эти полотна находятся в Музее коневодства в Москве.

В январе 1905 года Юрий Репин обвенчался, чему отец был весьма не рад, с бедной девушкой Прасковьей Андреевной Андреевой племянницей прислуги Репиных. Как писал В. Ф. Леви, отношения Юрия с отцом стали натянутыми «после того, как сын женился на „неровне“ (с точки зрения Репина, стремившегося к продвижению вверх, в образованные слои общества)».⁴

После окончания художественных курсов Юрий должен был написать конкурсную (дипломную) картину, но он ее не написал, несмотря на отсрочку. В то же время Юрий Ильич подготовил большой холст «Петр I. Великий вождь» к 200-летию Полтавской битвы. Картина имела успех, получив первую премию Общества поощрения художеств, демонстрировалась в Русском павильоне на Всемирной выставке в Риме в 1911 году, где она пользовалась заслуженным интересом у зрителей. Сейчас это полотно находится в музее Полтавской битвы города Полтавы (Украина).

Следует отметить, что Юрий Репин, как он считал не без основания и гордости, был похож на Петра I. Сходство особенно хорошо заметно на автопортрете Юрия, находящемся в экспозиции Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты». Портрет не датирован, но, по мнению создателей путеводителя по Музею-усадьбе, «его можно отнести к 1915-1918 годам», и как считают исследователи, «... портрет очень точно характеризует автора, его душевную неуравновешенность и его постоянное недовольство собой».⁵

Отмечая это сходство, дочь известного писателя Леонида Андреева Вера Леонидовна (1910-1986) писала в своих воспоминаниях: «Наружность

³ Жиркевич А. В. Встречи с Репиным. // Репин. Художественное наследство. М.-Л. Т. 2. С. 161.

⁴ Леви В. Ф. И. Е. Репин в годы революции. // Репин. Художественное наследство. М.-Л. Т. 1. С. 309.

⁵ Пенаты. Музей-усадьба И. Е. Репина. Путеводитель. Под редакцией Е. Г. Левенфиц, Л.-М. 1965. С. 95.

у Юрия Репина весьма примечательна: огромного роста, могучего телосложения, черноволосый, с небольшими усиками, он чрезвычайно напоминал Петра Великого. Сходство становилось еще более разительным, когда с мрачным вдохновением он начинал рассказывать что-нибудь, и лицо подергивалось где-то около губ легкой судорогой».⁶

После женитьбы Юрий Ильич жил в отцовской усадьбе «Пенаты», но в собственном доме, названном им «Вигвамом», который находился ближе к дороге и заливу. В 1906 и в 1907 годах в семье у младшего Репина родились два сына – Гай (Георгий) и Дий (Дмитрий). Немного повзрослев, дети Юрия отпустили длинные волосы, которые они как североамериканские индейцы заплетали в тонкие косички. Правда, на многочисленных фотографиях той поры они больше похожи на маленьких девочек, чем на индейцев. В детстве внуки Репина очень любили играть в индейцев. На многих фотографиях они сняты играющими с домашними животными или, например, сидящими в санках, в которые запряжена собака. И, если судить по этим фотографиям, Юрий Ильич принимал самое активное участие в их играх. Вероятно, необычное имя дома и детские игры детей Юрия в индейцев были навеяны рассказами хозяйки «Пенат» Натальи Борисовны Нордман (1863–1914) об Америке, где она путешествовала в юности.

Для младшего внука Ильи Ефимовича – Дия – игра в индейцев несколько затянулась. Стремление к авантюрам, в конечном итоге сыграло с ним злую шутку. В 1930-е годы он состоял членом двух подпольных антисоветских организаций. В 1935-м Дий нелегально перешел советскую границу, получив задание организовать покушение на высших руководителей СССР, и как указала Т. П. Бородина в статье посвященной надзору финской полицией за семьей Репина, «Дий арестован и приговорен 10 июня 1935 г. военным трибуналом Ленинградского военного округа по статьям 58-8 и 84 УК РСФСР к расстрелу».⁷ Юрий Репин, как следует из его писем, до самой своей кончины считал Дия живым, полагая, что тот живет где-то в России на нелегальном положении. В письмах он постоянно писал, что просит Бога о ниспослании здоровья, как Гаю, так и Дию. Так в письме от 1 июля 1950 года он сообщал сыну, что его завещание на имя Гая и Дия, а также деньги в сумме 154 030 финских марок и рисунки И. Е. Репина, находятся в Банке «Kansallis – Osake-Pankki» в Хельсинки. О младшем сыне он писал, что «о Дие знают в Русском Консульстве, что он под другой фамилией в России, куда ему через Консула переслана доля рисунков

⁶ Андреева В. Л. Эхо прошедшего. М. 1986. С. 101.

⁷ См. статью Бородиной Т. П. «Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репинными его семьей» в настоящем сборнике.

(И. Е. Репина. – Ю. В.)). И далее – «с Дием переписываться нельзя, потому, что можно навредить ему».⁸

Как в «Здравнево», так и в «Пенатах» у старшего и младшего Репиных были любимые собаки, которые попали не только на многочисленные фотографии, сделанные в первом и втором имениях Репина, но и на живописные полотна Ильи Ефимовича и Юрия Ильича. По авторитетному мнению известного искусствоведа Е. В. Кириллиной: «Юрий Ильич восхищался простодушием животных и считал, что людям неплохо бы поучиться верности и преданности у собак. В картине „Христос и собачка“ он уподобляет себя этому маленькому существу».⁹ Судя по тому, что ни на фотографиях, ни тем более на картинах отца и сына никогда не было кошек, они их не любили, а всю свою дружбу и привязанность отдавали собакам. Пегас в «Здравнево» и названные в честь Н. Б. Нордман очаровательный Натик и огромный лохматый Норд в «Пенатах» повсюду сопровождали любящих их хозяев. Полноправные обитатели Репинских усадеб, они смотрят на нас с фотографий и великолепных картин Ильи Ефимовича и Юрия Репиных.

Н. В. Нордман, сочувствуя молодой семье, в 1908 году при оформлении документов на дом Юрия составила купчую на его имя. Она давала сыну Репина полную самостоятельность во владении домом. Необходимо отметить, что Наталья Борисовна всячески старалась сгладить некоторое напряжение между отцом и сыном, возникшее после женитьбы Юрия.

Живя в Куоккале, Юрий Репин постоянно много работал как живописец. Картины он писал на всем, что попадало под руку, наряду с холстами это были обломки фанеры, куски картона и другие случайные материалы. В то же время он пытался преподавать, открыв в 1914 году частную рисовальную школу, стал учить детей рисованию.

В годы перед Октябрьской революцией и сразу же после нее Юрий Ильич принимал участие во многих выставках. Его работы тех лет попали в художественные собрания Третьяковской галереи, Русского музея. Как отметил Леонид Варебрус в статье, посвященной Ю. Репину: «До 1921 его картины продолжали появляться на советских выставках, в частности на Первой государственной свободной выставке произведений искусств в Петрограде (1919) и в том же, 1919 году, на Третьей выставке картин в Ризани».¹⁰

⁸ Все цитируемые письма Ю. И. Репина находятся в фондах Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты».

⁹ Кириллина Е. В. Аннотация к выставке живописи Ю. И. Репина в Музее-усадьбе И. Е. Репина «Пенаты» в 2011 г.

¹⁰ Леонид Варебрус. Русский Хельсинки: Юрий, сын Ильи. // «Иные берега». № 1(17), 2010. С. 141.

В августе 1926 года Ю. Репин приезжал в Ленинград, где его прекрасно принимали. Визит в СССР был обусловлен намечавшимся заказом советского правительства написать по эскизам И. Е. Репина картину «Конец самодержавия», по этому замыслу не суждено было воплотиться в жизнь.

После смерти в 1929 году жены, которую он очень любил, отца в 1930-м и сестры Надежды в 1931-м он остался практически один. О своем одиночестве и верности жене Юрий Ильич постоянно упоминал в своих письмах сыну Гаю.

Прожив в «Вигваме» до осени 1939 года, Юрий пережил и революцию, и отделение Финляндии от России. Осенью 1939-го Правительство Финляндии, в преддверии войны с СССР, стало эвакуировать жителей с Карельского перешейка. В письме к сыну от 20 января 1952 года Юрий Ильич описал эвакуацию из Куоккалы, начавшуюся 29 сентября. Выехав из «Пенат», дети Репина, Вера Ильинична и Юрий Ильич, обосновались в Хельсинки.

В декабре 1939 года в самом начале «зимней» войны, как ее называли финны, в «Пенаты» вслед за советскими войсками приехали сотрудники Академии Художеств, которой И. Е. Репин по завещанию, составленному им еще до 1917 г., оставил свою усадьбу на Карельском перешейке. Приехавшие обнаружили в домах отца и сына картины, рисунки, книги и архив, который впоследствии составил фонд И. Е. Репина в Научно-библиографическом архиве Академии Художеств. В июне 1940 года в доме И. Е. Репина открыли мемориальный музей, а картины Юрия Репина убрали в фонды, располагавшиеся в его же доме.

Через год после открытия музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» началась Великая Отечественная война. Все представлявшие ценность мемориальные вещи, картины и рисунки из обоих домов были вывезены в Академию Художеств, где и хранились вплоть до нового открытия музея в 1962 году. В 1944 году после окончания боев на Карельском перешейке выяснилось, что все постройки на территории усадьбы художника полностью сгорели. В том же году праздновалось 100-летие со дня рождения И. Е. Репина, и, несмотря на продолжавшуюся кровопролитную войну, Правительство СССР приняло беспрецедентное решение о полном воссоздании Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты». Восстановление усадьбы продолжалось вплоть до 1962 года.

Так как от дома Юрия Репина сохранился только фундамент, да и то не полностью, его в отличие от дома отца не стали восстанавливать. Творческое же наследие живописца осталось в хранилищах. И это несмотря на то, что художник Евгений Александрович Кацман, побывавший в 1926 году в гостях у И. Е. Репина в «Пенатах» в составе советской

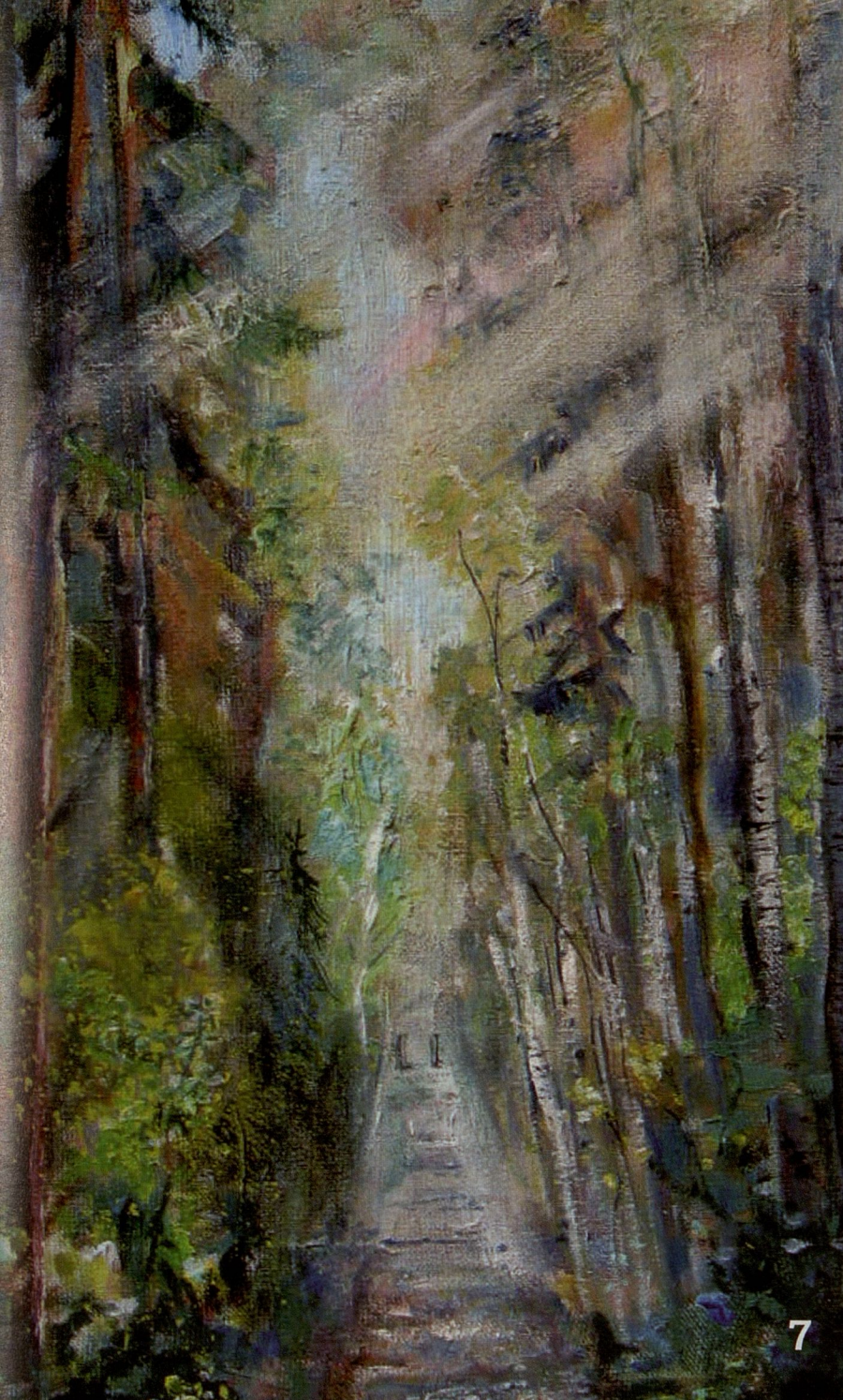

5

6

8

9

делегации, писал о Ю. Репине, что это «выдающийся художник, работы которого давно приобретены Третьяковской галереей».¹¹ Музейщики того времени считали, что время для демонстрации его картин еще не пришло. Многие картины Юрия Репина как по исполнению, так и по содержанию не вписывались в советскую действительность. Да и сам облик и характер художника также были неординарны. Кацман писал о нем, что «держится он незаметно, тихо; скромный, веселый, милый и странный».¹²

В то же время художник-любитель Василий Филлипович Леви, друг И. Е. Репина в последние годы его жизни, оставил несколько иное описание Юрия Репина – «трудолюбивый, честный и не лишенный интимного таланта художника, был тоже душевно неуравновешен, но, вследствие какой-то ранней болезни, даже недоразвит и малограмотен».¹³

Но, несмотря на некоторую разницу в оценках личности младшего Репина, оба сходятся в том, что Юрий был талантлив, хотя, конечно, его творчество меркло в сравнении с гением отца. Тот же Кацман после посещения мастерской художника отметил, что уже в ранних работах «начался тот особенный стиль Юрия Репина, который теперь здесь развернулся совершенно явственно. Целый ряд картин посвящен его снам, работы-сны, как бы жизнь особой, ни на что не похожей страны. Глядя на эти картины-сны, понимаешь жизнь и работы Юрия: он и явь – то видит как бы сквозь сон. И жизнь его, как сон, тихий и странный».¹⁴

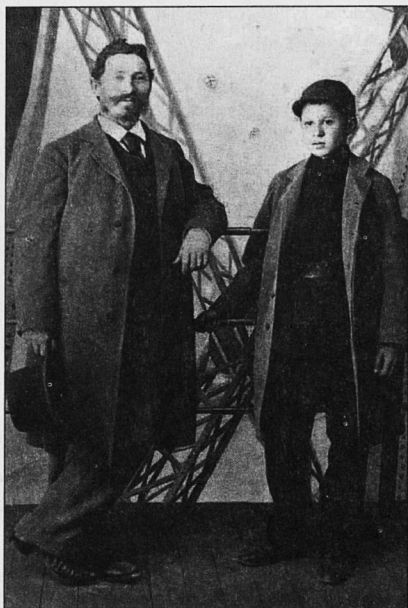
Покинув свой дом в 1939 году, как уже указывалось, Юрий Ильич, так же, как и его старшая сестра Вера, обосновался в Хельсинки. Живя в столице Финляндии, он существовал на случайные заработки, ночуя в приюте «Армии спасения» по адресу: Хельсинки, ул. Альпикату (Alppikatu) 25, занимая крошечную комнатку на пятом этаже под № 57. В письме к Гаю от 31 июля 1952 года, описывая комнату, он отмечает, что размеры ее «два метра на полтора метра и в ней не было ни стола, ни стула». А платил он за нее тысячу финских марок в месяц. Примечательно, что это здание сохранилось до сегодняшнего дня, практически не поменяв своего назначения, что явствует из таблички на нем – «Мужское общежитие». Этот приют находится совсем рядом с одним из самых красивых соборов Хельсинки.

¹¹Кацман Е. А. Поездка к Репину в 1926 году. // Репин. Художественное наследство. М.-Л. Т. 2. С. 310.

¹² Там же.

¹³ Леви В. Ф. И. Е. Репин в годы революции. // Репин. Художественное наследство. М.-Л. Т. 1 С. 309.

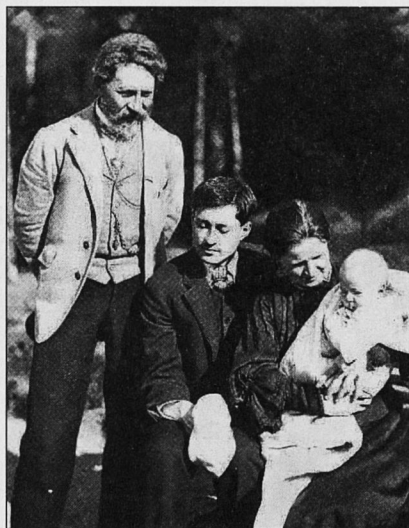
¹⁴Кацман Е. А. Поездка к Репину в 1926 году. Репин. // Художественное наследство. М.-Л. Т. 2. С. 314.

*И.Е. Репин с сыном Юрием
на Эйфелевой башне в Париже. 1894 г.*

Юрий Ильич Репин. 1951 г.

*И.Е. Репин с семьей Юрия.
На руках Прасковьи Репиной
старший сын Гай. 1906 г.*

*Ю.И. Репин на лестнице
приюта «Армии спасения».
Хельсинки. 1954 г.*

*Ученик И.Е. Репина Вещилов на этюдах в Здравнёво.
Юрий Репин рядом с собакой по кличке Пегас. 1890-годы.*

Отец и сын Репины у артезианского колодца. 1928 г.

1

1. Семья Юрия Репина с собакой на фоне «Вигвама». 1920-е гг.

2. Мастерская Юрия Репина после того, как Куоккала была занята Красной армией. 1940 г.

4. Юрий Репин у крыльца «Вигвама». 1920-е гг.

3. Развалины «Вигвама». Август 1944 г.

2

4

3

О послевоенной жизни Юрия Ильича Репина известно в основном из его писем, написанных старшему сыну Гаю. 125 писем, которые находятся в фондах Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты», хотя и носят сугубо личный характер, тем не менее, дают представление о жизни в Хельсинки безработного русского эмигранта, не имевшего финского гражданства. Письма, охватывая восьмилетний период с 1947 по 1954 годы, отражают не только жизнь самого Юрия, но и являются интереснейшим источником сведений о жизни финской столицы после Второй Мировой войны. Реалии послевоенного времени и доброжелательное отношение, как простых финнов, так и официальных лиц, вплоть до Президента страны к пожилому, не очень здоровому художнику, находящемуся в стесненных обстоятельствах, прослеживаются практически во всех письмах. Так, например, в письме от 16 декабря 1949 года Юрий сообщил сыну, что получил от Правительства Финляндии компенсацию в размере 208 тысяч финских марок за потерянное во время войны имущество. Положив деньги в банк, он из них каждые 2-3 месяца отправлял по 10 тысяч финских марок в госпиталь сыну, о чем заранее уведомлял Гаю в письмах. Сам же Юрий Ильич, живя в приюте и не имея постоянного заработка, пытался свести концы с концами, выполняя живописные заказы для обывателей, зачастую даже не за деньги, а за продукты питания, а иногда за обед или ужин.

Религиозно-мистические откровения, рассыпанные по всем посланиям к Гаю, помогают лучше понять творчество Юрия Репина. К сожалению, российским исследователям в основном доступно для изучения наследие художника до 1939 года, большая часть которого находится в фондах Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты». Реалистические портреты и пейзажи, произведения на религиозные темы и видения автора, воплощенные на холсте, о которых так хорошо написал Е. А. Кацман в 1926 году, дают достаточно полное представление о многогранности таланта Юрия Репина.

Внук И. Е. Репина Гаю, кому адресованы письма Юрия Ильича из Хельсинки, после Второй мировой войны находился на излечении в госпитале в Германии. Он пережил отца на 20 лет и умер в 1974 году.

В Хельсинки Юрий Ильич так же, как и раньше, много и плодотворно работал. Об этом он неоднократно сообщал сыну Гаю. Выполняя заказы, писал портреты и пейзажи. Посещал в Хельсинки тюрьмы и больницы, писал картины для церквей. Одной из последних его больших работ был резной двухъярусный дубовый иконостас для русской церкви Ильи Пророка на православном кладбище города Хельсинки. Этот заказ он выполнил, работая в мебельной мастерской И. Хейнцмана. Иконостас исполнен Юрием в память отца.

Умер Юрий Ильич на 77-м году жизни при довольно странных обстоятельствах. Он разбился, выпав из своего окна дома «Армии Спасения». Официально считалось, что он покончил жизнь самоубийством. Но эта версия явно не выдерживает критики, так как истинно верующий человек, каким был Юрий Репин, не мог совершить столь тяжкого греха. Если судить по письмам, то в 1954 году он часто болел, вполне вероятно, что, находясь в болезненном состоянии и испытывая жар, он выпал, открывая окно. Если же думать о преднамеренном шаге в окно, то, скорее всего, это могло произойти, если он услышал звавший его «голос». Разные «голоса» он слышал постоянно, о чем неоднократно упоминает в письмах к сыну Гаю. Похоронен Юрий Ильич Репин в Хельсинки, рядом со своей старшей сестрой Верой. Над их могилами поставлен один крест из красного гранита, в основании которого выбито на русском и финском языках – «Художница. Артистка Вера Ильинична Репина. Художник. Поборник гуманизма. Юрий Ильич Репин».

В заключение необходимо отметить, что с начала 1990-х годов начался процесс возвращения из небытия имени и живописного наследия Юрия Ильича Репина и осознание его места и роли в развитии культуры нашей страны. Выставки работ художника с успехом прошли в Выборге, Лаппеенранте (Финляндия), в Москве и Санкт-Петербурге. Последняя состоялась летом 2011 году в Музее-усадьбе И. Е. Репина «Пенаты». На ней творчество Ю. И. Репина было представлено как его первыми работами – «Автопортрет с трубкой» и портретами родственников, написанными в 1890-е годы, так и более поздними, которые были созданы в 1930-е годы. Выставка была приурочена к визиту потомков Ильи Ефимовича Репина из Франции и вызвала большой интерес у зрителей.

Иллюстрации на вклейке

1. Ю. И. Репин. Портрет Дядя Репина. 1924
2. Ю. И. Репин. Петр I. Великий вождь. 1908 г. К 200-летию Полтавской битвы
3. И. Е. Репин. Портрет Юрия Репина. 1882
4. Ю. И. Репин. Портрет М. В. Хлопушиной – последней натурщицы И. Е. Репина. 1925
5. И. Е. Репин. Явление Спасителя и Святым Николая Чудотворца и Серафима Саровского. 1930-е
6. Ю. И. Репин. Ужин в «Здравнёво». Пегас на переднем плане. 1900

Е. В. Кириллина

Алёна.
Елена Григорьевна Левенфиш.
Хранитель памяти, научный
руководитель, хозяйка

Елена Григорьевна Левенфиш (30.06.1916 - 01.04.1992) - искусствовед. В 1941 году занималась эвакуацией ценностей дворца-музея Павловска. После войны закончила аспирантуру в ЛГУ. Написала монографию о К.А. Савицком и защитила кандидатскую диссертацию. Одиннадцать лет (1949-1960) заведовала сектором рукописей Русского музея, после чего была приглашена в музей Академии Художеств возглавить работы в усадьбе И.Е. Репина «Пенаты», восстановление которой затягивалось. За два последующих года было сделано всё, чтобы возродились дом художника и парк, уточнены исторические данные и создана мемориальная экспозиция. После открытия «Пенатов» Е.Г. Левенфиш была во главе Музея-усадьбы ещё пятнадцать лет. В 1977 году она оставила службу, чтобы работать над рукописью книги «И.Е. Репин и К.И. Чуковский».

Для того чтобы рассказать о Елене Григорьевне Левенфиш, должна начать с эпизодов собственной биографии. Это сообщит черты подлинности тому, о чём пойдёт речь, и даст наглядное представление о непростом характере, с которым судьба привела столкнуться автора этих строк.

В 1961 году я закончила факультет теории и истории искусств Академии художеств, как мы всегда называли Институт имени И.Е. Репина. Годы учения чётко совпали с начальными годами «хрущевской оттепели», и воспитанники искусствоведческого факультета уже не должны были в обязательном порядке ссылаться в своих работах на труды вождей или отражать их образы в советском искусстве, невзирая на то, что сфера их интересов лежала, к примеру, в истории древней Руси. Даже

с западным искусством можно было знакомиться по известному учебнику совсем недавно умершего в сталинских лагерях Н. Н. Пунина, а в качестве тем для курсовых работ рассматривать творчество художников полузапретного «Мира искусства». Ещё несколько лет назад всё это было невозможным. А мы упивались относительной свободой. И хотя изучение истории искусства шло по накатанному пути, когда главный упор делался на гражданские позиции художников даже в ущерб профессиональным качествам, а в ранг эталона возводилось искусство передвижников, мы искали чего-то другого, что было бы свободно от натёрших шею идеологических хомутов. Поэтому темы для работы выбирали так, чтобы освоить какие-то неведомые прежде области искусства и одновременно дать волю своим эстетическим пристрастиям. В связи с этим, правда, случались ещё казусы в среде преподавателей, то фрондирующих, то вспоминаящих о прежних жестких идеологических рамках и дисциплине. Но всё-таки в Академию художеств и в другие учебные заведения проникла струя свежего воздуха.

Сфера моих пристрастий лежала в области графических искусств, как в исторической перспективе, так и в современной художественной жизни нашего города Петербурга-Ленинграда. Казалось невероятным, что, несмотря на запреты и чудовищное давление советского режима, культурные традиции бывшей столицы империи всё-таки продолжали не только существовать, но и развиваться. В частности, мастера эстампа экспериментальной графической мастерской даже в конце 1930-х годов достигли многих формальных высот, а в середине 1950-х пережили новый подъём. Всё это манило, увлекало, поэтому и вылилось в тему дипломной работы «Ленинградский станковый эстамп послевоенного времени».

С трудоустройством искусствоведа в нашем городе были тогда известные проблемы. И дело не в скудной оплате, а в невозможности устроиться в какой бы то ни было музей. Нас пытались «распределять» и предлагали ехать в Оренбург или Саранск, или Тюмень, или ещё в Уссурийск. Но даже те, кто хотел на время уехать, боялись потерять ленинградскую прописку. Приходилось как-то выворачиваться и самостоятельно находить применение своим силам.

Мне повезло, и я сразу стала работать в Художественном салоне на Невском, 8. Тогда в недрах этого салона хранились картины ленинградских художников, купленные Худфондом, и мы постоянно устраивали выставки в школах, домах культуры, то есть всюду, где бывали свободные стены, а помещения запирались на ночь. Правда, работа в Салоне была временной, но вскоре меня приняли в издательство «Художник РСФСР» редактором по эстампу. Здесь было интересно, так как постоянно нужно было общаться с художниками, подбирать их произведения для выставок

за рубежом, по линии «Международной книги». К сожалению, и здесь мои занятия носили договорный, временный характер. В дальнейшем предстояло всё-таки определиться на более стабильной основе.

Рассудив, что пора бы заняться историей, я обратила взоры на Царское Село, благо, что жила в Красном Селе, а это в лучшем случае езды на автобусе. В Екатерининском дворце меня, естественно, никто не ждал. Посоветовали готовить текст экскурсии, с тем, чтобы потом придти экскурсоводом вне штата. Перспектива не очень приятная, но с чего-то нужно было начинать. Я увлечённо принялась за изучение материала и писание текста.

Был уже июнь 1962 года. В газетах и по радио прошли сообщения об открытии нового пригородного музея. Только что отстроенный заново, разоренный в войну, дом И. Е. Репина на Карельском перешейке 24 июня принял своих первых посетителей. Сообщение это не произвело на меня какого-нибудь впечатления. В конце концов, «везде люди живут», как говорят в народе. К тому же и находился музей очень уж далеко. Но... человек предполагает, а Бог располагает. Одна моя знакомая по Научно-Исследовательскому Музею Академии художеств (а я в годы учения подрабатывала в этом музее) попросила навестить в усадьбу «Пенаты», потому что там большая нехватка сотрудников, а народ валит валом. К тому же сразу обеспечен приём на постоянную работу. Но для меня тогда сама мысль о занятии репинским творчеством, превращённым официозом почти в жунал, казалась предательством, непристойной конъюнктурой. «Ты забыла, дорогая, где я живу», – говорю я раздраженно. «Знаю. Ну что тебе стоит хотя бы съездить в Репино и посмотреть своими глазами», – отвечает подруга. Я соглашаюсь, что в любом случае, хотя бы и для общего развития, побывать в новом музее стоит. Предположить, что поездка круто изменит мою судьбу, тогда было совершенно невозможно. А всё случилось в одночасье.

Подъезжала я к «Пенатам» в погожий июльский день, и уже издали увидела толпы людей, стремящихся попасть внутрь маленького домика со стеклянной крышей. Это не было диковиной. Помнится, страна переживала в то время музейный бум. Обойдя толпящихся у входа, я проникла внутрь, где меня провели в соседнюю с вестибюлем комнату и представили Елене Григорьевне. Передо мною стояла невысокая коренастая женщина средних лет и внимательно смотрела прозрачными зеленоватыми глазами. Её каштановые вьющиеся волосы были собраны в несколько старомодный пучок, на груди была старинная золотая брошь с трилистником из александрита. Весь облик женщины заставлял воскресить в памяти какие-то старые времена, не поддающиеся чёткому определению. Она протянула мне руку, показавшуюся очень мягкой,

и пригласила сесть на единственный диван, обтянутый простым холстом. Елена Григорьевна села на тот же диван и, быстро расспросив меня, стала говорить о трудностях вновь открытого музея и о... Репине. Глядя в глаза, она доверительно, как будто знала меня уже давно как свою хорошую знакомую, делилась соображениями по поводу специфических черт личности художника, говорила о необходимости показать это через экспозицию, которая должна нести в себе живые чёрточки быта. Елена Григорьевна говорила об этом так, будто жила в другом времени, то есть тогда, когда здесь устраивал свою жизнь и сам Репин. Он для неё был совершенно конкретным человеком, реально покупавшим стулья в куоккальской лавке, строящим для себя удобную мастерскую, натягивающим холст, принимавшим гостей и свято оберегавшим свои творческие замыслы. Он был во плоти и крови, в страданиях и радостях и со всеми несуразностями своего времени. Никогда прежде мне не приходилось слышать о классике, главном из передвижников, ничего подобного. Репин вдруг стал недавним современником, пережившим те же тяготы, которые выпали на долю и нашего старшего поколения, и знакомые хотя бы по рассказам близких.

Мы с Еленой Григорьевной как-то незаметно, перешли в мемориальные комнаты, где я услышала рассказ почти о каждой присутствующей в музее вещи, о перипетиях восполнения утраченного во время войны. Мы разговаривали как единомышленники, и это было своеобразным приглашением к продолжению диалога, хотя мне ещё трудно было этому соответствовать. Конечно, я неплохо была осведомлена о творчестве Репина в рамках учебной программы, но должна была признаться, что поздний период художника знаю плохо. Позже мне стало известно, что его и никто не знал, потому что в советском искусствознании не принято и даже опасно было рассматривать, а тем более изучать, тридцать лет жизни Репина в двадцатом веке.

Визит в Музей-усадьбу «Пенаты» и встреча с Еленой Григорьевной произвели на меня неизгладимое впечатление. Потом, когда я занялась Репиным и читала его воспоминания «Далёкое близкое», не раз обращала внимание, как похож был наш разговор на общение во время первой встречи Репина с И. Н. Крамским. Крамской тогда рассказал юному иконописцу Репину о Христе так, что тот увидел в нём живого человека. И всё-таки я ещё упрямо пыталась сохранить свои пристрастия и не поддаваться сразу под обаяние новых перспектив. Но спустя несколько дней снова появилась в «Пенатах», чтобы ещё раз посмотреть на музей и окончательно для себя решить, как быть дальше.

Елена Григорьевна встретила меня уже как своего человека, и, когда услышала, что я не слишком много успела прочитать за эти дни,

рассудила: «Вы всё равно знаете больше, чем все те, что стоят в очереди. Иначе и быть не может. Не зря же вы учились». С этим трудно было спорить. Внезапно распахнулась дверь, и смотрительница на контроле объявила с пафосом: «Группа запущена!» «Вот видите», – сказала Елена Григорьевна. Мы поднялись и пошли к выходу. Я надеялась послушать, как она поведет группу, но в следующее мгновение услышала звук закрывшейся двери и... оказалась один на один с компанией посетителей, ожидающих от меня рассказа. Помню, что пришла в себя только тогда, когда сообразила поздороваться и честно признаться людям, что они находятся... в Музее-усадьбе «Пенаты». Эта констатация так приободрила моих слушателей, что я решилась поведать им обо всём, что успела узнать за последние дни. Все очень благодарили меня за рассказ, но в это время опять раздался возглас: «Группа запущена!», и я снова оказалась лицом к лицу с незнакомыми людьми. Тот же возглас, но театральным шепотом, был повторён уже в залах музея, и мне предложили поторопиться. Не выходя, я взяла третью группу, а меня уже ждала четвёртая... С двух часов дня до шести, то есть за четыре часа, я успела провести четыре группы.

Не помню, как добралась домой. Болели ноги, спина, плечи, как будто всех своих слушателей я носила на себе. Здесь бы мне и опомниться, сбежать, чтобы никогда больше не показываться на пороге репинского дома. Но какой-то кураж привёл меня снова в «Пенаты». Теперь думаю, что более всего привязали меня к этому месту искренность и уважительность в отношениях, ощущение подлинности материала, который ещё предстояло раскрыть. Мои растерянность, неуверенность в себе, ощущение недостатка и существенных пробелов в образовании были приняты с пониманием как верный признак роста в дальнейшем. Я сдавалась. Даже появившаяся в моей группе Л.В. Емина, которая узнала меня и удивленно спросила, неужели я не приду в Екатерининский дворец, не смогла меня вернуть к прежним устремлениям. Новое, непознанное, захватило целиком. Интеллект, эрудиция, ум хозяйки «Пенатов», её доверительность и щедрость, хозяйственность, находчивость в трудных ситуациях, острое словцо создавали атмосферу, в которой было комфортно и трудно, интересно и напряженно, но в которой проходила увлекательнейшая интеллектуальная жизнь.

Началась повседневная работа. Народ по-прежнему, толпами, шел в «Пенаты». Каждый день приходилось проводить помногу групп. Заняты бывали все. Научная работа оказывалась в загоне. Наступала девальвация ценностей. Этого Елена Григорьевна не могла допустить. Она поставила перед нами задачу создать научный каталог собрания. Несмотря на всю загруженность, мы каждую свободную минуту занимались

*Елена Григорьевна
Левенфина*

*Елена Владимировна
Кириллина*

изучением литературы, расписыванием научных статей по необходимым рубрикам, где в первую очередь выявлялись произведения Репина, эпизоды его жизни. Понадобилась также работа в архиве Академии Художеств, и для неё выкраивали дни. Прежде всего, мы, все вместе, стали писать подробный путеводитель по «Пенатам».

Вот когда в полной мере представилась возможность оценить не только организаторские способности нашего научного руководителя, но и понять серьёзность её подхода к делу. Казалось бы, путеводитель – не Бог весть какой литературный труд и, написанный грамотно, должен нести чисто прикладную функцию. Однако Елена Григорьевна следила за тем, чтобы каждая фраза или слово были подкреплены документами. Всё должно было быть обосновано ещё и потому, что о позднем периоде жизни и творчества Репина писалось, по сути, впервые. Очень важно было избежать ангажированности и одновременно устоять перед цензурой, которая загоняла в жёсткие рамки и заставляла обходить молчанием «неудобные» эпизоды. Потом мы очень гордились похвалой К. И. Чуковского, который прочитал наш труд и оценил его искренность и многодельность. В наше время это выглядит наивно, но тогда написание путеводителя сыграло очень важную роль в становлении научного коллектива Музея «Пенаты», потому что Елена Григорьевна уже намечала для себя и для нас большие планы.

Для того чтобы серьёзно заниматься наукой, нужно было решить проблему с обслуживанием посетителей. В мемориальном музее, да ещё таком небольшом, важную роль играет «обсказывание» каждой вещи, и посетители вправе рассчитывать на квалифицированное объяснение-экскурсию. На первых порах были привлечены студенты Академии Художеств и Университета. Уровень проведения ими экскурсий нас не вполне устраивал, зато потом, когда мы остались втроем, то почти не справлялись с работой. Каждый новый вошедший в комнаты дома начинал с вопроса: «А экскурсовод будет?». Люди шли группами и по одному, и всё с тем же вопросом. Мы сбивались с ног и с голоса. «Лена, не плачьте, – вдруг заявляет Елена Григорьевна. – Мы поставим магнитофоны». «Они нас всё равно не заменят», – досадливо отвечаю я. «И не нужно, – говорит Елена Григорьевна. – Люди прослушают информацию, а мы в конце будем отвечать на их вопросы. Зато каждый, в группе или в одиночку, сможет беспрепятственно воспользоваться информацией. А ещё мы запишем объяснения на разных языках, и больше не будем возмущаться плохой и неточной работой переводчиков-гидов от Интуриста».

Как известно, инициатива наказуема, и Елена Григорьевна в мае 1963 года сама привезла из Вильнюса пять примитивных магнитофонов «Эльфа-19», которые были в диковинку и представляли собою дефицит, как почти всё тогда. Я решила попробовать записаться и рассказала в микрофон всё, что знала и чем хотела поделиться с самым любимым моим зрителем. Но едва лучший мой рассказ был включён для посетителей, они стали зевать от скуки. И тут на помощь снова пришла Елена Григорьевна, которая, опираясь на женскую бытовую наблюдательность и железную логику, догадалась, что рассказ построен неправильно. Он хорош только тогда, когда люди смотрят на ведущего, иначе они теряются. Зрители должны быть ориентированы на вещи, то есть вещи должны говорить со зрителем, и тогда рассказ будет им нужен и уместен. При таком построении текст объяснений стал очень конкретным и сократился раза в три. После были два месяца почти круглосуточной работы с магнитофонами, и система заработала. Работает и по сей день. Это был прорыв.

Научная работа стала очень интенсивной. Решено было, что мы не просто работаем в архивах, но и готовим списки для микрофильмирования документов. Постепенно в «Пенатах» создавалась довольно обширная микрофильмотека, на столах взгромоздились микрофоты. Шло расписывание документов, и создавались картотеки произведений Репина, его писем и писем к нему, хронология его жизни – иногда день за днём. И однажды Елена Григорьевна заявила нам: «Нужно писать

новую монографию о Репине». Можно сказать, что заявление вызвало у нас настоящую панику. К такому повороту дела мы явно не были готовы. «Ну, как вы не понимаете, что при обилии литературы о Репине о нём нет настоящей монографии. Даже полного списка произведений нет!». Много раз обсуждали предложение на разных уровнях. Приглашали в «Пенаты» коллег, и, наконец, сама Елена Григорьевна отвела первое предложение и обратила наше внимание на практику издания летописей писателей в литературоведении. Летописей художников ещё не было, вероятно, в силу специфики творчества. Интересно было попытаться это сделать, тем более что Репин много трудился и как литератор. Так появилось начало большой работы, закрутившей научный коллектив не на одно десятилетие. Сколько копий было переломано, сколько вариантов отмечено, пока не была выработана простая форма, максимально приближенная к источнику. К сожалению, этот труд, в сто авторских листов, до сих пор не опубликован. Правда, в те годы были написаны и изданы две книги, «Репин в Петербурге» Г.И. Прибульской и «Репин в Пенатах» Е.В. Кириллиной. Елена Григорьевна гордилась этим и радовалась, будто сама эти книги написала. Она всегда призывала к интенсивному труду, щедро раздавала идеи, но не в состоянии была простить нам, если мы не реализовывали того, что, по её представлениям, должны были сделать. Тогда с нею трудно становилось общаться. И можно было услышать обвинения в лени и даже коварстве или предательстве. То, что наши данные были другими и не вполне могли соответствовать её уму и эрудиции, похоже, не приходило ей в голову. «Наберитесь скромности и пишите. Вы не Лев Толстой. Если бы вы каждый день писали по две строчки, то давно бы уже со всем справились», – такую сентенцию можно было у неё заслужить в ответ на попытки оправдаться.

Судьба не была благосклонной к трудам самой Елены Григорьевны. Для неё всегда было горькой обидой, что все «забыли», как она вместе с А.М. Кучумовым эвакуировала содержимое дворца в Павловске, тем более что заботы о дворцовых богатствах обернулись для неё потерей единственной дочери, умершей в Горьком в возрасте трёх лет. В 1950-е годы она организовала большой коллектив авторов для создания справочника, по типу «Кондакова», об Обществе поощрения художеств. Авторы перевернули горы архивных бумаг, сделали сотни выписок. Справочник был собран. Рукопись одобрили в издательстве «Художник РСФСР», но издавать не стали. Не конъюнктурное издание. Наконец, Летопись жизни и творчества И.Е. Репина. Тоже нет. Её книга «Репин и Чуковский», и опять неудача. Книга уже должна была пройти в ленинградском отделении издательства «Искусство», но события последнего времени обрушили и этот оплот.

И, тем не менее, это была счастливая женщина, несмотря на все тяготы, что выпали на её долю. А трудного было много. Прежде всего, раннее сиротство. Она не помнила матери. Воспитывали бабушки, иногда отец, потом мачеха, которую Елена Григорьевна очень полюбила, но с которой отец вскоре расстался.

Как-то мне случилось рассматривать переснятую из архива Репина старую фотографию. Я показала Елене Григорьевне только что расшифрованный снимок. Он был сделан в 1911 году в «Пенатах». На снимке юные гимназистки 13-14 лет. С ними пожилая воспитательница в пенсене. Эту маленькую и пухленькую старушку звали Марией Николаевной Стоюниной. Это она открыла частную гимназию, куда принимали учениц всех сословий и национальностей без всяких ограничительных цензов. Стоюнина привезла к Репину своих учениц. Кажется, для Елены Григорьевны сообщение было полной неожиданностью. Ведь она знала, что её мама окончила эту гимназию, но в голову не приходило связывать всё с Репиным.

А чуть раньше среди этих учениц, сфотографированных у Репина, вполне могла быть Елена Гребенщикова, девушка из многодетной, очень родовитой, но обедневшей семьи. Её мать, вдова с пятью детьми, четырьмя сыновьями и дочерью, однажды сдала комнату юному студенту Технологического института, приехавшему из Польши Генриху Левенфишу. Видимо, события развивались стремительно. Между девушкой и юношей вспыхнул роман, и вскоре Генрих был крещен по православному обряду в Князь-Владимирском соборе на Петроградской стороне и наречен Григорием. Молодые обвенчались. В 1916 году у них родилась дочь, которую, как и мать, назвали Еленой. Старшая Елена вскоре умерла от сепсиса. Г. Левенфиш стал известным шахматистом (подробнее об этом в обстоятельной статье А. Р. Кентлера «Тот самый Левенфиш». Шахматный Петербург. 2002. № 2).

Несмотря на свое сиротское детство, Елена Григорьевна очень ценила семейное благополучие и домашний уют. Она умудрилась обеспечить его в любых условиях. Так, она сумела помогать своему мужу-историку, арестованному по «ленинградскому делу», приезжая туда, где были лагеря, и тайком поддерживая и подкармливая его. Она хорошо сходилась с людьми, никогда не хитрила, и ей много помогали часто совсем незнакомые попутчики или крестьяне где-то в глуши, куда забрасывала её судьба. Во время войны она даже была бригадиром в колхозе.

В «Пенатах» Елена Григорьевна проявляла чудеса хозяйственной изворотливости и смекалки. Чего стоила только приёмка отстроеного заново репинского дома. Так получилось, что сруб простоял без крыши целый год, и на брёвнах завелась плесень. Елена Григорьевна стала

бить тревогу, но её никто не слушал. Объект готовили к едаче, и стали зашивать досками прямо с плесенью. Тогда Елена Григорьевна позвала сестру Ирину, биолога, которая является специалистом по грибам, то есть микологом. Была взята проба. Исследования показали, что тот вид гриба, что «поселился» на брёвнах, очень быстро разрушит дом, примерно за год. И вот пришёл день приёмки. Елена Григорьевна попросила снять одну их досок... Зря тогда строители не послушались её! Им пришлось отдирать всё, чистить, сушить, пропитывать антисептиком. Сами виноваты.

Вообще, хозяйский глаз Елены Григорьевны замечал всё. Мы ломали голову, как она, ни с того, ни с сего, появлялась вдруг там, где что-то ненужное произошло. Сломался ли магнитофон, дворник напился, кто-то сказал лишнее посетителю, она тут как тут. «Елена Григорьевна, ну, как вы здесь оказались?» «Да я и сама не знаю». Ещё она была мастером на остроумные замечания и парадоксальные высказывания. Один эпизод стал чуть ли не пенатовским анекдотом. Наши первые посетители всё время задавали один и тот же вопрос: «А это так, как было при Репине?» Мы отвечали, что можно свериться по старым фотографиям, которые специально помещены в каждую из комнат. Но люди не унимались ещё несколько лет, пока дом не стал более обжитым. И вот однажды Елена Григорьевна вырезала на могиле Репина отцветшие розы. К ней подошел какой-то мужчина и простодушно спросил: «Скажите, пожалуйста, а какой могила была при Репине?» Она парировала мгновенно: «Примерно такой же, как сейчас Ваша». Елена Григорьевна, смеясь, рассказывала: «Он страшно перепугался, открыл рот и вдруг громко расхохотался. Потом повернулся и пошел прочь, не сказав ни слова».

«Как это было при Репине» Елена Григорьевна понимала очень глубоко. Чувство земли, усадебного быта, было у неё, можно сказать, в крови. Она ещё и до самой войны могла приезжать на Смоленщину, где раньше было имение её предков по матери, которое крестьяне не дали разорить даже в самые страшные годы. Все свои обширные знания и опыт Елена Григорьевна отдавала делу. При этом оказывалось, что все окружающие готовы ей помогать. Например, директор Ботанического сада сажал в «Пенатах» цветы, кто-то другой приносил старинные вещи – аналоги тех, что пропали в войну, сотрудники бескорыстно, самозабвенно и увлечённо готовы были работать, забыв о собственных нуждах. Для Музея-усадыбы И. Е. Репина «Пенаты» то было по-своему золотое время, определившее на многие годы вперёд его общественный статус и утвердившее мысль о том, что личная заинтересованность и вера в справедливость того дела, которому служишь, способны делать невозможное.

Л. С. Давиденкова

Из творческого опыта. О двух персональных выставках в Музее-усадьбе «Пенаты»

Моя первая выставка «Куоккала – Репино» в 2006 году была приурочена ко дню рождения великого живописца Ильи Ефимовича Репина. Мне посчастливилось жить в поселке Репино с детства. Одно из самых живых детских воспоминаний связано с посещением «Пенат», куда меня привели родители где-то в конце сороковых. У приезжающих в Куоккалу стала обязательной по зову сердца прогулка «в Пенаты к Репину». Тогдашний директор «Пенат» даже проводила экскурсию «По фундаменту». Щемящее впечатление производили пепелище, разрушенный фундамент на месте сожженного дома, заросший парк. В те годы неуловимо чувствовалось что-то от прежней Куоккалы – поросшие мхом остатки каменных ступеней, кладки старых дач, таинственно-притягательными были рассказы взрослых о легендарных людях, живших здесь. Места были овеяны историей, казалось, камни хранят присутствие этих людей. Недавняя история звучала в финских названиях – Куоккала, Оллила, Терийоки, переименованных только в 1948 году. Сохранились некоторые полуразрушенные дома в стиле северного модерна. Ходили смотреть на скамейку у пруда, где по преданию любили сидеть Горький и Андреева, старые фундаменты дач Пунина, Чуковского. Вспоминаю интересных людей, приходивших с моими родителями поклониться Илье Ефимовичу. Это и писатель Всеволод Вишневский с женой – экстравагантной театральной художницей Софьей Вишневецкой, подарившей мне великолепный альбом Третьяковской Галереи, писатель Виталий Бианки и весь цвет медицинской профессуры – выдающийся физиолог Всеволод Семенович Галкин, знаменитый кардиолог Тушинский и многие другие.

Я ходила писать этюды в «Пенаты», благо жила в километре от них. Однажды ко мне подошел замечательный художник Михаил Иванович

Авилов, отдохнувший в санатории «Репино». Ему понравилась моя акварель, и он посоветовал поступать в Среднюю Художественную школу, дав тем самым мне путевку в жизнь.

В 1956 году был заложен Дом, на могиле был поставлен бюст работы Андреева (сейчас этот бюст находится в экспозиции музея). Когда я уже училась в СХШ, то выбрала по свободной теме композицию «У могилы Репина в Пенатах». Сохранилась эта акварель, местами наивная, но с любовно выписанными персонажами, с которых делала зарисовки с натуры. Это и молодые люди в ковбойках, девушки в ситцевых платьях, пожилой интеллигент в чесучовом костюме и мягкой шляпе, пара китайских студентов и даже собака. Известно, что при И. И. Репине в усадьбе водились собаки, это описано в книге ст. научного сотрудника музея Ю. Д. Балащенко. Видимо, эта традиция сохранялась и позже.

Последующие годы были заполнены учебой, работой, но часто я ходила с гостями или одна в «Пенаты» и всегда поражалась особым чувством, охватывающем при входе на каменистую березовую Аллею. Когда идешь вглубь сада, так и кажется, что к тебе выйдет сам великий Репин. Несколько раз я принималась за эскизы портрета, но, казалось, все не то, слишком сиюминутно, конкретно. Также меня интриговала тема пригородного приморского быта, круг почитателей и соседей Репина. Читала Велимира Хлебникова, Леонида Андреева, перечитывала и рассматривала двухтомник «Неизданное наследие Репина» под редакцией Грабаря и Зильберштейна с редкими фотографиями. Появился замысел портрета как бы в дымке воспоминания. Портрет был написан в 2004 году.

Стилистически складывался жанр «картина-воспоминание». В 2006 году была написана картина «В Пенатах». Как пишет искусствовед А. Белоножкин в альбоме «Лидия Давиденкова» о «репинской теме»: «„Репинские“ работы выходят далеко за рамки портрета. Большую роль в них играет пейзаж, налицо элемент жанровости. В первой картине фигуры Репина и стоящей поодаль дамы – это даже не столько реальные лица, сколько воспоминания, фантазии художника, внезапно воплотившиеся в сумеречной атмосфере усадебного парка. Во втором холсте ирреальность, призрачность всему происходящему придает солнечный свет: косые лучи летнего закатного солнца, пронизывающие фигуру И. Е. Репина, группу гостей, среди которых угадываются В. Стасов и Л. Андреев. Солнечный свет воспринимается здесь как метафора прошедшего, воспоминания о невозвратно минувшем «золотом веке» и одновременно – как своего рода романтическая дымка, овевающая это далекое прошлое».

Обе картины написаны в смешанной технике акрила и масла, не корпусно, вторыми красками с выпышками более интенсивного цвета,

используя графическую линию для эффекта зыбкости, некоторого “déjà vu” изображения. Тогда же была написана картина «1900-е годы. Вечерние тени» – мотив курортного быта.

Когда мне предложили сделать выставку в «Пенатах» я радостно согласилась. На выставке были представлены эти картины, а также пейзажи, исполненные с натуры в Усадьбе. Открытие прошло в день рождения Ильи Ефимовича. Запомнился торжественный молебен у могилы. На открытии были коллеги, ученики, друзья. Выставку посетили О. А. и С. Л. Еремeeвы, В. И. Раздольская, В. Б. Блэк, М. Джигарханян, многие художники и искусствоведы.

Вторая выставка, проведенная в июле 2011 года, – выставка более личностная. Она называется «Репино во сне и наяву». Для меня стало возможным открыто выразить свой внутренний мир, органичным стало взаимопроникновение жизни и творчества. Побывав за эти годы в различных поездках, зарубежных и по нашей стране, я не расставалась с желанием оказаться снова в нашем благословенном поселке, в своем деревянном доме, пройтись по аллеям «Пенат», проникнуться удивительной аурой Репинской усадьбы. Во сне мне снились залив, дюны, заснеженный зимний лес. Картины, представленные на выставке, созданы в основном за последние два – три года, исполнены в Репино с натуры. Известно, что Иван Иванович Шишкин много работал в Куоккале. Хотелось проследить связь времен. Мой пейзаж «Сосны» (Из цикла «По Шишкинским местам») написан близ бывшей дачи «Мери-Хове» («Морской дворец»). В картине «Сквозь время. Куоккала» мне представлялось дачное место начала XX века, вечерний закат у моря, среди построек в стиле северного модерна.

Осень и зиму 2010–2011 годов я прожила в Репино, чтобы почувствовать изнутри «душу местности», смену времен года. Появились картины «Осенние листья», «Ноябрь. Синицы прилетели», картина «Воскресенье. Репино», а также «Зимний лес», «Морозная ночь». С волнением наблюдала зарождение весны: «Березовая Аллея в Пенатах майским утром», «Вечернее видение» – увиденные во сне мечты о лете.

Опять я испытала большой эмоциональный подъем, оказавшись в стенах мастерской Репина и тревогу: примут ли стены мои вещи. Основной стала картина «Воскресенье. Репино». Меня увлекла задача показать взаимодействие внешнего и внутреннего пространства в картине плюс пространство позади зрителя, отраженное в зеркале, входящих одно в другое, и сохранить плоскостность холста. Хотелось создать живописное пространство, в котором нашли бы место я сама и все что я люблю – предметы мастерской, кофейник на столе, мои собаки, заснеженные ветки за окном...

На открытии выставки были научные сотрудники музея, коллеги, друзья, моя семья. Было зачитано приветствие народного художника России, академика Российской академии художеств профессора Олега Аркадьевича Еремеева, который сказал: «Я всегда счастлив бывать в Репино, где провел последние годы своей жизни наш великий Илья Ефимович. Являясь заведующим кафедрой рисунка института, носящего его имя, где он также был студентом, а в дальнейшем преподавал, мне приятно приветствовать выставку профессора нашей кафедры Лидии Сергеевны Давиденковой. Рад поздравить ее с таким важным событием в жизни художника и желаю успеха выставке, а художнику творческого счастья».

Выставка хорошо посещалась. Поразила группа туристов из Японии, которые, несмотря на катастрофические события у себя на родине были спокойны, любознательны, живо интересовались музеем-усадьбой.

Из выступлений коллег, друзей и просто зрителей я почувствовала, что какую-то часть своих замыслов мне удалось передать, найдя ответный отклик, что для художника самое главное. Интересной была встреча с потомками Ильи Ефимовича, впервые приехавшими из Франции - Мишелем, Сержем и Иваном Дьяконовыми и Надин Отто-Дьяконовой. С удовольствием рассказала им на французском языке, который им, к сожалению, ближе русского, как чтут в России имя их великого предка.

Моя работа над репинской темой продолжается. Уже во время выставки начала писать интерьеры Дома-музея в цикле «В гостях у Репина». В интерьере столовой хотелось передать атмосферу дома, в котором сохранилось много подлинных вещей. В столовой висят подлинные репинские часы, сохранилась резная горка, столовая посуда, репинская палитра на стене, даже медные поворотники на знаменитом столе - подлинные. Великолепна воссозданная по образцам изразцовая печь. Очаровывал теплый колорит комнаты, изысканность посуды в стиле модерн, фантазия и уют в деталях, одухотворенность интерьера. Колорит строился в сближенных тонах, на английской красной в ковре и деталях камина, оливковых и охристых в стенах, вкраплениях голубых и красных в изразцах.

В заключение хочется привести несколько высказываний из книги отзывов. Вот отзыв Сергея Левандовского, доцента института им. И. Е. Репина, старшего научного сотрудника Русского музея: «Выставка Лидии Сергеевны Давиденковой в „Пенатах“ смотрится с большим интересом. Художник, как всегда, в развитии, пробует, изобретает свои новые способы выражения. Заметен прогресс в колорите, очень убедительны и зимние, и осенние пейзажи, а также виды побережья. Отрадно, что работы, основанные на натуральных впечатлениях, не страдают

натурализмом, все претворено, преображено. Много фантазии и выдумки. Удачно погружение в прошлое (узнаются и Репин, и Стасов, и Леонид Андреев, и прочие). Желаю Лидии Сергеевне успехов и творческого горения».

А вот отзыв одного из посетителей, тронувший своей искренней любовью к Репину и Пенатам: «Уважаемая Лидия Сергеевна! Музей столь полон Репиным, его творчеством, его одушевлением и вдохновением, что, казалось к этой полноте и завершенности уже ничего добавить нельзя. Но Вашей выставке, Вашим работам удалось это сделать. Любовь к Репину и Репино, Ваше восхищение ими и трепетная нежность к ним – сейчас, в дни выставки это неотъемлемая часть Пенат. Да хранит Вас Господь! Огромное спасибо!».

Иллюстрации на вклейке

7. Л. С. Давиденкова. Березовая аллея в Пенатах. 2010

8. Л. С. Давиденкова. Воскресенье. Репино. 2011

9. Л. С. Давиденкова. В Пенатах. 2004

Чуковские: отец и сын

Осенью 1906 года на опустевших после шумного нарядного лета, безлюдных дорогах финского посёлка Куоккала, под Петербургом, появилась странная фигура. Высоченный, плотный человек шагал, легко преодолевая канавы, а руки его, тоже немалые, ритмично отмеривали встречное пространство. Молодой человек 24 лет приехал с женой и маленьким сыном в поисках недорогой дачки.

Петербургцы, особенно художественная элита, писатели, художники, музыканты, давно облюбовали это место на берегу Финского залива. Сложилось сообщество, свободное от городского распорядка, с дружескими отношениями и любимыми занятиями. Центром притяжения стала на многие годы дача художника Ильи Репина «Пенаты».

В Куоккале и своих чудаков хватало. Но приезжий вовсе не укладывался в обычные правила. Из дома выходит без шляпы, говорит, что с ней жарко, сапог не надевает, и жена его тоже босоногая. Местные дачники решили, что семейка демонстрирует свой стиль. О нём ещё долго шли пересуды.

Пройдут годы. Местные дачники смирятся и познакомятся с петербургским литературным критиком Корнеем Ивановичем Чуковским, примут его в свой круг. Репин даже уговорит купить дачу наискосок от «Пенат», да еще ссудит недостающие деньги.

Куоккальская земля благоволит семье Чуковских. Подрастает старший сын Коля, весной 1907 года родилась Лида, летом 1910-го младший сын Боба (Борис), через десять лет – младшая Мура (Мария). У отца на втором этаже дачи свой кабинет. Здесь, работая по двенадцать часов, он будет писать статьи в петербургские газеты, журналы, делать переводы с английского, готовиться к публичным лекциям. Все домашние знали – «отец работает», поэтому нельзя повышать голос, скрипеть дверями, надо ходить, как мышки. С другой стороны, Корней Иванович

на всю жизнь принял для себя правило: «Мне бы хотелось, когда я не работаю, чтобы каждую минуту открывалась дверь, и на пороге показывался новый человек».

Литературный Петербург не сразу принял чужака, который отменил в своих критических статьях «священнодействие», доказав, что о литературе можно писать «смешно, точно и темпераментно, не впадая в пафос проповедничества». Леонид Андреев связал стиль молодого критика с развязностью «одесских репортеров». Но он же со временем признает «острую наблюдательность, блеск и меткость языка, яркость сопоставлений, парадоксальность выводов, разрушающих привычный шаблон».

Откуда взялась приклеенная оппонентами метка «одесский стиль»? Он родился в 1882 году в Петербурге. Мать – Екатерина Осиповна Корнейчукова, украинская крестьянка, отец – петербургский студент Эммануил Соломонович Левенсон. Новорожденного назвали Николаем Васильевичем Корнейчуковым (отчество дал, скорее всего, священник). Брак не был зарегистрирован, в свидетельстве о рождении значилось «незаконнорожденный». Отец оставил семью, и мать, лишившись средств для петербургской жизни, приняла решение переехать с двумя детьми в Одессу. Переезд не стал простой переменой места жительства, для Коли Корнейчукова он сопряжён с переживанием душевной драмы. В дневнике осталось сокровенное признание о пережитом: «Страшна была моя неприкаянность ни к чему, безместность, – у меня даже имени не было: одни звали меня в письмах „Николаем Емельяновичем“, другие „Николаем Эммануиловичем“, третьи „Николаем... извините, не знаю, как Вас величать“. Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (Кто я? Еврей? Русский? Украинец?) – был самым нецельным, непростым человеком на земле... [...] Помню, как клоунски я просил всех даже при первом знакомстве – уже усатый, – „зовите меня просто Колей!“, „а я Коля, и т. д.“ Это казалось шутовством, но это была боль.. И отсюда завелась привычка мешать боль, шутовство и ложь – никогда не показывать людям себя – отсюда, отсюда пошло всё остальное».

Ждало юношу еще одно испытание. По действующему с 1887 года указу министра просвещения Делянова о «кухаркиных детях» его исключили из 7-го класса гимназии.¹ Колина мама, прачка, стиравшая по ночам чужое бельё, не могла обеспечить «необходимые для занятий удобства», а также присутствие «кухарки и горничной». Книгочей, любитель латыни, первый ученик по грамотности оказался на улице. «Меня выгнали из гимназии, – рассказывал писатель, – я живу как пошало. То помогаю

¹ Существует другая версия, согласно которой Колю Корнейчукова и его друга Володю Жаботинского исключили за едкий пасквиль на директора гимназии. Здесь и далее прим. ред.

рыбакам чинить сети, наживлять перемёты, то клею на перекрёстках афиши о предстоящих гуляньях и фейерверках, то, обмотав мешковиной голые ноги, ползаю по крышам одесских домов, раскалённых безжалостным солнцем, и счищаю с этих крыш особым шпателем старую замерзшую краску, чтобы маляры могли покрасить их заново».

Он и в Куоккале не чурался мужской работы – колол дрова, топил печь, носил с детьми воду, легко справлялся с вёслами и парусом на заливе, таскал на спине мешки с песком и корзины с камнями, чтобы защитить дачный участок от очередной высокой волны. Если же видел обшарпанный забор, хватался за кисть, Том Соьер ему бы позавидовал, и учил дочку Лиду, передавая ей кисть: «Держи ровно! Не капай! О-о, как я страшен в гневе!»

С детских лет одесские соседи пророчили Коле Корнейчукову, что без папаша из него может выйти только «босаявка» или «шантрапа». Он и сам чувствовал себя отщепенцем, но решил самостоятельно пройти гимназические предметы и сдать экзамены экстерном. Именно тогда был куплен самоучитель английского языка Оллендорфа, с него и началось постижение языка. Правда, в оксфордской речи 1962 года он признался: «Зубрил английские слова, делая обычную мечту тогдашних неудачников – убежать куда-нибудь в Австралию». Убежать не удалось, как раньше лопнула затея «идти в Америку пешком». Английский язык пригодился в неожиданной ситуации. Юношу, увлечённого философией, сочинениями Дарвина, Плеханова, Достоевского, Шопенгауэра, Ницше, пробующего себя в поэзии и эссеистике, познакомили с редактором «Одесских новостей» и напечатали первую заметку. Под ней стояла подпись – Корней Чуковский. «Я понял, что фамилия эта Корнейчуков – мужицкая, хохлацкая. Я сделал себе Чуковского», – так объяснил он сам эту перемену.

Гонорар воодушевил начинающего автора, семь рублей ушли на покупку новых штанов. До этого ему платили три рубля за урок русского языка одесским неучам, которым он объяснял, какие бывают падежи, и удивлялся, зачем его ученикам придаточные предложения. Больше всех радовалась мама, говорила соседям: «Сын у меня, знаете, писатель!»

В 1903 году в его жизнь вмешался случай. В «Одесских новостях» искали журналиста, знающего английский язык, для работы специальным корреспондентом в Лондоне. Сказать, что Корней Чуковский владел языком, было бы преувеличением, но объясниться мог. Конкурентов в газете не нашлось, и он уехал в Англию. 89 статей на самые животрепещущие темы – портреты лондонских жителей и иммигрантов, судебные наблюдения, зарисовки митингов в Гайд-парке, о книгах «для отдыха, для досуга, для развлечения». Позже они войдут в его книгу «Нат Пинкертон и современная литература».

Мария Борисовна, Корней Иванович и Коля Чуковские

Открытием для молодого Чуковского стала библиотека Британского музея. Там он проводил дни напролёт. «Прихожу в 9–10, а ухожу после звонка», – писал он в Одессу. Читал Диккенса, Ренана, Теккерея, Браунинга, Суинберна, книги по философии и политэкономии. Библиотекари заметили, что молодой человек не обедает, а только читает и пишет. Они предложили ему составить каталог русских книг. Газета задерживала обещанное жалование, один шиллинг в день спасал его положение.

Осенью 1904 года он вернулся в Одессу. А через год принял решение переселиться с семьёй, у него жена и годовалый сын, в родной Петербург. Начал с должности корректора в издательстве Сойкина. Пытался издавать сатирический журнал «Сигнал», но был обвинён в «потрясении основ государства» и попал в тюрьму на Шпалерной улице. Выручил залог, внесённый женой Куприна. Съём квартиры оказался не по карману. Куоккала стала выходом из житейски трудной ситуации.

Корней Чуковский вернулся из Лондона просветителем. В Куоккале неожиданно для него самого слушателями оказались его собственные дети и их друзья. Ещё в Одессе, когда он давал уроки русского языка, норовил рассказать ученикам, как ловить тарантулов, как делать

камышовые стрелы, как играть в пиратов и разбойников, а также о полётах Уточкина, о «Копях царя Соломона», о приключениях Шерлока Холмса. Он не забывал своё безотцовское детство и сотворил свою игровую педагогику. Выдумки его были неистощимы – кто выше прыгнет, кто дальше пройдёт по забору, кто лучше играет в городки. Учил грести в лодке, ходить на лыжах, играть в шахматы. То затеет перегонки, игру в снежки или устроит кучу малу, а потом прыгает на одной ноге, хохочет и падает наземь... А то вдруг расскажет, как первый раз прочитал «Дон Кихота».

У самого в кабинете полки ломаются от книг: иностранные и русская классика. На виду «Encyclopedia Britannica» и том Пушкина. Стихи сочиняет экспромтом и по любым поводам. Читает детям наизусть Пушкина, Тютчева, Некрасова, Баратынского, Блока, Шевченко, Байрона, Лермонтова, Фета. Потом он назовет эти чтения «стиховым воспитанием».

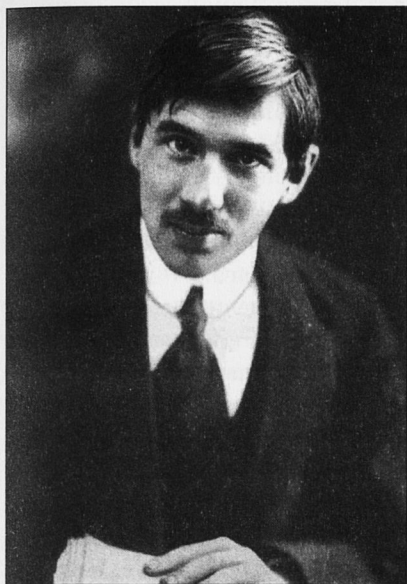
Из домашних игр и органической неприязни к «авторицам» журнала «Задушевное слово» и сочинениям Лидии Чарской возникнут его знаменитые веселые книжки «Тараканище», «Крокодил», «Мойдодыр», «Бармалей», «Телефон», «Федорино горе» и др. Принцип прост: «Скажи ребенку, что на дереве растут башмаки, он поверит и даже не удивится».

Одного не терпел Корней Иванович – безделья детей. Особенно это касалось занятий английским языком. За невыученные слова отправлял Колю в чулан, а Лиде кричал: «Убирайся! Только бы лентяйничать... Я сегодня с пяти часов утра сижу за столом!». Выбирал для перевода самое трудное, например, предлагал такую околесицу: «Пестрая бабочка, вылупившись из куриного яйца, угодила прямо в тарелку старому холостяку». Мог ли он предположить, что «томный бездельник» Коля станет переводчиком знаменитых книг: «Принц и нищий» и «Янки при дворе короля Артура» М. Твена, «Остров сокровищ» и «Черная стрела» Стивенсона, «Рассказы о животных» Э. Сетон-Томпсона. Но, как он оберегал сына, когда тот прыгал на берегу с камня на камень, размахивая палкой-саблей, и кричал: «И вот они вылетели из густых зарослей. Бах, бах – раздались выстрелы!» Всякое вмешательство жестко пресекалось: «Не ходите на берег! Там Коля мечтает!»

Не из этих ли «мечтаний» на берегу Финского залива и увлечений географическими картами, которые застилали весь дом, появятся книги для подростков, написанные Николаем Чуковским, – «Капитан Джеймс Кук», «Повесть о плавании и смерти капитана Лаперуза», «Путешествие капитана Крузенштерна»?!

Интересно, что знакомство Корнея Чуковского с Горьким связано с обоюдным беспокойством по поводу состояния детской литературы. Они встретились в вагоне поезда, Горький ехал к Репину в Куоккалу.

Корней Иванович Чуковский

Николай Корнеевич Чуковский

Завязался разговор, и Чуковский получил предложение подготовить план издания лучших книг для детей.

Осенью 1918 года Горький основал в Петрограде издательство «Всемирная литература» и пригласил Корнея Ивановича как специалиста по англо-американской литературе. Желающих переводить была тьма: «бывшие князья и княгини, бывшие фрейлины, лицеисты, камергеры, сенаторы». Чуковский открыл студию перевода и написал брошюру «Принципы художественного перевода». Гумилев организовал поэтический семинар и его слушателем стал Коля Чуковский, ученик Тенишевского училища. В дневнике отца появится вполне родительская запись: «Стихи он пишет совсем недурные – дюжинами! Но какой невозможный: забывает потушить электричество, треплет книги, портит, теряет вещи».

А Коля переполнен стихами. Его кумир – Гумилёв. Стихотворение «Заблудившийся трамвай» он читает громко, во весь голос. Корнею Ивановичу стихи Гумилёва не нравятся, он называет их «стекляшками».

В 1919 году уже сам Корней Иванович привлечёт Горького к созданию пристанища для петроградской бедствующей художественной интеллигенции – Дома искусств. Имя знаменитого писателя послужит щитом в хлопотах Чуковского, организатора и ходока по инстанциям.

В дневнике осталась запись: «Выпросил десять тысяч - и в Комитет просвещения... Оставил валенки - и с Оцуном и Слонимским - к Тойво... Так и пробежал весь день, и вечером лёг голодный. Утром вновь побежал на заседание и сокрушался: Горький забыл о нём и не пришёл. Не было Горького и на открытии ДИСКА 19 ноября 1919 года. Заболел.

Чуковский начал просветительскую деятельность с продления жизни «Литературной студии», полагая, что жильцам ДИСКА прежде всего нужно общение, публичные чтения своих неизданных работ в ситуации мёртвых типографий и полной пропажи бумаги.

Осенью 1919 года на город наступала армия Юденича, месяц назад ее полки стояли у Пулковских высот. В ДИСКЕ начиналась своя жизнь. Чуковский объявил программу лекций и семинаров: Н. С. Гумилёв «Драматургия», Андрей Белый «Ритмика», А. З. Штейнберг «Эстетика», В. М. Жирмунский «Теория поэзии», В. Б. Шкловский «Теория сюжета», В. М. Эйхенбаум «Толстой».

Чуковский читал «Историю современной английской литературы» и вёл семинар «Критика». К нему записались будущие «серапионы» - Зощенко, Лунц, Слонимский, Полонская, Познер, Тихонов. Николай Чуковский выбрал семинар Гумилёва «Теория поэзии. Практические занятия по поэтике».

Начинающие литераторы торопились овладеть мастерством, кочевали по семинарам, меняли учителей и жанры литературы. Лев Лунц бежал от Чуковского к парадоксалисту Шкловскому и оставил в «Чукоккале», домашнем журнале Корнея Ивановича, такой повинный стишок:

*Жил да был крокодил,
Он по Студии ходил.
По-чуковски говорил.
Шкловистов учил
И меня в том числе очукоковил!*

Иуда-шкловитянин
Лев Лунц

Зимой 1921 года образовалось сообщество молодых литераторов «Серапионовы братья». Некоторых Чуковский знал давно, других по семинару «Критика». Когда прочитал реферат Зощенко о Блоке (по другим сведениям о Надсоне), сказал автору: «Это невозможно! Этак вы уморите своих читателей! Пишите юмористические произведения!». Чуковский присутствовал на встрече «серапионов» с Горьким в его квартире на Кронверкском проспекте и оставил в дневнике колоритную запись: «3 июня 1921 года. У Горького. [...] В столовой собрались: Шкловский

(босиком), Лёва Лунц (с бритой головой), франтоватый Никитин, Константин Федин, Миша Слонимский (в белых штанах и с открытым воротом), Коля [Чуковский] (в рубашке, демонстративно застеганной), Груздев (с тросточкой)». В описании компании сквозят черты булгаковских персонажей, на самом деле это была обычная фронда молодых, настаивающих на своей независимости.

Имя сына в ряду серапионов не случайно. Он был в первом составе сообщества и получил кличку «Молодой Брат». Вырос Николай в литературной среде. В куоккальской даче отца и на знаменитых «средах» у Репина в «Пенатах» видел Ф. Шалапина, Л. Андреева и В. Короленко, художников Ю. Анненкова и В. Серова, Л. Бакста и В. Григорьева. Одно лето у Чуковских жил Маяковский. Сочинял поэму «Облако в штанах»². По воскресеньям к нему съезжались эксцентричные футуристы Каменский, Крученых, Хлебников. На лодке по морю приплывал спорщик и скандалист Виктор Шкловский. Репинские гости частенько перемещались на дачу Чуковского. Там обсуждали общественные события, новые книги, картины, спектакли, журналистику. Репин читал свои воспоминания, Чуковский представлял гостям своего «Крокодила». Недаром Репин писал Корнею Ивановичу в 1923 году: «С грустью посмотрел на потемневший дом Ваш и на заросшую дорожку и двор, вспоминал, сколько там было приливов и отливов всех типов молодой литературы. [...] Какое остервенелое разрушение... К чему». Разграбили библиотеку, листы бесценного архива затоптали сапогами.

Николай поступил на филологический факультет петроградского Университета, но проучился недолго. Слушал лекции выдающихся деятелей культуры в Институте истории искусств (бывший Зубовский институт на Исаакиевской площади, 5), но своим призванием считал поэзию. Дружба с «серапионами» только укрепила его взгляды. В обществе его считали своим, ценили остроумные стихи и пародии, обличавшие литературные нравы, которые он писал вместе с гимназическим товарищем Вовой Познером. Его слушал Гумилёв и подарил сборник «Жемчуга», «...с такой, - как рассказывал Николай, - ласково-насмешливой надписью: „Коле Чуковскому моему собрату по перу. 18 ноября 1918 года“». Правильсь стихи и Владиславу Ходасевичу, по его рекомендации Горький напечатал в журнале «Веседа» поэму «Козлёнок». Свои публикации стихов в газете «Накануне», «Русском современнике», альманахе «Ушкуйники», вместе с Тихоновым, Вагиновым и Берберовой, юный поэт подписывал псевдонимом Николай Радищев. Но был и другой отзыв, жесткий приговор Осипа Мандельштама, о котором Николай

² Первоначальное название «Тринадцатый апоетол».

не захотел умолчать: «Каким гуттаперчевым голосом эти стихи не читай, они все равно плохие». В 1928 году вышел первый и последний его сборник «Сквозь дикий рай». Дар поэта он осуществил в первоклассных переводах поэзии Эдгара По, Шиллера, Петефи, Тувима, Табидзе и др. (сб. «Время на крыльях летит...» 1967).

Всю жизнь отец и сын Чуковские писали друг другу письма, не меняя обращений: «Милый Коля» – «Милый папа». Двести тридцать семь посланий вместили четыре с лишним десятилетия. Первое «укоризненное письмо» (выражение Корнея Ивановича) послано семнадцатилетнему юноше с обвинениями в легкомыслии, выборе «ложного пути», «шалопайстве» «без систематической работы и любви к ней». Кончалось письмо родительским императивом: «Предлагаю тебе одуматься. Даю тебе срок до Петрова дня (то есть два дня до 12 июля 1921 года – дня апостолов Петра и Павла. – Т.Л.). После Петрова дня ты должен:

- 1) Серьёзно заняться английским.
- 2) Наметить программу чтения.
- 3) Определить точно время занятий и отдыха.

4) Посвятить ежедневно не меньше двух часов на помощь семье, которая вся работает, кроме тебя».

Последнее письмо вдове Марине Чуковской помечено ноябрём 1965 года: «Вот мы и осиротели. Для меня это так непривычно, так противоестественно, так странно, что кажется, будто небо надо мной стало другое... Как поразительно закручена его жизнь, сколько в ней было творческих радостей, сколько ТИТАНИЧЕСКОЙ работы – что наряду с БОЛЮЮ, есть какое-то восхищение, какая-то радость о гармоническом человеке...».

«Шалопай» и «гармонический человек» – в этом оценочном диапазоне судьбы двух дорогих друг другу людей, творчество, житейские проблемы. В переписке заметен элемент игры, инициатива принадлежит отцу. Опасаясь нравоучительства, он подписывает письма то «Твой – понимаешь ли? – папа!», «Твой тато» (влияние Шевченко, которым он занят), то переходит на английский язык “Yours K. Ch.”, “Peter”, «Твой Uncle Tom`s» (редактор «Тома Сойера» в переводе сына), и совсем неожиданно для домашних – «Король Лир». К тому же послал детям по две тысячи рублей. Николай откликается тотчас: «За деньги тебе, король Лир, спасибо. Когда ты в безумии, с выколотыми глазами, покинутый всеми, в бурю, будешь рвать свои седые волосы, именно я окажусь той дочерью, которая тебя пожалеет. Впрочем, все они так говорят».

Не всё так однозначно с подписью «Пип», которая сохраняется продолжительное время. Случайно к Корнею Ивановичу попала рукопись книги для детей, в которой главной героиней была храбрая синица по имени Пип. Книжка так понравилась, что он хотел рекомендовать её

к изданию. А сам стал подписываться – «Пип», «Ваш Пип», «Твой Пип». Лидия поддержала игру и обращалась к отцу: «Дорогой Пип!» Что могло привлечь Чуковского в этом образе? Скорее всего, переключка с мудрой русской поговоркой: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», приобретающей с началом 30-х годов особый смысл.

Его «синица» в крепких, заслуженных руках. Выходят работы о Некрасове, книга «Люди и книги 60-х годов», его приглашают с докладом на Первый съезд советских писателей, наконец закончилась вакханалия цензурных запретов на книжки для детей, начатая статьей Н.К. Крупской в «Правде» (1928)³, когда он был вынужден отказаться от своих сказок и обещать книгу «Веселая Колхозия». Его ждёт мировое признание в Оксфорде и Ленинская премия на родине.

Иное положение у сына. В 1937 году в Ленинграде прошла волна политических арестов в кругу писателей. Репрессированы Борис Корнилов, Николай Заболоцкий, Николай Олейников, многие друзья Николая Чуковского. Сам он числится в списках «неустановленных», на допросах фамилии Чуковского, Тихонова и Зощенко фигурируют как «организаторы троцкистского антисоветского подполья». Сегодня следственные дела опубликованы.

Судьба охранила Николая Чуковского, он не был арестован. Но стал заложником времени. Нельзя не заметить, что три его предвоенных романа «Слава» – о Кронштадтском восстании, «Княжий угол» – о мятеже в Тамбове, «Ярославль» – о восстании в июле 1918 года – посвящены борьбе с контрреволюцией.

Корней Иванович тревожится и спешит сообщить сыну об успехе у делегатов XVIII партийного съезда в Москве: «На прилавке груди „Ярославлей“. Делегаты раскупают их с жадностью. [...] Сейчас в Москве эта книжка у всех на руках». Отцу кажется, что сам этот факт свидетельствует о благонадежности автора.

Зимой 1939 года Николай Чуковский участвует в финской кампании. Служит корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот». Он остался в блокадном Ленинграде, служил в подразделении военно-морской авиации. Современники запомнили его в морской шинели, работающего в обстановке близкого фронта над статьями для газет «Красный флот» и «Правда». Морские летчики – герои его военных повестей «Девять братьев» и «Талисман», ставших прологом к главной книге – роману «Балтийское небо» (1954), получившему широкое признание читателей за безбоязненную правду в изображении трагедии осажденного города. В 1961 году Владимир Венгеров снял фильм «Балтийское небо», он сохраняется на экранах до сих пор.

³ В 1928 году Н.К. Крупская в газете «Правда»

Чуковские, отец и сын, принадлежали по менталитету к началу XX века. «Серацион» Вениамин Каверин сказал о Николае после его ухода: «Он был писателем 30-х, 40-х, 50-х годов, но человек он был годов 20-х». Неудивительно, что они оба совпали в желании рассказать о людях своего времени. Корней Иванович пишет художественные портреты Чехова, Куприна, Гарина, Леонида Андреева, Блока, Горького, Маяковского, Саши Чёрного, Тынянова («Современники». 1962). Николай Чуковский приступает к воспоминаниям в конце 50-х, время короткой «оттепели». Пишет в стол, не надеясь на публикацию. Оттого свободен от цензурных запретов на целый ряд писательских имен и, прежде всего, неупоминаемого Николая Гумилева. Сегодня они изданы и добавлены перепиской с отцом (Н. Чуковский. «О том, что я видел». 2005 г.).

Талантливая память автора дарит нам живые образы писателей 20-х годов - Маяковского, Гумилёва, Ходасевича, Волошина, Мандельштама, Шварца, Заболоцкого, Тынянова. Но, первое место отдано ДИСКУ, «Литературной студии», «Серационовым братьям», друзьям Льву Лунцу, Владимиру Познеру, Елизавете Полонской, Михаилу Зощенко, Михаилу Слонимскому, Николаю Тихонову, Вениамину Каверину, учителям Николаю Гумилёву и Виктору Шкловскому. Книга полна неизвестными, поразительными подробностями, которые наблюдал автор своими глазами. Один только пример. Коля Чуковский заболел скарлатиной, и его поселили в «папином кабинете» ДИСКа: «Блок пришёл и, кажется, удивился, увидев меня. Спросил, будет ли здесь Корней Иванович. Негромкий, словно затруднённый голос его звучал глухо. Я, заранее предупреждённый, сказал ему, что отец просит подождать. Блок сел на кровать, у моих ног, опустил голову и не сказал больше ни слова. Так прошло, по крайней мере, минут сорок, темно. Я смотрел на него сбоку. От благоговения и робости я не осмеливался заговорить, не осмеливался двинуться. Сгорбленный, с неподвижным большим лицом, печально опущенным, он был похож на огромную птицу. Не знаю, думал или дремал. Отец и Горький очень запоздали, но наконец пришли оба».

Январь 1921 года. Блоку оставалось жить до августа. Таких подробностей подлинной, чаще всего неизвестной жизни, в воспоминаниях Николая много.

В одном из писем Корней Иванович писал сыну: «Всё же я должен сказать, что работа у нас с тобой хорошая. Чудесное дело - литература. Сидел бы целый день, не отрываясь, только бы года на два хватило здоровья».

Николай Чуковский умер в 1965 году внезапно, во сне. Через четыре года, в 1969-м, от нелепого гепатита скончался Корней Иванович Чуковский. Свой XX век они оставили в книгах.

Иностранцы на русской службе. Сестрорецкий оружейный завод во второй половине XVIII – первой четверти XIX веков

Архитектурное наследие Санкт-Петербурга обширно и многопланово. Не только великолепные дворцы, но и общественные и культовые здания в своей строгой и лаконичной красоте составляют каменную летопись города. В историческом развитии «блистательной столицы» немаловажное значение имеют и военно-промышленные комплексы, которые органично вписались в историческую топографию Северной Пальмиры.

Дворцово-парковым ансамблям Петербурга посвящено сотни книг, а памятники военно-промышленной архитектуры и по сей день мало изучены, или вовсе не попали в поле зрения исследователей. Выявление и описание богатого наследия талантливых инженеров и архитекторов военного ведомства приобретает на современном этапе важное значение.

Среди разнообразия военно-промышленной архитектуры, формировавшей облик северной столицы, достойное место занимает и Сестрорецкий оружейный завод (СОЗ), который начал строиться по указу императора Петра I в 1721 году на средства, выделенные из Кабинета министров. Важнейшим объектом развернувшейся стройки являлось возведение плотины на реке Сестре.¹

К середине XVIII века плотина по-прежнему играла важную роль в производстве вооружения. Все заводские машины приводились в движение водой, которая направлялась по деревянным лоткам на деревянные колеса, расположенные вдоль цехов по типу «мельницы». От валов мельниц работали станки и молоты.

К этому периоду на заводе производилось довольно большое количество разного вида холодного и огнестрельного оружия, но его стоимость была более высокой по сравнению с производством на Тульском

¹ Архив ВИМА ИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборн. Д. 57. Л. 3.

заводе. В этот период увеличивается производство изделий на заказ, приносящих заводу немалый доход.

В 1756 году Сестрорецкий оружейный завод был передан из Государственной военной коллегии в непосредственное подчинение генерал-фельдцейхмейстеру, который был обязан выдавать заводу на ремонтно-восстановительные работы по восемь тысяч рублей в год. Но граф Григорий Григорьевич Орлов, будучи генерал-фельдцейхмейстером с 1765 по 1775 годы, всячески игнорировал эти обязательства и оружейный завод на протяжении почти десяти лет не получал из государственной казны ни рубля.²

С 31 октября 1774 года по указу императрицы Екатерины II Сестрорецкий завод был переведен в ведение Канцелярии Главной артиллерии и фортификации.³ Снимая с себя полномочия и передавая завод артиллерийскому ведомству, граф Орлов надеялся, что оно окажет помощь заводу в техническом и финансовом отношении. Канцелярия хотя и не имела достаточно средств для поддержания строений и оборудования завода на должном уровне, но выделяла ежегодно до 100 тысяч пудов железа по казенной цене и, сверх того, множество неисправных железных и медных ружейных вещей безвозмездно.⁴

Недостаток финансирования сказался на строениях и оборудовании завода, которое становилось настолько устаревшим, что вести оружейное производство на должном уровне не представлялось возможным.⁵

В 1778 году управляющим СОЗ (с июля 1778 г. - июль 1789 г.) был назначен прусский дворянин артиллерии майор Христофор Леонтьевич Эйлер (20.04.1743-20.02.1808). Родился он в Берлине и был третьим сыном величайшего математика XVIII века академика Российской академии наук Леонарда Эйлера. Получив домашнее образование, Христофор Эйлер в период Семилетней войны (1756-1763) служил в прусской армии. На русскую службу вступил в 1769-м артиллерии подпоручиком без вечного России подданства. Участвовал в русско-турецкой войне (1768-1774). За смелость и отвагу, проявленную в боях, был награжден орденом св. Владимира 3-й ст.⁶

Назначенный управлять Сестрорецким оружейным заводом по личному выбору императрицы Екатерины II, Христофор Эйлер много средств вкладывал в строительство.⁷

² Там же. Ф. 2 Оп. Сборн. Д. 836. Л. 2,3.

³ Там же. Д. 836. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. ПГФ. Д. 2400. Л. 18.

⁶ Там же. Ф. 2 Оп. 7. Д. 34. Л. 4 об.

⁷ Русский биографический словарь. Щапов-Юшневский. СПб., 1912. С. 196.

Его стараниями завод стал приходить в нужное состояние. Появились маленькие архитектурные шедевры. В 1779 году была выстроена новая деревянная церковь св. чудотворца Николая.⁸ При Эйлере впервые начали возводить каменные строения. В 1784 году на месте старой деревянной церкви во имя св. Петра и Павла, была выстроена новая каменная. Деньги на строительство были собраны частными пожертвованиями. Иконостас и иконы для нового храма были переданы из церкви св. Илии Пророка, что на Охтинском пороховом заводе.⁹ В 1785 г. при каменной церкви возвели колокольню со шпилем на средства (в сумме 1 500 руб.), выделенные Канцелярией Главной артиллерии и фортификации.¹⁰

В период управления заводом Х. Эйлера с 1778 по 1789 гг. на ремонтно-восстановительные работы было выделено из государственной казны 75 962 руб. Это способствовало некоторой реконструкции фабрик и обновлению оборудования, что в результате положительно сказалось на качестве выпускаемого оружия.¹¹

Еще в период строительства Сестрорецкого оружейного завода, на взморье, в двух верстах от завода начали возводить каменный дворец для императора Петра I, так называемый «Увеселительный дом»¹², строительством которого руководил архитектор из Фландрии Франсуа Де Вааль.¹³ Со смертью императора все работы были приостановлены. Недостроенный дворец со временем весьма обветшал. К 1779 году здание почти развалилось. Христофору Эйлеру удалось получить согласие императрицы на разбор стен дворца, а кирпичи употребить на строительство новых фабрик.¹⁴

В 1779 году Чернореченский чугунолитейный завод и рудники, снабжавшие Сестрорецкий завод качественным и недорогим металлом, из казенных перешли в частные владения, что несколько осложнило финансовое положение завода.¹⁵ Но, несмотря на это, в тот период наблюдался рост производства оружия для армии и флота. Помимо вооружения, производилось много вещей на заказ для государственных учреждений, членов императорской семьи и частных лиц. В 1783 году для украшения строящегося Екатерининского канала и реки Фонтанки было

⁸ Там же. Ф. 2. Оп. Оруж. Д. 187. Л. 10.

⁹ Там же. Ф. 2. Оп. Пор. и Парк. Д. 826. Л. 1501.

¹⁰ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2316. Л. 29.

¹¹ Там же. Ф. 2. Оп. Сборн. Д. 836. Л. 17 об.

¹² Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2400. Л. 17.

¹³ Архитектурная графика России. Первая половина XVIII в. Л., 1981. С. 34.

¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2400. Л. 17 об.

¹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. Сборн. Д. 836. Л. 6.

изготовлено 390 ажурных чугунных решеток длиной 12 футов каждая, которые до сих пор радуют глаз жителей и гостей города.¹⁶

В 1785 году по проекту известного архитектора Джакомо Кваренги мастерами завода отливались железные части к мосту и беседки в Царском Селе и изготавливались к ним золоченые и медные украшения.¹⁷

Управляя заводом, Христофор Эйлер проявлял заботу и о его рабочих. Об этом свидетельствует его рапорт в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации о назначении пенсии в размере 10 рублей в месяц старому мастеру Николаю Анисею, который «по своим преклонным годам (80 лет) весьма бедную жизнь ведет, хотя хорошо служил, и уважаем был».¹⁸ Ходатайствовал управляющий заводом и за Хрисанфа Баранова, мастера кузнечного дела, который «весьма прилежен и рачителен и заслуживает прибавки к жалованью».¹⁹

В 1789 году шведский король Густав III вступил на часть территории Финляндии, принадлежавшую Российской империи. В связи с началом военных действий со Швецией, генерал-майор Христофор Эйлер, 48 лет от роду, был назначен начальником артиллерии в действующую армию.²⁰ По окончании войны он состоял в должности начальника артиллерии, дислоцированной в пограничных крепостях со штаб-квартирой в Выборге. В 1798 году во время пожара, охватившего большую часть города, только благодаря находчивости Эйлера удалось предотвратить взрыв пороховых погребов в крепости, сохранив, тем самым жизнь личному составу гарнизона и многим жителям города.²¹

В 1799 году в чине генерал-лейтенанта Эйлер вышел в отставку, купил дом под Выборгом (мыза Ракалайоки), где и прожил остаток жизни. Христофор Леонтьевич страстно любил астрономию и математику, и много свободного времени посвящал занятиям этими предметами. Еще будучи подпоручиком, он в 1769 году был направлен Академией наук на Урал в Орскую крепость для наблюдения прохождения Венеры через Солнце. В этом же году он проводил астрономические наблюдения и в Яицком городке. Позднее в результате этих наблюдений Х.Л. Эйлер написал несколько научных трудов. Некоторые из них были опубликованы, например: «Об определении географического места по астрономическим наблюдениям».²²

¹⁶ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ, Д. 2316. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ, Д. 2400. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 51.

¹⁹ Там же. Л. 21.

²⁰ Архив ВИМА ИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ, Д. 5244. Л. 1.

²¹ Парбут А. Эйлер Христофор Леонтьевич. Пемцы в России. Энциклопедия. М., 2006. Т. II-Я. С. 821.

²² Русский биографический словарь. Шапов-Юшневский. СПб., 1912. С. 196.

Его сын, Александр Христофорович Эйлер, пошел по стопам отца. В начале 1840-х годов генерал от артиллерии А. Х. Эйлер возглавлял Артиллерийский Департамент и оказывал по мере необходимости Сестрорецкому заводу всяческую помощь.²³

В 1789 году управляющим СОЗ (с июля 1789 г. по ноябрь 1793 г.) был назначен датский дворянин 1740 года рождения генерал-майор Григорий Петрович фон Бригман.²⁴

На русскую службу был принят в 1769 году из датской королевской армии в чине майора. Был он, как свидетельствует его послужной список, широко образован, хорошо читал и писал на французском и немецком языках, знал латынь. Досконально освоил военные науки: артиллерию и фортификацию, владел познаниями в области географии и истории, умел неплохо чертить и рисовать. «В должности и звании своем прилежен и во всем себя ведет как и исправному офицеру надлежит».²⁵

В период русско-турецкой войны 1768–1774 годов участвовал в военных действиях в Крыму и на Кубани. Отличился при взятии Бендер в 1771-м, показав себя опытным артиллеристом. В 1778 году служил под командованием знаменитого генерал-поручика А. В. Суворова.²⁶ Принимал участие в военных действиях со шведами в 1789 году. В сражении при деревне Коувала, командуя артиллерийской батареей²⁷, проявил не только стойкость и мужество, но и демонстрировал меткую стрельбу. Был отмечен российскими наградами: орденами св. Георгия 4-й ст. и св. Владимира 2-й ст.

В период управления Г. П. Бригмана на ремонт заводских строений было выделено всего 10 081 руб.²⁸

*К.-Л. Христенек. Портрет
Г. П. Бригмана, управляющего
СОЗ (1789–1793). 1780 г.
Холст, масло. Частное
собрание Санкт-Петербурга*

²³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 24/1. Д. 382. Л. 1.0

²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3080. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 182. Л. 2 об.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3491. Л. 1.

²⁸ Там же. Ф. 3. Оп. Сбор. Д. 836. Л. 8 об.

Генерал-поручик Бригман управлял заводом недолго (четыре года и три месяца), поэтому значительных перемен при нем не произошло, но, судя по приемо-сдаточной ведомости 1793 года, где перечислены произведенные при нем ремонтные работы в различных производственных строениях с заменой оборудования, а также в жилых помещениях для офицеров, нижних чинов и лазарете, то сделано было немало. Григорий Петрович всячески старался отстаивать интересы всех служащих завода. Сохранился его рапорт в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации о невыплате жалованья мастерам завода и необходимости произвести расчет в ближайшее время.²⁹

В сентябре 1793 года Бригман получил звание генерал-поручика, а в ноябре этого же года по указу императрицы Екатерины II был уволен от воинской службы по состоянию здоровья.³⁰

В 1793 году управляющим СОЗ (с 16 мая 1793 г. по февраль 1804 г.) был назначен подполковник Еким Шрейдер фон Трейлебен 1752 года рождения. Происходил он из австрийских дворян. Состоял в вечном подданстве России. Земельных наделов не имел. Образование получил в сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Прекрасно владел французским и русским языками, хорошо разбирался в военных науках – артиллерии и фортификации, а также в точных – арифметике и алгебре. В 1770–1771 годах участвовал в военном походе в Грузию, Имеретию и Мингрелию. По ходатайству генерал-фельдцейхмейстера князя Григория Орлова был командирован в крепости Кизляр и Моздок для осмотра и исправления строений по полевой и гарнизонной артиллерии.³¹ Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 годов. По свидетельству начальников «Прилежен и трудолюбив, хорошо обучает подчиненных воинским дисциплинам, во всем ведет себя исправно».³² До назначения на Сестрорецкий завод служил в 1-м Фузелерном полку.³³

С началом деятельности Трейлебена на СОЗ, уже весной 1794 года половодьем была сильно повреждена плотина, мост через реку Лахту и дорога, ведущая от Лахты к оружейному заводу.³⁴ А так как производство оружия зависело от состояния плотины, то Трейлебен доложил в Артиллерийское ведомство о том, что деревянная плотина с руслами, перестраивавшаяся только один раз в 1761 году, пришла в совершенную негодность. Поддерживать её ремонтными работами не целесообразно,

²⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 9. Д. 1176. Л. 1–2.

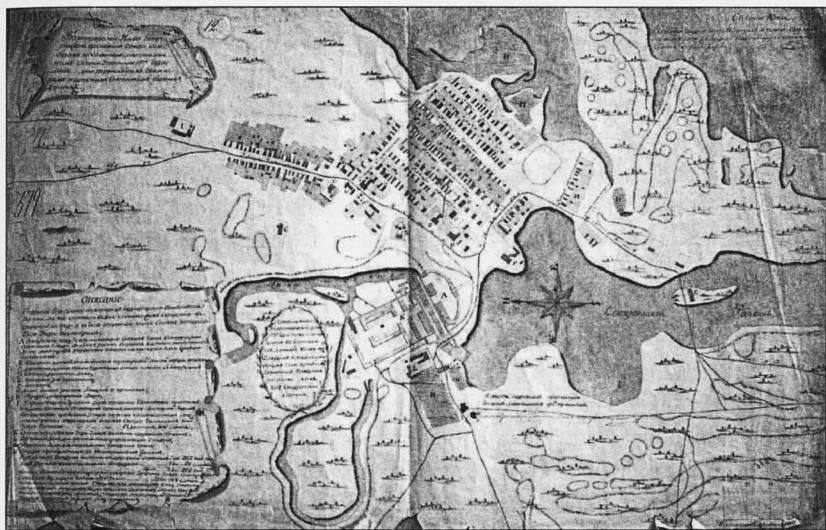
³⁰ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3491. Л. 6.

³¹ Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 182. Л. 8 об., 9.

³² Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 182. Л. 8 об.

³³ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3491. Л. 10.

³⁴ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3552. Л. 23.

План расположения Сестрорецкого оружейного завода и прилегающих к нему слобод. Подпись управляющего заводом генерал-лейтенанта Трейлебена. 1799 г.

Гушь, акварель. Из фондов ВИМАИВ и ВС

необходимо строить заново, но знающих специалистов для составления плана и сметы новой плотины на заводе нет.

Вскоре Артиллерийское ведомство направило в Сестрорецк инженер поручика Ивана Кирилова для составления плана переустройства плотины, но его проект остался без внимания.³⁵ В последующие годы Канцелярия выделяла на ремонтные работы незначительные суммы (в 1797 г. – 567 руб., в 1799 г. – 366 руб.³⁶), которых едва хватало на латание дыр в плотине.

В связи с высочайшим указом императора Павла I от 7 мая 1798 года о перевооружении русской армии новыми образцами оружия, оружейным мастерам в Сестрорецке было предложено начать изготовление ружей с запасными частями, которые могли бы без всякой подгонки заменить поврежденные. Это требовало высокой точности работ и проверялось особыми мерительными приборами – лекалами. Изготовление огнестрельного оружия с взаимозаменяемыми частями было крупным успехом русских оружейников, который мог быть достигнут только в результате применения машинной техники. Увеличение производства таких ружей требовало реконструкции завода.

³⁵ Там же. Л. 36.

³⁶ Там же. Ф. 2. Оп. Сбор. Д. 836. Л. 3.

В 1799 году в Сестрорецк был приглашен выходец из Шотландии действительный статский советник Карл Карлович Гаскойн, большой знаток оружейного и пушечного производства. На Олопецких заводах он установил лучшие, даже по английским меркам, сверлильные и расточные станки для обработки канала ствола. Он составил план модернизации завода, по которому предполагалось производить до 100 тысяч ружей и столько же пистолетов в год. Но перестройка Сестрорецкого завода по плану Гаскойна была отклонена. К тому времени уже утвердили строительство нового оружейного завода в Вятской губернии, недалеко от Камских железоделательных заводов, ныне - всемирно известный Ижевский оружейный завод.

При генерал-лейтенанте Трейлебене на заводе помимо производства холодного и огнестрельного оружия и защитного вооружения выполнялись заказы и от частных лиц. По желанию членов императорской семьи для Таврического сада было произведено пять ажурных железных мостов и трое ворот; на окна мраморного зала Зимнего дворца было изготовлено 14 великолепных железных решеток. Исполнялись заказы и для высокопоставленных лиц. Например, генерал-поручику Мелисину - два медных крана; генерал-поручику Турчанинову - два камина с уборами; генерал-поручику фон Бригману - щипцы каминные на английский манер; тайному советнику Колокольцеву медных подевичников - восемь штук; барону Ашу железную решетку на балкон дома и т. д.³⁷

В феврале 1801 года генерал-лейтенант Трейлебен вновь докладывал о крайне ненадежном состоянии плотины: «Фундаменты под руслами в гнилости стоят, отчего оные и осели, в стенах происходит великая течь».³⁸ В заключение доклада он отметил, что своевременный ремонт плотины и русел необходим, иначе оружейное производство остановится, а Сестрорецкий завод заслуживает уважения и внимания «за ружья прекрасной работы, которые выпускает».³⁹ В ответ на рапорт Трейлебена инспектор всей артиллерии генерал-лейтенант Корсаков направил в Сестрорецк инженер капитана Третьякова для составления плана существующей плотины и проекта её перестройки. Смета, составленная Третьяковым, составляла внушительную сумму - 97 361 руб. 94 коп. Но и этот проект не был реализован. В архиве ВИМАИВиВС хранится чертеж (тушь, акварель) плана завода с показанием старой плотины, подписанный генерал-лейтенантом фон Трейлебеном и инженер капитаном Третьяковым.⁴⁰

³⁷ Там же. Ф. 3 Оп. ПГФ. Д. 3552.

³⁸ Там же. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 6 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 27. Оп. 16. Д. 14. Л. 1.

В конце 1802 года под руководством инженера Департамента водных коммуникаций генерал-лейтенанта Франца Павловича Деволана приступили к составлению нового проекта по перестройке плотины и русел. В разработке наземных сооружений проекта принимал участие известный архитектор Луиз Иванович Руска, строения которого отличались возвышенной простотой и строгостью форм.¹¹ Новый проект плотины был составлен с использованием «всего нового и совершенного, что может служить её прочности и удобства в использовании её машинами».¹²

10 февраля 1803 года был подписан указ императора Александра I о переустройстве плотины Сестрорецкого оружейного завода и выделено на начальные работы 20 тысяч рублей.¹³ Указ разрешал вырубать лес, необходимый для строительства плотины, на землях, приписанных к заводу еще императором Петром I, но бывших на тот период в частных владениях.¹⁴

Весной 1803 года при непосредственном участии Ф. П. Деволана военные инженеры капитан Грамберт и поручик Гарландье приступили к строительным работам¹⁵, но строительство продвигалось медленно. Только к середине лета все старые русла были сломаны.¹⁶

В июне 1804 года генерал-лейтенант Шрейдер фон Трейлебен назначили управляющим Тульским оружейным заводом, а на его место был определен генерал-майор Иван Иванович (Ганс Эренфрид) фон Дибич (1737–1822)¹⁷ (с 20 июня 1804 г. по 12 марта 1808 г.).

Происходил он из древнего баронского рода, владевшего поместьями в Шлезвиге и Богемии. По окончании Берлинского кадетского корпуса был определен в Старый Бранденбургский полк, принимавший участие в Семилетней войне (1756–1763). В одном из сражений был тяжело ранен. За стойкость и героизм был награжден прусским орденом *Pour le merite* (Черного орла). В 1778 г. во время войны за Баварское наследство состоял при прусском короле Фридрихе Великом, а затем при его брате, принце Генрихе.¹⁸

В 1798 году по приглашению императора Павла I И. И. фон Дибич поступил на русскую службу и был зачислен в императорскую свиту артиллерии полковником. В 1798–1799 годах он занимался конструированием 3-фн. легкой пушки, опытный образец которой отливался

¹¹ Там же. Ф. 3. Оп. Оруж. Д. 90. Л. 129.

¹² Там же. Л. 53.

¹³ Там же. Ф. 3. Оп. Сбор. Д. 836. Л. 92.

¹⁴ Там же. Л. 93.

¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. Сбор. Д. 836. Л. 114 об.

¹⁶ Там же. Л. 110.

¹⁷ Там же. Ф. 3. Оп. Арх. Д. 1935. Л. 1.

¹⁸ Военная энциклопедия. Т-во И. Д. Сытина. Т. IX. СПб., 1912. С. 90.

в Сестрорецком оружейном заводе. В объяснительной записке инспектору всей артиллерии генералу Корсакову фон Дибич писал, что его пушка легче обыкновенной и может переноситься одним человеком. Делает до 100 выстрелов свинцовыми ядрами и картечью на расстояние 1800–2000 шагов.⁴⁹

В 1800 году Иван Иванович был щедро облакван молодым императором Александром I – получил звание генерал-майора и мызу Абельгоф (Курляндской губ.) в потомственное владение⁵⁰.

Испытания 3-фн. легкой пушки конструкции фон Дибича, проведенные в 1804 году, выявили большое количество недостатков: неудобство в зарядании, недостаточную прочность и неустойчивость системы, большое рассеивание снарядов при стрельбе, а так же сложность изготовления. После испытательных стрельб орудие было сдано в Петербургский арсенал, а в 1816 году поступило в Достопамятный зал, ныне ВИМАИВиВС.⁵¹

Вступив в должность управляющего заводом 20 июня 1804 году, генерал-майор фон Дибич занимался, в основном наблюдением за строительными работами, развернувшимися на заводе. К концу 1804 года было закончено строительство новой каменной плотины.⁵² Поскольку вододействующие машины были остановлены, то в этот период занимались ремонтом старых отечественных и трофейных ружей, главным образом шведских.⁵³ Возведение главной водоразделительной плотины со шлюзами и щитами, а так же отделкой главного и боковых водоотводных каналов диким камнем, тосненской плиткой и кирпичом было закончено к концу 1807 года.⁵⁴ Все работы обошлись казне в 114 664 руб. 14 коп.⁵⁵

Иван Иванович фон Дибич, возглавляя Сестрорецкий завод, ничем особым себя не проявил. В марте 1808 года его перевели в свиту его императорского величества, а в 1811-м назначили директором 1-го кадетского корпуса.

И. И. фон Дибич воспитал достойного сына, немало послужившего на благо России. Генерал-Фельдмаршал граф И. И. Дибич-Забалканский отличился при Аустерлицком сражении и был награжден золотой шпагой «За храбрость». Особо проявил себя и в Отечественную войну 1812 года, подписав Тауроггенскую конвенцию с генералом Йорком

⁴⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Инс. Д. 430. Л. 1.

⁵⁰ Русский биографический словарь. Дабелов-Дядьковский. СПб., 1905. С. 351.

⁵¹ Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 124.

⁵² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оруж. Д. 85. Л. 49.

⁵³ Там же. Ф. 3. Оп. Сбор. Д. 836. Л. 110.

⁵⁴ Там же. Ф. 3. Оп. Сбор. Д. 836. Л. 112.

⁵⁵ Там же. Л. 116.

о прекращении боевых действий прусских войск против России и их выходе из армии Наполеона.⁵⁶

С 12 марта 1808 г. Сестрорецкий оружейный завод был временно передан под управление Артиллерийского ученого комитета, а для улучшения производства всех видов оружия директором завода утвердили иностранного подданного Ивана Петровича Ланкри (с 12 марта 1808 г. по 31 января 1824 г.).

Как свидетельствуют документы, Ланкри начал свою карьеру в России в 43 года. К тому времени это был известный специалист в оружейном деле, отмеченный за заслуги французским правительством военным орденом св. Людовика. Он прекрасно разбирался в математике и механике и в кратчайший срок выучил русский.⁵⁷

При назначении И. П. Ланкри директором завода, ему был обещан воинский чин, приличный его званию, но с условием – производить качественный ремонт ружей в течение шести месяцев, а в последующие шесть приступить к производству новых ружей и изготовить до конца года 8 тысяч единиц, а жалованье ему положить до 1/3 от прибыли завода. В последующие годы, когда все строительные работы будут окончены и завершится замена устаревшего оборудования, выпуск ружей должен быть увеличен до 40–45 тысяч в год.⁵⁸

Для выполнения поставленных условий Комитет разрешил директору Ланкри принять на завод 60 иностранных оружейных мастеров и выделил для этой цели 20 тыс. рублей. Во Францию был отправлен канцелярист завода Виктор Берард, который нашел нужных специалистов, согласившихся поехать в Россию, но французское правительство отказалось выдать им паспорта. Таким образом, поездка Берарда во Францию оказалась не только безуспешной, но и дорогостоящей. Из суммы, выделенной на переезд мастеров, было израсходовано 2 тыс. руб. и 1 тыс. франков.⁵⁹

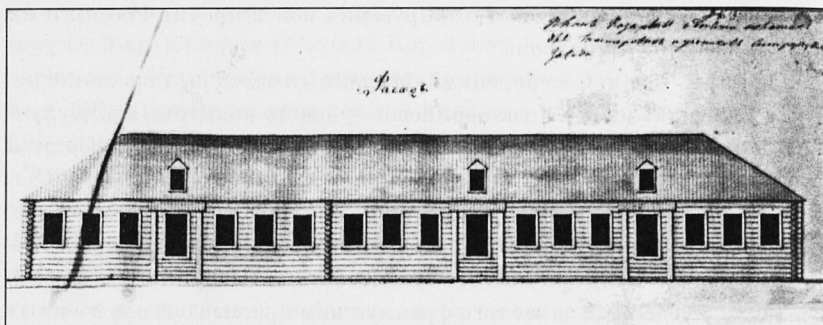
В связи с этим Ланкри не смог выполнить всех условий контракта, подписанного с Ученым Комитетом в 1808 году. К производству новых ружей приступили только в мае 1809-го, а к концу года изготовили всего 7 тысяч единиц. Главной причиной этому, как объяснял Ланкри, было время, упущенное в ожидании иностранных мастеров, а молодые рекруты, присланные для обучения оружейному делу, еще не вполне овладели необходимыми навыками. «Легчайшего способа научения

⁵⁶ Воснекий К. Акты, документы и материалы для истории 1812 года. Т. 2. СПб., 1911. С. 551.

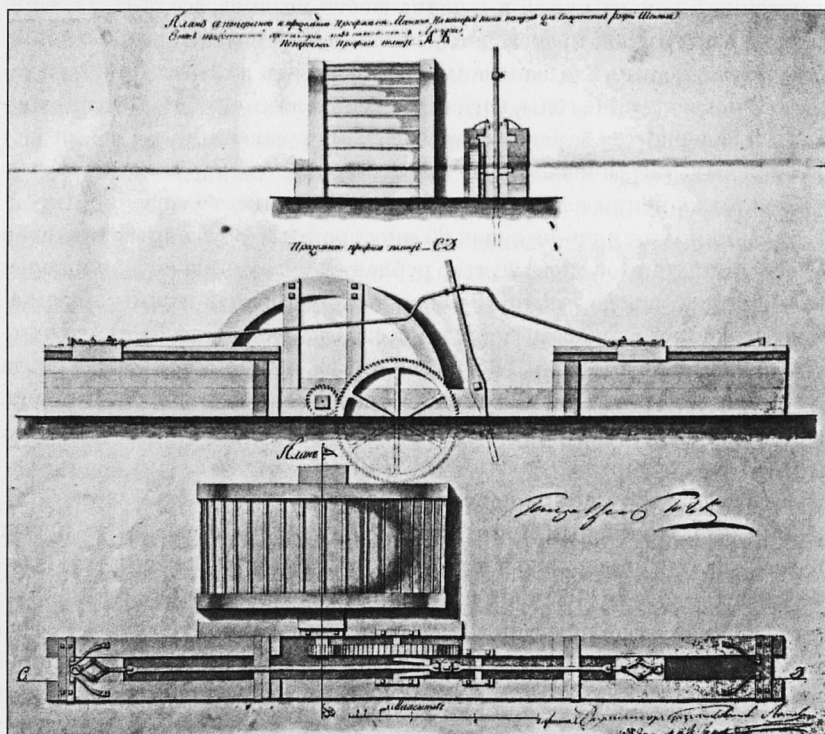
⁵⁷ Арив ВИМАИВиВС. Ф. 3 Оп. 109. Д. 233. Л. 548 об.

⁵⁸ Там же. Ф. 3. Оп. Оруж. Д. 90. Л. 1, 2.

⁵⁹ Там же. Л. 3.

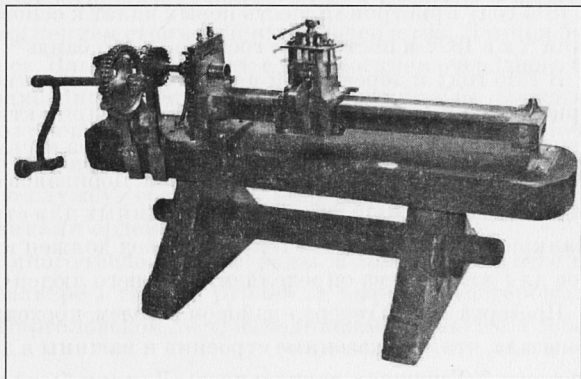

План и фасад деревянной казармы для мастеровых и учеников
Сестрорецкого оружейного завода. Подпись И. П. Ланкри.
1810 г. Тушь, акварель. Из фондов ВИМАИВ и ВС

План и профили машины для вытягивания шомполов,
изобретенной И. П. Ланкри. Подпись И. П. Ланкри. 1811 г.
Тушь, акварель. Из фондов ВИМАИВ и ВС

*Модель станка
И. П. Ланкри
для приготовления
витых стволов.
Из фондов
Тульского
музея оружия.
Предоставил
А. В. Михайлов*

мастерству нет. Аккуратность в производстве ружей необходима, а скоро это не делается, но усердием в обучении учеников добьюсь успехов в ружейном деле», – писал Ланкри в 1809 году в Государственную Военную коллегию по артиллерийской части.⁶⁰

В 1810 году Сестрорецкий завод передали в ведение Артиллерийской экспедиции и с Ланкри заключили новый контракт, по которому он обязался, строго придерживаясь генерального плана, закончить все строения и выпускать до 20 тысяч ружей в год.⁶¹ Согласно контракту, Ланкри получил от Артиллерийской экспедиции 50 тысяч руб. на приобретение новых машин. В течение года он заменил совершенно изношенные старые вододействующие колеса. В новой кузнице с водяным действием установил современные горны и наковальни. Изобрел и стал впервые применять на практике машину для обтачивания ружейных стволов, которая не только предохраняла людей от травматизма, но и экономила средства на закупку точил. Успешное обучение учеников оружейному мастерству так же способствовало качественному увеличению производства оружия.⁶²

По контракту 1810 года Ланкри должен был выплачивать из заводских средств достойное содержание инвалидам, получившим травмы на производстве, что и было исполнено в течение двух лет.⁶³

Частый травматизм и высокая смертность работников заставила Ивана Петровича хлопотать о расширении заводского госпиталя с 24 до 150 кроватей и увеличении штата его сотрудников. Суммы, необходимые на содержание госпиталя, Ланкри выделял из доходов завода.⁶⁴

⁶⁰ Там же. Л. 129.

⁶¹ Там же. Л. 8.

⁶² Там же. Л. 133.

⁶³ Там же. Л. 16.

⁶⁴ Там же. Л. 67.

К 1815 году пристроили шесть новых палат к основному зданию госпиталя⁶⁵, а в 1822-м построили госпитальную баню.⁶⁶

В 1810 году к деревянной церкви во имя чудотворца Николая была пристроена колокольня.⁶⁷ В этом же году при активном участии Ланкри утвердили планы и сметы строительства восьми казарм для инвалидной роты и двух офицерских домов. Добиваясь от артиллерийского ведомства средств (15 895 руб.), необходимых для строительства жилья, Ланкри мотивировал это тем, что «завод должен иметь достаточно домов для жительства определяемых на него людей».⁶⁸

Проверка завода генерал-майором Гогелем, проходившая в конце 1810 г. показала, что «все казенные строения и машины в должном содержании состоят».⁶⁹ Успешная деятельность Ланкри была не только замечена, но и достойно оценена. 20 января 1811 года ему присвоили звание майора, а в следующем месяце (12 февраля) – подполковника⁷⁰ и установили хорошее по тем временам жалованье – 10 тысяч руб. в год.⁷¹

В 1811 году строительство и модернизация завода продолжались. Для увеличения плавки чугуна были сооружены чугунолитейные печи⁷², установлены, изобретенные Ланкри, плющильные, резные и навивальные машины для производства витых стволов⁷³, тяготельные машины для изготовления шомполов, которые позднее были позаимствованы Тульским и Ижевским заводами.⁷⁴

Подполковник Ланкри участвовал и в проекте по строительству питейного дома для продажи «полпивных и медовых напитков и харчей всяких» купцами Николаем Кусовниковым и Дмитрием Гребенкиным», который был выстроен рядом с рынком.⁷⁵

За увеличение производства холодного и огнестрельного оружия и повышение его качества путем внедрения многих усовершенствований подполковника Ланкри в 1811 году наградили орденом св. Владимира 4-й ст.⁷⁶ А в 1819-м орденом св. Анны 2-й ст. В 1820 году за изобретение машины, изготавливающей механическим способом совершенно

⁶⁵ Там же. Ф. 3. Оп. Оруж. Д. 88. Л. 272.

⁶⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 5/2. Д. 563.

⁶⁷ Там же. Ф. 3. Оп. Оруж. Д. 85. Л. 51.

⁶⁸ Там же. Ф. 3. Оп. Оруж. Д. 90. Л. 113.

⁶⁹ Там же. Ф. 3. Оп. Оруж. Д. 85 л. 152.

⁷⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 109. Д. 233. Л. 548.

⁷¹ Там же. Ф. 3. Оп. Оруж. Д. 90. Л. 149.

⁷² Там же. Ф. 3. Оп. Оруж. Д. 103. Л. 2, 12.

⁷³ Там же. Ф. №. Оп. Оруж. Д. 132.

⁷⁴ Там же. Д. 152.

⁷⁵ Там же. Д. 114. Л. 17.

⁷⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 109. Д. 233. Л. 548.

единообразные и превосходного качества лезвия клинков и штыков со значительным снижением стоимости их производства, Ланкри был награжден орденом св. Владимира 3-й ст. с присвоением очередного воинского звания – полковник.⁷⁷ В 1821 году «За оказанную к пользе казны выгоду» ему был пожалован перстень с бриллиантами от графа Кочубея, управляющего Министерством Внутренних Дел. В 1822-м «За отличную и усердную службу» состоялось награждение Ивана Петровича алмазными знаками ордена св. Анны 2-й ст.⁷⁸

Но, несмотря на многочисленные награды, в 1820 году на него наложили штраф в размере 1 тысячи рублей за вырубку мастерами завода деревьев в Парголовоком лесу, находившемся в частной собственности.⁷⁹

Согласно предписания генерал-фельдцейхмейстера от 31 января 1824 года полковнику Ланкри велено было сдать управление заводом полковнику Амосову, назначив для приемки особую комиссию. В отчете комиссии от 25 апреля 1824 года состояние Сестрорецкого оружейного завода с технической стороны было отмечено как блистательное в сравнении с Тульским и Ижевским заводами.⁸⁰

11 июня 1824 года генерал-фельдцейхмейстер разрешил Ланкри, которому к тому времени исполнилось 59 лет, выехать из России в Люттих (ныне Льеж), возложив на него особое поручение: заказ нового оборудования для производства пороха. После отъезда Ланкри возник целый ряд обвинений в его адрес в различных злоупотреблениях (приемке негодных ложевых деревьев, дурное обращение с подчиненными и т. п.). Сам Ланкри 5 июля 1825 года отвечал из Люттиха, что все обвинения по отношению к нему несправедливы.⁸¹

Иван Петрович Ланкри имел в Петербурге, в юго-восточной части площади Искусств, собственный земельный надел и, возможно, там был выстроен дом. В начале 1830-х годов земельный участок Ланкри приобрели известные российские музыканты и композиторы братья Виельгорские, которые по проекту архитектора К. И. Росси выстроили большой дом, ставший одним из центров музыкальной жизни столицы.

Наступивший XIX век сулил Сестрорецкому заводу большие перемены. Но, исходя из исторического прошлого, можно сделать вывод, что успешная деятельность завода была тесно связана с человеческим фактором, который всегда является главным двигателем на пути к успеху.

⁷⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

⁷⁸ Там же. Ф. 3 Оп. 109. Л. 549.

⁷⁹ Там же. Ф. 5 Оп. 1. Д. 7. Л. 13.

⁸⁰ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.

⁸¹ Там же. Д. 117. Л. 1 об.

Л. П. Рудакова

Часовня в Дубовой роще

Сестрорецкий оружейный завод как один из крупнейших военно-технических объектов Петербурга создавался для обеспечения армии стрелковым вооружением.

Его строительство началось по указу императора Петра I в 1721 году.

Недалеко от территории завода находится мыс с вековыми дубами, высаженными здесь молодыми деревцами еще при Петре I. Впоследствии это место получило название «Сестрорецкие дубки». В настоящее время Советом ЮНЕСКО сестрорецкий парк «Дубки» с водоемами и историческими сооружениями включен в список объектов всемирного наследия. С этим местом связано немало исторических событий.

В Сестрорецких дубках в 1858 года была выстроена каменная часовня в честь апостолов Петра и Павла и чудотворца Николая. Поводом к ее возведению послужили события, произошедшие на Балтике в период Крымской войны 1853–1856 годов. Для блокады наших балтийских портов Англия отправила весной 1855 года в Балтийское море эскадру в составе 62 кораблей под командованием контр-адмирала Ричарда Дундаса. К ней присоединился и союзный французский флот под началом адмирала Пено. В конце мая главные морские силы противника расположились вблизи Кронштадта.

Побережье Финского залива в районе Сестрорецка не имело в тот период оборонительных сооружений. При первых известиях о появлении неприятельского флота в Балтийском море, к Сестрорецку начали стягиваться войска: сводный резервный полк под командованием полковника Черепова, 1-й и 3-й уланский и гусарский резервные эскадроны, пять батальонов гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка и дружина Петербургского ополчения.

Для строительства укреплений на высотах вокруг завода в Сестрорецк была направлена рота лейб-гвардии резервного саперного полубатальона.

Но установить артиллерийские орудия на возведенных укреплениях к 14 июня не успели.

По инициативе командира завода генерал-майора А. Г. Игнатьева был сформирован отряд из оружейных мастеров в количестве 300 человек для охраны заводских территорий.

За противником, стоявшим на рейде, постоянно велось наблюдение. Из докладов наблюдателей было известно, что неприятельские суда ежедневно проводили учебные стрельбы. 14 июня 1855 года один парусно-фрегат и две канонерские лодки, отделившись от основной эскадры, подошли к берегу на расстояние пушечного выстрела и открыли сильный огонь из всех орудий по территории завода и селению.

Неприятель обстреливал все побережье ядрами и гранатами в течение часа. Канонада была настолько сильна, что часть прихожан, укрывшихся от огня в заводских церквях, страстно молилась о заступничестве высших сил. Каково же было всеобщее изумление, когда после сильнейшего обстрела заводские строения не пострадали и все жители остались живы, лишь подпрапорщик гренадерского резервного полка Федор Шустер был легко ранен осколком гранаты да несколько дубов из заповедной рощи получили повреждения.

В этом событии священник Петропавловской церкви Петр Лабецкий увидел, в первую очередь, заступничество св. апостолов Петра и Павла и св. чудотворца Николая и решил, что это свидетельство не должно быть забыто.

Петр Михайлович Лабецкий окончил курс наук в Петербургской Александро-Невской семинарии. В феврале 1855 года был определен на службу в церковь св. апостолов Петра и Павла на Сестрорецкий оружейный завод. Он был женат на воспитаннице Царскосельского духовного училища девице Светловой. Кроме основной деятельности, ему было поручено преподавание закона Божьего в школе кантонистов, организованной при заводе. За стойкость, проявленную в проведении службы под огнем противника 14 июня 1855 года, Петр Лабецкий был награжден бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте, учрежденном в память войны 1853–1856 годов. В Петропавловской церкви он прослужил девять лет. В 1963 году был удален из Сестрорецка в место бедное и, почти бесприходное, за то, что осмелился, по обязанности пастыря, вступить за рабочего, жестоко наказанного офицером завода.

В 1857 году Петр Лабецкий ходатайствовал перед высшими чинами о разрешении выстроить за свой счет небольшую каменную часовню в память чудесного спасения завода и жителей от огня противника в июне 1855 года. Часовню предполагалось выстроить на морском берегу в Дубовой роще.

Часовня в Дубовой роще Сестрорецка

Часовня, выстроенная в парке «Дубки» на средства священника Петропавловской церкви Петра Лабецкого, благополучно простояла до начала Первой мировой войны. В ней ежегодно совершался крестный ход в память 14 июня 1855 года. До наших дней часовня не сохранилась. В 1930-е годы прошлого века она была полностью разрушена. Сохранившийся чертеж каменной часовни, профессионально исполненный А. М. Мурыгиным, является важным свидетельством исторической застройки Сестрорецка. Возможно, когда-нибудь в «Дубках» вновь появится белокаменная часовня в память удивительного события 14 июня 1855 года.

Проект часовни утвердил военный министр Н. О. Сухожанет 7 июня 1857 года. Осенью 1858-го каменная часовня в Дубках была выстроена. Чертеж часовни (план, фасад и разрез) исполнил кондуктор 1 класса Сестрорецкого оружейного завода А. М. Мурыгин. Александр Матвеевич за время службы на заводе в звании кондуктора был награжден серебряной медалью «За усердие» с правом ношения в петлице на Анненской ленте. С 1864 по 1868 годы отставной кондуктор Мурыгин исполнял должность заводского архитектора. В ознаменование свободы, дарованной оружейникам, и в поощрение долголетней усердной службы А. М. Мурыгин был возведен в 1868 году в звание почетного гражданина. При передаче завода в арендно-коммерческое управление в 1869 году А. М. Мурыгин был назначен заведующим строительной частью хозяйственного отделения завода. В этом качестве он проявил себя грамотным и добросовестным специалистом, с полным знанием дела. «Я много обязан ему и особенной его энергии при исполнении возложенного на меня начальством поручения по возведению новых зданий взамен сгоревших при пожаре в июле 1868 г.», – писал в Главное артиллерийское управление начальник хозяйственного отдела завода полковник А. А. Граве. В 1870 году «в поощрение усердия к пользе и интересам завода» А. М. Мурыгину была пожалована золотая медаль «За усердие» для ношения на Станиславской ленте.

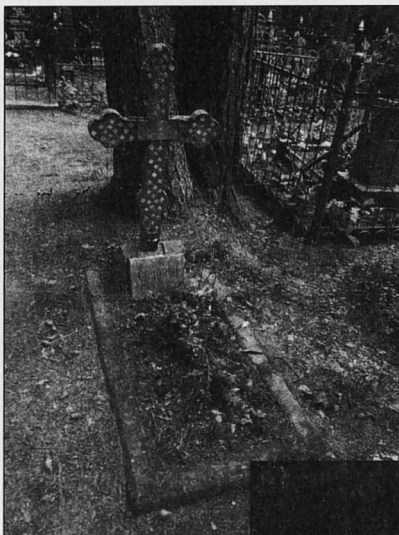

Старые захоронения на Комаровском кладбище

Комаровское кладбище является одним из памятных мест поселка, куда приезжают и с вполне определенной целью – поклониться могилам выдающихся людей XX века, и просто заглядывают, прогуливаясь по Озерной к Щучьему озеру. В настоящее время точно не известно время его возникновения. По одной версии, первые захоронения появились еще до дачного поселка Келломяки: в таком случае, там хоронили местных жителей, и кладбище должно было быть лютеранским. По другой версии (которая, правда, существует лишь на уровне местных преданий), финское кладбище находилось до 1939 года ровно напротив, на другой стороне дороги на озеро. Правда следов его нет и в помине. Наиболее вероятной является версия о том, что кладбище возникло как православное в связи с возникновением «дачного района Келломяки», то есть около 1903 года. Предстоит еще большая работа в архивах по выяснению дат, фамилий, местоположению захоронений. На кладбище наверняка должна была находиться часовня, но где – тоже не известно.

После Октябрьской революции Келломяки оказались на территории независимой Финляндии. Дачная жизнь прекратила свое существование: большинство бывших дачников осталось в «уплотненных квартирах» Петрограда без надежды увидеть когда-либо свою заграничную собственность. Меньшинство осталось в Финляндии – на своей заграничной собственности, но без надежды увидеть родственников, друзей и банковские вклады в Петрограде.

Сейчас очень трудно судить, каким было кладбище к 1939 году. Более или менее понятно, каким она стало после 1945-го. За старыми могилами никто не ухаживал, они постепенно разрушались. Со временем, когда свободных участков становилось все меньше, стали «подхоранивать» в безымянные могилы. А выяснить имена «первых хозяев»

*Могила А.А. Сидорова.
Фото Е.М. Травиной. 2011 г.*

*Могилы
Шамониных
и Малкиных.
Фото
Е.М. Травиной.
2011 г.*

*Могилы
Шихиных.
Фото
Е.М. Травиной.
2011 г.*

не было уже никакой возможности. Рассказывают, что как-то в семидесятые приезжал русский из Финляндии и просил разрешения поставить крест на пока еще существовавшей могиле матери. Не разрешили. Может, от страха (как бы чего не вышло от контактов с иностранцем), а может – из вредности (приехал такой чистенький, ухоженный старик, а мы здесь...)

В настоящее время на Комаровском кладбище сохранилось около 60 могил, которые условно можно отнести ко времени до 1940 года. Об этом можно судить по состоянию могил. Их описания фиксируются следующим образом: «№ 88: бетонный короб старой могилы без надписи» или «№ 287: гранитное основание без навершия и надписи», «№ 621: старая могила, заросшая елями».¹ В редких случаях сохранились кресты с надписями. Либо крепко было сработано, либо финские родственники все же «достучались» до местного начальства, либо ленинградские нашли «своих» спустя сорок лет.

В настоящее время с достоверностью можно говорить примерно о двадцати захоронениях людей, имевших отношение к дореволюционному прошлому селения Келломяки. Некоторые из них – семейные – объединены единой оградой.² Большинство владело участками и дачами в этой местности до 1917 года и осталось на территории Финляндии после Октябрьской революции. Несколько фамилий упоминаются в числе келломякских дачевладельцев, но они ли это или их однофамильцы – предстоит еще выяснить.³

По дорожке от входа со стороны автостоянки находится несколько старых захоронений.

Первой из них, слева от дорожки и чуть в глубине, находится могила Александра Афанасьевича Сидорова (1874–1926), – под № 218 по нумерации Кобака, Ныркова и Пириутко. Коллежский советник А. А. Сидоров служил в разные годы в Управлениях торгового мореплавания и портов, почт и телеграфов, государственных сберегательных касс. С 1913 года он проживал на станции Келломяки Финляндской железной дороги, по Французской улице в собственном доме. После 1917-го семья Сидоровых осталась на территории Финляндии. Через браки они породнились с другими дачевладельцами – Сандиными, Забелиными, Крюковыми

¹ Здесь и далее непользована нумерация по карте комаровского некрополя из статьи Кобак А. В., Пырков А. А., Пириутко Ю. М. Комаровский некрополь // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб, 1997.

² О дачевладельцах Келломяки см. Балашов Е. А., Травина Е. М. Келломяки: адреса и судьбы. СПб, Карелико, 2011.

³ Более подробную информацию о дачевладельцах Келломяки/Комарово можно получить на страничке «Старые дачи» сайта г. Зеленогорска (б. Терийоки): http://terijoki.spb.ru/old_dachi/komarovo.php

и Гесли. В настоящее время их потомки проживают в Хельсинки. Дача Сидоровых сохранилась, в настоящее время в ней размещается администрация дома творчества Союза театральных деятелей РФ.

Чуть далее, по пути к центральной дорожке и тоже слева, находится могила Зины и Славы Сандиных (№ 196), относящаяся к середине 1920-х годов. Это были дети Григория Ивановича Сандина и Анны Арсеньевны (урожденной Забелиной). Зинаида Григорьевна умерла совсем молодой, вскоре после окончания школы. По семейным воспоминаниям, она была болезненной девочкой. Слава Сандин, кажется, утонул примерно тогда же.

Купцы 2-й гильдии Сандины владели до революции Торговым домом «Сандин и сын»: шапки и фуражки. Участок «Анечка» Г. И. Сандин приобрел в 1906 году. После революции семья осталась на территории Финляндии. В настоящее время потомки проживают в Хельсинки.

Дача Сандиных сохранилась. В советское время в ней располагался летний детсад, в настоящее время она принадлежит частному инвестору, который собирается ее использовать под гостиницу. В самом начале 2012 года дача Сандина была включена в Единый реестр объектов культурного наследия КГИОП как ОКН (Объект культурного наследия) регионального значения.

Чуть далее и тоже по левую руку, между двух оград, «зажата» могила Бори Сальникова (1907–1917) – под № 202. Изначально ее венчал металлический крест, от которого осталась лишь нижняя косая перекладина. Надпись: «Здесь покоится Боря Сальников. Родился 22 августа 1907 г. Скончался 11 апреля 1917 г. 9 лет 10 месяцев от роду. Спи спокойно дорогой Боричка». В настоящее время неизвестно, были ли Сальниковы владельцами участка или дачу снимали. Неизвестно также доподлинно, кем были родители Бори. Можно лишь высказать предположение, что его отцом был художник Александр Борисович Сальников (имена часто давали в честь деда).

Еще дальше, на углу с центральной дорожкой, в одной ограде находятся несколько могил двух семейств. Во-первых, это Шамонины: Ольга Васильевна (1853–1925) и ее внучки Зоя Владимировна (1914–1985) и Вера Владимировна (1916–1991). Нумерация захоронений, соответственно, № 206, № 205 и № 207. Мужем Ольги Васильевны был Александр Шамонин, полковник, герой нескольких кампаний, награжденный орденами за храбрость. У них было два сына: Александр, служивший в Главном казначействе, и Владимир (р. 1882), ставший священником. Владимир был женат на Варваре Ливановой, у них родились дочери Зоя и Вера.

Ольга Васильевна осталась после 1917 года на территории Финляндии и скончалась в Келломяках в 1925 году. О судьбе ее сына, Александра

Александровича ничего не известно. На финской карте конца 1920-х годов значится участок «акушерки Шамоиной»: то ли, по старой памяти самой Ольги Васильевны, то ли ее родственницы (невестки).

Немного больше информации о судьбе ее второго сына, Владимира Александровича. Он окончил Санкт-Петербургское Павловское училище, историко-филологический факультет университета, но не стал ни военным, ни профессором. Он поступил в Духовную Академию и принял сан в 1908 году. До революции служил в сельском приходе, а затем в храме-памятнике 300-летия Дома Романовых. В советское время – в церкви Бориса и Глеба и Никольской церкви на Мытнинской улице. В 1933 году был арестован по так называемому «делу евлогиевцев» и выслан на Дальний Восток. Вернулся в Ленинград в 1944-м и стал служить в Старо-Парголово в пос. Шувалово. Скончался в 1967 году. Участок, на котором стоял дом Шамоиных, сохранился в первоначальных границах. В настоящее время, на нем строят загородный дом для одной из VIP-персон.

В одной ограде с Шамоиными находится могила супругов Малковых (№ 208). В Келломяки Малковы были практически соседями Ольги Васильевны Шамоиной, их разделяла Горная улица, и за ней еще один участок. Купец 2-й гильдии Анфим Лукич Малков (р. 1848 г.) имел в Петербурге торговлю обувью. Он проживал вместе с женой Александрой Ивановной, ее детьми от первого брака, Сергеем (р. 1874 г.) и Марией Часовниковыми, и общими с ней детьми – Николаем (р. 1882 г.), Иваном (р. 1883 г.), Еленой, Анной и Александрой.

После революции 1917 г. Малковы (все или только родители) остались в Финляндии. Участок Малковых пока сохраняется в прежних границах, дом не сохранился. В советское время на участке Малковых собирались строить дом отдыха для космонавтов. От того проекта остался «мегалитический» фундамент.

Далее необходимо повернуть налево по центральной дорожке, и затем снова налево, вглубь участка. В ограде находятся три бетонных креста, под коими покоятся Михаил Дмитриевич Шихин (1859–1924) – могила под № 276, и его две дочери – Ольга Михайловна Шихина (1895–1984) и Антонина Михайловна Воронцова (1905–1985) – под № 277. Потомственный почетный гражданин Михаил Дмитриевич Шихин владел в Петербурге электромеханическим заводом. Известно, что у него был сын Сергей Михайлович. Участок в Келломяках располагался по Вокзальной улице (Лейтенантов, 39). Дача сохранилась, находится в частном владении.

Пройдя еще далее, к заборчику со стороны автостоянки, можно найти могилу Лидии Кузьминичны Зубаревой (1893–1937) – под № 253. Эта могила является примером «подхоранивания»: на памятник Зубаревой

(где когда-то стоял крест) поставлен другой памятник – И. М. Барковой. Впрочем, есть вероятность того, что они родственницы, и такая версия требует проверки. О Л. К. Зубаревой в настоящее время ничего не известно.

Вернувшись к центральной дорожке и перейдя через нее, необходимо пройти немного вглубь участка. В одной ограде находятся четыре захоронения, три из которых принадлежат представительницам семейства Сереньш – Евдокии Ивановне (1880–1939) – могила под № 677, и ее дочерям Сереньш Антонине Яновне (1906–1924) – под № 679 и Короткович Александре Яновне (1908–1991) – под № 680. Семейство Сереньш занималось цветочной торговлей, глава семьи, Ян Яковлевич Серин (так он значится во «Всемирном Петербурге») владел в Келломяках несколькими участками, на которых находились теплицы. В 1939 г. он отказался эвакуироваться вместе с финским населением Перешейка в Коренную Финляндию, остался в Келломяках и через некоторое время был с дочерью Александрой арестован за резкую оценку действий советской власти на занятых территориях. Умер в тюрьме. Александра Яновна смогла вернуться из ссылки и разбивала сады на территориях домов отдыха и дачных участках в Келломяках/Комарово. Местные жители называли ее «Шура-финка».

Рядом, также в ограде, находится могила Павлика Сизова (1914–1915). Мы ничего не знаем о его родителях, которые, видимо, дачу снимали.

Дальше, в глубине участка находится захоронение Аграфены Егоровны Егоровой – под № 743. Надпись на табличке гласит: «Наша няня Аграфена Егоровна Егорова (1866–1971). Семья Толстых». Известно, что семья А. Н. Толстого до революции снимала дачу в Куоккала и Келломяках, и няня Аграфена Егоровна, видимо, была с ними.

Вернувшись к центральной дорожке и повернув по ней налево по направлению ко входу с Озерной улицы, с левой же стороны окажется могила Владимира Евменевича Савинского (1867–1915) – под № 583. Композитор и дирижер великорусского оркестра Вл. Е. Савинский был братом академика Императорской Академии художеств, статского советника Василия Евменевича Савинского. Братьям принадлежала дача на самом берегу залива, от которой остались гранитные глыбы фундамента.

Рядом с могилой Савинского находятся могилы супругов Росляковых (под № 656). Почетному гражданину Нестору Васильевичу Рослякову (?–?) и его жене Марии Георгиевне (?–март 1939) принадлежал большой участок на углу Озерной и Александровской/Школьной. Согласно справочнику «Весь Петроград», Н. В. Росляков служил заведующим книжным магазином товарищества «М. О. Вольф», его сын Арсений Несторович был священником.

На кладбище есть еще одно захоронение, которое, по устным свидетельствам, напрямую связано в дореволюционными Келломяками. Это могила Аспазии Панагиотиевны Савиолаки-Волковой (1893–1971) – под № 798. Рассказывали, что ее сын, Александр Иванович Волков, служивший в посольстве СССР в Швейцарии, привез прах матери, скончавшейся в Женеве, по ее завещанию в Комарово. Можно предположить, что А. П. Волкова в молодости владела дачей или снимала дачу в Келломяки. Действительно, среди дачевладельцев было несколько Волковых, которые могли быть родственниками А. П. Волковой.

Возможно, что преподаватель сценического движения Иван Эдмундович Кох (1901–1979) – могила под № 830 – был сыном дачевладельца, архитектора Эдмунда Ивановича Коха, которому принадлежала дача по Александровской/Школьной.

Таким образом, оказывалось, что дачевладельцы и/или их дети спустя сорок лет могли вернуться и снова поселиться в поселке, теперь уже под названием Комарово.

Так случилось с дочерью архитектора Н. Н. Никонова, которому принадлежал участок на углу Большого пр. и Троицкой /Кавалеристов). Ольга Николаевна Никонова (1887–1969) вышла замуж за востоковеда Алексея Петровича Баранникова, который в советское время получил участок в академическом поселке.

Лишь тринадцать могил в Комаровском некрополе занесены в Единый реестр КГИОП и являются объектами культурного наследия федерального значения. Большинство старых захоронений до 1940 г. остаются без должного ухода по причине того, что не осталось родственников, которые могли бы осуществлять этот уход. «Субботники», время от времени проводимые силами волонтеров, не гарантируют того, что могилы первых дачников будут сохранены, как память об историческом прошлом пос. Комарово, о его «истоках». Россия, которой мы хотим гордиться, начиналась для этих мест не в середине XX века, а в его начале. Здесь жили купцы, инженеры, финансисты, архитекторы, врачи, музыканты, коллежские регистраторы и статские советники, составлявшие тогдашнюю гордость России.

Мы помним об этих людях и ни в коем случае не должны вычеркнуть их из нашей памяти. Поэтому достойное содержание могил Сандиных, Малковых, Шамониных, Росляковых и других, о которых говорилось в данной статье, говорило бы о нашей человечности. И это забота не только добровольцев, но и государства, поскольку давно назрела необходимость взять под охрану весь Комаровский некрополь, как единый объект культурного наследия.

А дачи горят и горят...

Название этой статьи – перефразированная строка из стихотворения Наума Коржавина: «А кони все скачут и скачут, / а избы горят и горят». Приведенный ниже список – мартиролог уничтоженных исторических объектов в Комарове.

1. Дача Гесли. Морская сторона, угол Большого пр. и ул. Артиллеристов. Снесена при строительстве нового корпуса Дома творчества писателей.

2. Дача Дагаева. Лесная сторона, угол Лесной и Привокзальной. В советское время территория принадлежала РОНО Центрального р-на, ясли-сад № 70. Сгорела в середине 1990-х.

3. Дача Прохорова. Морская сторона, угол Большого пр. и Социалистической ул. Снесена при строительстве коттеджей для Конституционного суда в начале 2000-х.

4. Дача на участке Вальтер-Кюне. Морская сторона, Большой пр., 13. Снесена при застройке участка в начале 2000-х.

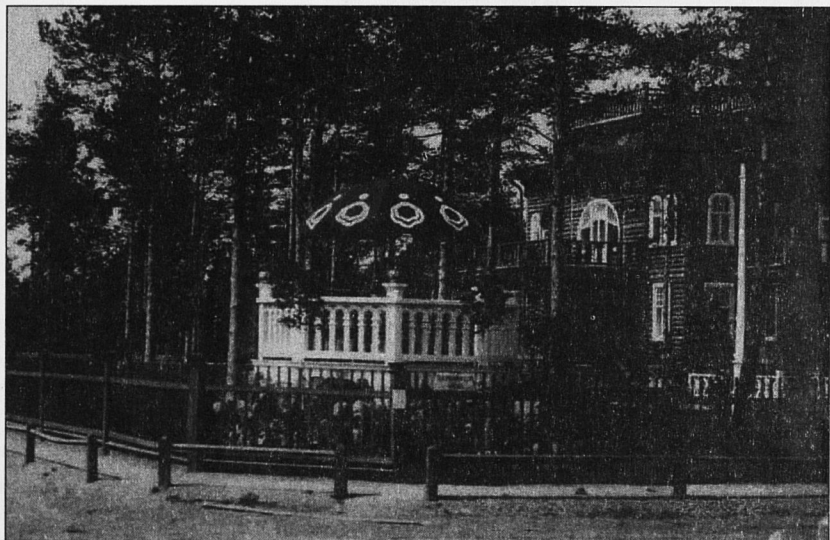
5. Дача Фаберже. Приморское шоссе, 483. В советское время территория принадлежала РОНО Василеостровского р-на, ясли-сад № 9. Сгорела в начале 2000-х.

6. Дача Гаардера. Морская сторона, Приморское шоссе, 483. В советское время территория летнего детского сада. Снесена в начале 2000-х.

7. Дом на участке Крапкат. Лесная сторона, жилой дом. Снесен в 2003 г. при строительстве коттеджей.

8. Дача Абеля. Лесная сторона, угол Морской ул. и ул. Пушкина. В советское время принадлежала трамвайному парку № 2, ясли-сад

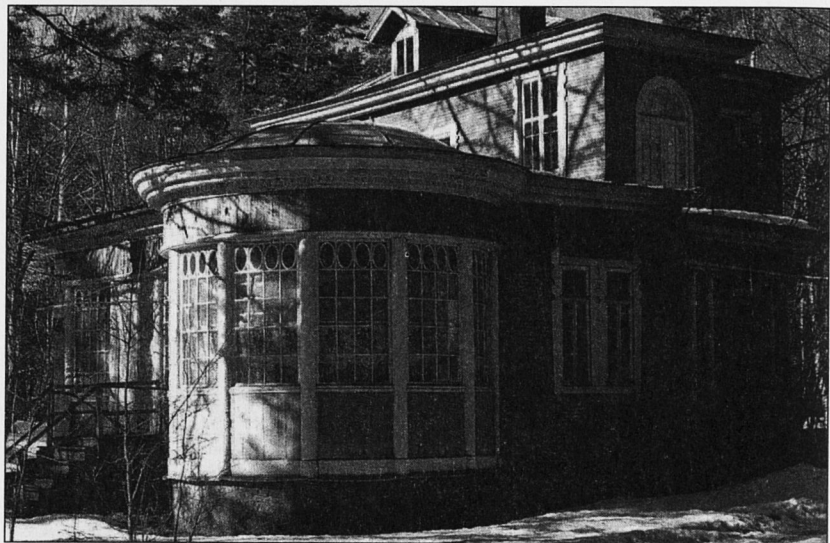

Дача Гесли. Из коллекции С.В. Ренни

Дача Дагаева. Фото Е. Цветковой

Дача Прохорова. Фото Е. Цветковой

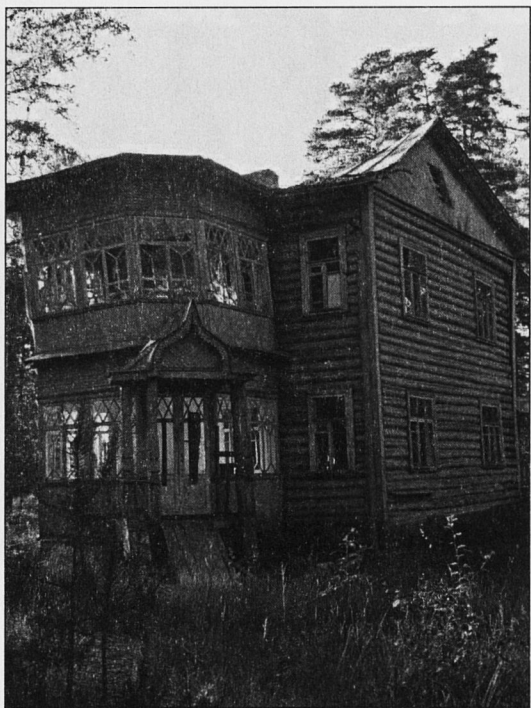
Дача Штавемана. Фото Е. М. Травинной

Дача Федотова. Фото Е.М. Травиной

Павильон на участке Микульского. Фото Е.М. Травиной

Дача Чечулина. Фото Е.М. Травинной

№ 11. Снесена примерно в 2007 году.

9. Дача Канарейкина. Морская сторона, угол Большого пр. и ул. Кавалерийской. В советское время территория летнего детского сада. Выведена из списка вновь выявленных объектов культурного наследия по результатам экспертизы распоряжением № 10-17 от 20.09.2010 г. Снесена в 2007-м.

10. Дача Штавемана. Лесная сторона, Школьная ул. В советское время территория принадлежала РОНО Центрального р-на, детсад № 92. Снесена в 2009 г. при расчистке участка под застройку.

11. Дворовая постройка на участке Виитинга. Лесная сторона, угол ул. Пушкина и ул. Водопьянова. В советское время территория принадлежала РОНО Центрального р-на, детсад № 92. Снесена в 2009 г. при расчистке участка под застройку.

12. Дача на участке Федотова. Лесная сторона, угол ул. Школьной и ул. Пушкина. В советское время территория принадлежала РОНО Центрального р-на, детсад № 92. Снесен в 2009 г. при расчистке участка под застройку.

13. Павильон на участке Микульского. Лесная сторона, ул. Водопьянова. В советское время территория принадлежала РОНО Центрального р-на, детсад № 92. Снесен в 2009 году при расчистке участка под застройку. Этот павильон, вероятнее всего, был построен в послевоенное время, тогда любили такие «малые формы» в парках и скверах. Но их почти не осталось в пригородах Петербурга. В Комарове было два, теперь – один, да и тот на проданной территории. Так что дни его сочтены.

Дача Соколова. Фото Е.М. Травинной

Поскольку павильону было более 50 лет, то по закону он – «историческая постройка» и должен был охраняться.

14. Дача Чечулина. Лесная сторона, угол ул. Осипенко и ул. Водопьянова. В советское время территория принадлежала РОНО Центрального р-на, детсад № 30. Снесена в 2010 году при расчистке участка под застройку.

15. Дача Андреева. Морская сторона, ул. Кавалерийская. В советское время территория Министерства обороны, ясли-сад № 7. Выведена из списка вновь выявленных объектов культурного наследия по результатам экспертизы распоряжением № 10-17 от 20.09.2010 г. Снесена в 2011-м.

16. Дача Духновского. Морская сторона, Ул. Артиллеристов. В советское время территория Министерства обороны, ясли-сад № 7. Выведена из списка вновь выявленных объектов культурного наследия по результатам экспертизы распоряжением № 10-17 от 20.09.2010 г. Снесена в 2011-м.

17. Дача Лоховой. Морская сторона, ул. Кавалерийская. В советское время территория Министерства обороны, ясли-сад № 7. Снесена в 2011 г. в статусе вновь выявленного объекта культурного наследия под № 940.

Дача Попова. Фото Е.М. Травиной

18. Дача Штутмана. Морская сторона, Горная ул. В советское время территория принадлежала Министерству обороны РФ (штаб ЛенВО), ясли-сад. Снесена в 2011 г. при перепланировке новым владельцем участка.

19. Дача Соколова. Лесная сторона, угол ул. Лейтенантов и ул. Советской. В советское время - территория летнего выездного детского учреждения. Снесена в 2011 году при расчистке участка под застройку.

20. Дача Попова. Морская сторона, Морская ул. В советское время территория детсада Военно-Медицинской Академии. Снесена в 2011 году при расчистке участка под застройку.

21. Дом на участке Квашниной. Морская сторона, Морская ул. В советское время - территория детсада Военно-Медицинской Академии. Снесен в 2011 году при расчистке участка под застройку.

Е. Г. Назарова

О финских корнях моей семьи

Эту работу ученица 10 класса Екатерина Назарова написала в 2010 году. Руководитель Г.И. Зеленская преподаватель Истории и культуры Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург – многонациональный город. Впервые об этом я задумалась во время экскурсии по иноверческим храмам Санкт-Петербурга. Мы были в еврейской синагоге, католической и лютеранской церквях, грузинской православной церкви, в буддийском Дацане. Слушая экскурсовода, я обратила внимание на то, какое количество народов и национальностей живут в Петербурге: финны, немцы, таджики, татары, украинцы и другие. А самое интересное в том, что подтверждение этому я нашла в истории своей семьи.

Моя семья имеет финские корни, и начало нашего рода по маминной линии началось в Санкт-Петербурге. Историю своего рода я узнала из нашей семейной книги «Рассказ о Марии и Михаиле», которую написала моя родтвенница Пирьо Рютканен.

Пирьо Рютканен живёт в Финляндии. Мне она приходится бабушкой, троюродной! Знакомство с ней состоялось благодаря тому, что моя мама и бабушка – ингерманландцы – «урожденные финны». Они состояли в обществе «Инкерин Лито», учили финский язык. Исследователь службы розысков «Финляндия – Ингерманландия» помог родственникам из двух стран найти друг друга и встретиться. Пирьо работала в издательстве, у неё два сына и маленькая внучка. Оказалось, она давно интересовалась своей родословной, даже учила русский язык и мы смогли немного общаться по-русски, когда встретились. А это произошло 4 июня 1998 года. «Белые пятна» своей родословной она заполнила, пообщавшись со своим «русским» дядей – Александром Николаевичем Лаурила (это мой двоюродный прадедущка). В этот приезд она прошла

по улицам, по которым ходили её прародители, посмотрела на место, где стоял их дом, прошла по парку «Дубки», где они гуляли. Мне было всего четыре года, но я помню нашу встречу. Пирьо Рютканен мне показалась жизнерадостной, энергичной, доброй женщиной с веселыми глазами.

Начало нашего рода началось со встречи Марии и Михаила.

Родоначальниками нашего рода были Мария-Ловиса Густавна Острём (р. 1849) и Михаил Матвеевич Лаурила (р. 1843). Мария Густавна была из холодного северо-финляндского города, но она имела глубокие корни в деревне Похьянмаа. Михаил Матвеевич происходил также из старого крестьянского рода из юго-восточной Финляндии. Мария поехала в Петербург в гости к своим родственникам, а Михаил, чтобы найти работу. Она приехала с берега северного моря, а он из края прозрачных озёр и рек центра Финляндии.

Родной край Михаила, Валкеала, расположен среди самых красивых озерных краев, около города Коуволла. Люди здесь поселились давно. Жителей характеризуют открытость, приветливость и разговорчивость. Раньше основными промыслами здесь были земледелие и скотоводство, а в XIX веке появилась и промышленность. Предки Михаила родились в деревне Большая Селянпя, которая раньше была самой большой из деревень Валкеала. Нельзя сказать, что его детство было счастливым. У него было трое братьев: Эрик (р. 1830), Элиас (р. 1835) и Даниел (р. 1840). Когда Михаилу было 11 лет, умерла его мама, Мария-Елизавета. Старшие братья работали у соседей батраками. Смерть отца, Матвея Генриховича, и голодные 1867–1869 годы заставили Михаила и его братьев уехать из родной деревни.

Через три года после смерти отца Эрик Матвеевич женился, переехал в соседнюю волость Сиппола и стал тропарем, но позже он устроился на ближний завод.

Элиас Матвеевич, который был холост, переехал в 1859 году из Выборга в Петербург, где о нем есть упоминание, что он был рабочим.

В 1864 году Даниел Матвеевич переехал из Выборга в Петербург, где работал сапожником. Женился в 1865 году. Его жена, Эва Елизавета Хиландер, служившая фрейлиной в Зимнем дворце, была значительно старше своего мужа. Их брак был короткий и бездетный, так как Даниел Матвеевич умер в возрасте 28 лет.

Михаил Матвеевич в 1861 году переехал в Выборг и стал учеником кузнеца. А в 1868-м судьба привела его в Санкт-Петербург, где через два года он встретил Марию Густавну. Она была родом из старинного культурного и промышленного центра, портового города Оулу. В Финляндии Оулу называют «белым городом Севера», потому что летом там очень светло, а зимой город покрыт снегом и льдом. В конце XIX века

в Оулу зимой было тихо, так как порт не работал. После ледохода начиналось оживленное судоходство. В 1870-е годы открылась пассажирская линия между Оулу и Санкт-Петербургом.

Родителями Марии были Густав Гансович Острём и Мария Яковлевна Балки, причем мать была старше отца на 13 лет. Они жили в центре Оулу. В описях наследства Густава написано, что дома у них были книги!

У них родились две дочери и сын: Йоханна (р. 1847), Мария Ловиса (р. 1849), Якоб (р. 1850). Дети были способные, они хотели увидеть мир за пределами родного края и позже, в жизни всегда принимали смелые решения.

Йоханна, сестра Марии-Ловисы, вышла замуж за Карла Ларсевича Туйра в 1876 году. В будущем их старший сын Якоб Александр Карлович Туйра переехал в Петербург в 1903 году и обзавелся семьей, члены которой много общались с семьей Марии и Михаила.

Якоб Густавич, брат Марии-Ловисы, окончил в Оулу люцманскую школу, и после женитьбы жил в Пикисаари. Мария-Ловиса первой из троих детей отправилась в «большой свет». Летом 1870 года она поехала в Петербург, в гости к своим родственникам...

В семейной книге нашего рода рассказывается много удивительных и увлекательных историй о моих предках. Автор, Пирьо Рютконень, постаралась передать нам, потомкам, всё, что она запомнила, то, что запечатлелось в её душе и памяти. Её воспоминания переведены с финского языка её помощницей, которая знает русский язык, но владеет им не в совершенстве. Но читать эту книгу было очень интересно, ведь она написана искренне, с любовью и с гордостью за своих предков. Следя за повествованием, я словно очутилась в том далёком времени.

Ярко и чётко передо мной встают картины холодной, но прекрасной Финляндии, страны озёр, лесов и хуторов. Вижу высоких, крепких молодых-крестьян, красивых, стройных, светловолосых женщин. Среди этих трудолюбивых людей родились, жили, трудились мои финские предки.

Как кадры из кинофильма передо мной картина того времени. Я, словно, вживую вижу Марию... Она едет на поезде, раздаётся гудок... Она так волнуется, внутри неё надежда на заботу, но и страх перед новой жизнью. Мария сходит с поезда и направляется навстречу неизвестности...

История первой встречи Марии и Михаила в летописи моей семьи рассказана так: «В 1870 году, когда была построена железная дорога между Финляндией и Петербургом, ездила молодая девушка Мария Густавна из Оулу в Петербург в гости к своим родным. Когда поезд прибыл на Финляндский вокзал, она сошла с поезда и пошла в баню, которая находилась напротив вокзала. Когда Мария Густавна помылась и хотела одеться, она заметила, что её сумка и одежда были украдены. Мария

Мария Лаурилла

Михаил Матвеевич Лаурилла

оказалась совсем без одежды и без денег в чужом городе. Она не знала русский язык, и никто её не понимал. Девушка взволновалась. Работавшая в бане женщина дала Марии большую белую простыню, в которую она завернулась. Вместе начали думать, что делать. Подошли и другие женщины, чтобы разрешить досадную проблему. Вдруг кто-то вспомнил, что баню затапливает молодой человек, который понимает по-фински. Его подвели к девушке. Приоткрыли дверь, и завернувшаяся в простыню Мария шепнула незнакомцу, что случилось. Мужчина, которого звали Михаил Матвеевич (Мехел Мехелевич) Лаурилла, сразу пошёл за одеждой к родным Марии Густавны. Видимо, это была любовь с первого взгляда, так как скоро после этого они справили свадьбу».

После встречи с Михаилом Мария на полгода вернулась в Оулу, чтобы прислушаться к своему сердцу. Она приняла решение переехать в Санкт-Петербург, приобрела документ для переезда и церковное разрешение на брак.

Мария и Михаил

Мария и Михаил были прогрессивными представителями молодёжи, которые чувствовали себя хорошо вместе и дополняли друг друга. В церкви Святой Марии в Петербурге огласили объявление о бракосочетании Марии и Михаила, который был на шесть лет старше невесты.

Сестры Хана, Ида и Ирене Лаурила

Она была одета в чёрный свадебный наряд по обычаю того времени. Молодые поселились в Сестрорецке, или Систербеке.

Михаил Матвеевич работал на Сестрорецком заводе оружейным мастером и модельщиком 25 лет. Его наградили серебряной медалью за многолетнюю работу на заводе. Дом Марии и Михаила находился на берегу озера Разлив на Задней улице дом № 22. Дом из двух комнат и кухни был окружен сиреневыми кустами. Улица была очень узкой и длинной.

Мария была умелой хозяйкой. Она готовила вкусную еду и ткала на ткацком станке, следила за событиями того времени. Подписывалась на газеты и читала детям сказки. Мария Густавна была очень уважаемым лицом в Сестрорецке, так как она знала три языка: финский, шведский и русский. Когда она шла по улице ее вежливо приветствовали: «Добрый день, мадам Лаурила!».

В годы с 1871 по 1892-й в семье родилось восемь (по некоторым данным девять) детей, четыре сына и четыре (пять) дочерей. Дочери: Ида (р. 1871); Ханна-Мария (р. 1880); Элин Ханриетта (р. 1882); Ирене-Эльвира (р. 1890). Сыновья: Густав-Адольф (р. 1879), умер в возрасте трех лет; Эмиль-Энгельберт (р. 1885); Эрик-Константин (р. 1887); Николай (р. 1892).

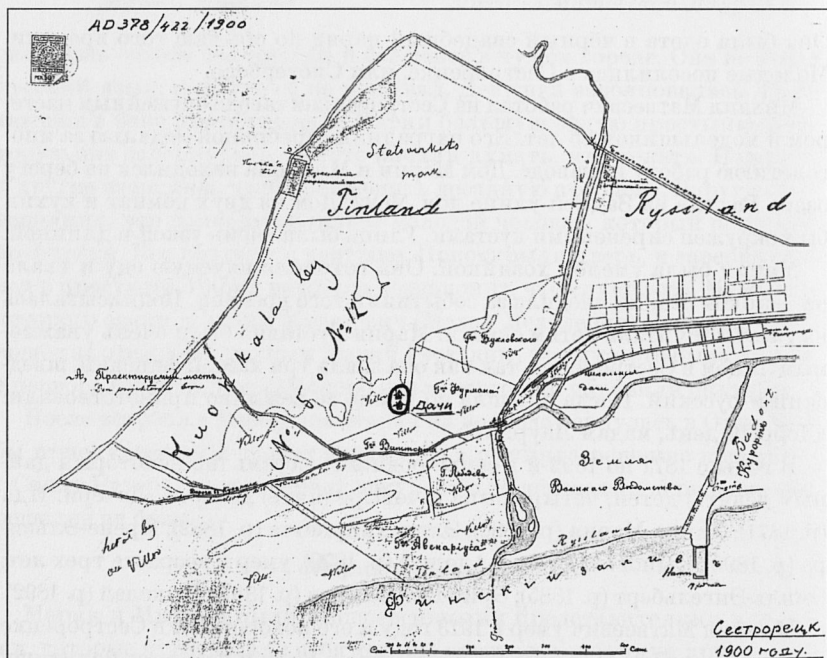
Михаил Матвеевич умер в 1913 году и его похоронили в Сестрорецке на кладбище Лютеранской церкви. Когда в России начались политические беспорядки, дочери с семьями переехали в Финляндию. Сыновья

остались в Советском Союзе. Из Сестрорецка можно было ходить пешком до Финляндской границы, но общаться с родными, живущими по ту сторону, было невозможно. Мария Густавна пережила русскую революцию в крайне тяжелых условиях. В 1921 она умерла в Сестрорецке в возрасте 72 лет, ослабленная голодом и старостью. Всю жизнь Мария вместе с Михаилом работала ради своей большой семьи, которая из-за политической обстановки в России не смогла проводить ее в последний путь.

Судьба детей Марии и Михаила

Ида Михайловна окончила Сисмаревскую школу рукоделия и стала учительницей портных. На Невском пароме она встретила своего будущего мужа, книготорговца Густава Халонена. У них родилось четверо детей: дочери Фанни, Нелли, Салли, и сын Рейно. На пороге революции она вместе со своими сестрами и их семьями уехала в Финляндию. В будущем Фанни, зная несколько языков, работала переводчицей. Ида умерла в 1937 году, и Густав в 1945-м. Они похоронены вместе в Финляндии на кладбище Хистониemi в Хельсинках.

Хана-Мария вышла замуж за Дмитрия Степанова, который работал на Сестрорецком Оружейном заводе. Детей у них не было. Ханна

План Сестрорецка с показанием дома Ханны

и Дмитрий переехали в Хельсенки в 1923 году. В 1930-е годы Ханна и Ирене проводили лето на дачах у реки Сестры, но после «зимней» войны им пришлось оставить родные места. Дмитрий скончался в 1958 году во время неожиданного приступа болезни. После его смерти Ханна переехала в дом для престарелых. Она пережила мужа на десять лет и скончалась в 1968-м. Ханна и Дмитрий покоятся на Православном кладбище в Хельсинки.

Элин Ханриетта была больна и неспособна к труду. Жила в лечебнице в Петербурге, ее дальнейшая судьба неизвестна.

Ирене-Эльвира, была красивой, шаловливая, очень любила детей. Женихов у нее было много, но она все выбирала, вот так и осталась дна. Ирене уехала в Финляндию после гражданской войны, и больше не вернулась в родную страну. В 1923-м она прибыла на вокзал Хельсинки совершенно худой, бледной, несчастной – она много курила, чтобы приглушать чувство голода. Ей было 33 года, она начинала жить заново в стране своих предков. В 1940 году она получила рабочее место в магазине «Восточный шелк». Прошло много лет, в Хельсенки все переменялась, она переехала в новую просторную квартиру, так как ее дом снесли. Через какое-то время у Ирен произошло кровоизлияние в мозг, и ее без сознания увезли в больницу. Свой последний приют Ирена нашла на кладбище Хистониemi в Хельсинки. Она захоронена вместе с сестрой Идой, ее мужем Густавом и дочерью Иды Нелли в одной семейной могиле.

По некоторым данным известно, что Эрик (Константин) родился вместе с сестрой двойняшкой Розой, но она умерла сразу после родов. Когда Эрик вырос, то жил в родовом доме Лаурилы в Сестрорецке на Задней улице по соседству с Квятковскими. Он очень хорошо общался с этой семьей, а так же ему нравилась дочь Квятковского – Мария. Он даже сделал ей предложение, но ему отказали, так как мать Марии сказала, что та еще слишком юна (тогда Марии было 16 лет). Потом Эрик Михайлович женился на Нине, и в 1911 году у них родилась дочь Вера, но в 1929 году или 1930-м Нина умерла. А в 1931-м умерла жена Ивана Квятковского,

Ханна и Дмитрий Степановы

Рудольф Эмильевич Лаурилла

брата Марии, и на ее плечи легла тяжесть и ответственность – трое детей брата. В 1932 году Эрик делает повторное предложение Марии, и на этот раз она соглашается. Они поженились и стали жить в доме Квятковских.

Дочь Эрика Михайловича Вера вышла замуж за Георгия Волкова и стала жить в доме отца. В 1940 году, когда брат Марии Иван женился, они переехали жить в свой дом, вместе с Верой, у которой родилась дочь Леночка. Во время Второй Мировой войны вся большая семья (состоящая из 13 человек, Квятковские – Лаурилла) переезжают на ул. 2-я Тарховская д. 56. Вера Эриковна с дочкой Леночкой эвакуируются в Красноярск. Эрик Михайлович умер в конце декабря 1941 года.

Мария умерла 29 мая 1942 года. Похоронены они в братской могиле, которая находится на кладбище «Белая горка» в Тарховке.

Про Николая Матвеевича почти ничего не известно. В одном из документов было сказано, что его репрессировали, но за что, непонятно. В будущем он женился и у него родился сын Александр, который в будущем тоже работал на заводе. Именно Александр Николаевич поведал Перью всю историю нашего рода, которую он унаследовал от отца. Александр Николаевич являлся последним представителем этой ветви рода, носившей фамилию Лаурилла.

Теперь мне бы хотелось рассказать про старшего из сыновей Марии и Михаила, Эмиля. Так как он является моим прапрадедушкой. Эмиль женился на Анне, и у них родилось трое детей: Елена, Рудольф и Ольга. До войны Эмиль работал учителем труда в Лесной школе в Курорте. А его жена Анна работала билетером в курзале «Сестрорецкий Курорт». Елена рассказывала, что ее мама пела в церковном хоре. Умерла Анна еще до войны, но от чего, неизвестно. Во время войны Рудольф ушел на фронт, стал связистом. Прошел обе войны (советско-финляндскую и Отечественную), но был ранен в ногу, пролежал в госпитале. Эмиль, Елена и Ольга во время войны работали на заводе в блокадном

Ленинграде. Было трудно: голод, холод, сил не хватало, но они держались, как могли. Спать обычно ложились вместе – так теплее. Однажды, зимой 1942 года, они легли спать все вместе, а на утро их осталось двое. Эмиль умер во сне от холода, и его душа больше не мучилась. Сестры положили его тело на саночки и, совсем ослабевшие, повезли его на Серафимовское кладбище, оставили тело у входа, хоронить сил не было. Потом Елена говорила, что Эмиля, скорее всего, похоронили в братской могиле. У моей бабушке осталось свидетельство о его смерти.

После войны Рудольф, вернувшись с фронта, познакомился с Ниной Васильевной Королевой, которая приехала в Петербург из Псковской области учиться. Через какое-то время они поженились. В 1950 году у них родилась дочка Тania (моя бабушка). Рудольф и Нина всю жизнь проработали на Сестрорецком заводе. Имя Рудольфа занесено в почетную книгу при музее завода, и его сорокалетний труд на заводе отмечен наградами. Нина умерла в 1973 году, когда ей не было 50 лет. Их дочь Тания вышла замуж за Владимира Борина, и в 1972-м у них родилась дочь Надежда. Долгое время молодая семья жила в Норильске. А в 1984 году у них родилась вторая дочь – Полина. Сестры Рудольфа, Елена и Ольга, умерли раньше Рудольфа. Ольга была одинокой женщиной, детей у нее не было. У Елены была дочь Лариса, хотя в браке она не состояла.

Дочь Тани и Владимира, Надежда, вышла замуж за Григория Назарова в 1993 году, а в 1994-м у них родилась дочь Катя (я). Рудольф умер в июне 1996 года и успел увидеть правнучку Катю.

Вот так, встретившись через несколько лет с родственниками из Финляндии, расставляешь все по местам. Жаль только, что фамилия Лаурилы была утрачена. Мне бы хотелось, чтобы наш род продолжался.

Заключение

В 1998 году состоялась встреча родственников из разных стран, потомков Марии и Михаила. С начала истории прошло 128 лет. История ожила на глазах. Потомки Марии и Михаила, Пирьо Рютконен и Александр Николаевич Лаурилы встретились на Финляндском вокзале Санкт-Петербурга. Так через столетия произошло воссоединение нашей семьи, в которой мы, как ветви на одном дереве...

Санкт-Петербург – большой европейский город, притягивает представителей разных народов. На этом интересном примере моей семьи мне хотелось показать, как тесно переплетаются жизни людей разных национальностей в нашем городе. Я уверена, это не единственный случай. Этим рассказом я хотела бы еще раз напомнить всем, что мы, жители одной планеты, в какой-то степени родственны друг другу. Так стоит ли делить нас на национальности?

И. Б. Григорьева

Детская библиотека в Сестрорецке

Сегодня Центральную детскую библиотеку (ЦДБ) на ул. Токарева, 10 знают не только жители Сестрорецка, но и гости района. Здесь 16 сентября 2011 года ко Дню города Сестрорецка перед зданием библиотеки появилась удивительная скульптурная композиция «Учёные гномы». Семь гномов символизируют любовь к знаниям, чтению и истории родного города. Главный гном держит в руках походный журнал Петра I, где написано о первом пребывании императора на реке Сестре. Авторы композиции – скульпторы архитектурно-художественной мастерской «Мастерпроф» Сергей Юрьевич Обухов и Марина Ивановна Ильина.

Центральная детская библиотека Сестрорецка является структурным подразделением СПб ГБУК «ЦБС Курортного района». Библиотека имеет свою, полную ярких событий историю.

Из воспоминаний Щербаковой Зинаиды Дмитриевны, первой заведующей Детской районной библиотекой Сестрорецка:

«В 1945 году я окончила Ленинградский Государственный библиотечный институт им. Н. К. Крупской. По распределению меня направили на работу в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в кабинет библиотекведения, где я работала в 1945–1946 годах.

1 июля 1947 года меня приняли на должность заведующей районной Детской библиотекой, которая вновь открылась в Сестрорецке после Великой Отечественной войны. Здесь я проработала 36 с половиной лет. В это время библиотека находилась в помещении профсоюзной библиотеки в здании Клуба им. Ленина. Площадь помещения составляла 40–50 кв. метров.

В 1949 году библиотеку перевели в здание Дома пионеров, где был абонемент, небольшой читальный зал и книгохранилище общей

З.Д. Щербакова

Л.В. Норман

площадью 250 кв. метров. Через четыре года библиотека переехала в двухэтажный особняк на ул. Карла Либкнехта (в 1960-х эта улица вошла в застройку ул. Володарского). Здесь библиотека работала около 13 лет, её штат составлял семь человек.

В апреле 1965 года детская и взрослая районные библиотеки переехали на первый этаж жилого дома по адресу: Приморское шоссе, д. 282. Достаточно большая площадь помещений Детской библиотеки позволила организовать обслуживание детей по возрастным категориям...»

Несмотря на трудности, связанные с переездами, Детская районная библиотека под руководством З. Д. Щербаковой всегда проводила большую просветительную работу, имела хорошие контакты со школами и дошкольными учреждениями района. Коллектив библиотеки, увеличившийся до 13 человек, получал в этот период памятные знаки, грамоты, дипломы и был отмечен званием «Библиотека отличной работы». После ухода на пенсию Зинаида Дмитриевна еще десять лет работала в различных библиотеках района.

Для многих сотрудников Детская районная библиотека стала своеобразной стартовой площадкой, толчком к повышению профессионального образования, квалификации. Имена наших ветеранов: Т. А. Корабельникова, Л. Н. Силина, Л. В. Янсон, С. П. Халезина, Т. Я. Шамрай и др.

Одним из старейших сотрудников Центральной детской библиотеки была Лидия Борисовна Норман – человек, сохранивший о себе самую светлую память. Она родилась в 1931 году. Общий трудовой стаж – более 45 лет.

Весной 1965 года Лидия Борисовна пришла на работу в Детскую библиотеку Сестрорецка библиотекарем старшего абонемента. Всю свою жизнь Л. Б. Норман руководила детским чтением. Ей были присущи аккуратность, добросовестность, ответственность, исключительная честность. На нее можно было положиться в любом деле. За долгие годы работы в библиотеке Лидия Борисовна стала наставником десятков библиотекарей. Ветеран труда, она имела поощрения, благодарности, почетные грамоты.

В здание, построенное по специальному проекту, на улице Токарева, д. 10, библиотека пересхала в 1993 году.

Детская библиотека сегодня – это специализированное учреждение культуры, обслуживающее детей до 15 лет (более 5000 читателей), их родителей, учителей, воспитателей и других пользователей, профессионально занимающихся вопросами детского чтения и детской литературы, культуры и информации для детей в печатной и электронной форме.

С 2006 года библиотекой руководит Ирина Борисовна Григорьева. В штате библиотеки библиограф, методист, режиссёр и шесть библиотекарей.

Главное богатство библиотеки – её книжные фонды, которые насчитывают около 70 000 единиц хранения.

В библиотеке имеются два абонемента (один для дошкольников и младших школьников, другой – для среднего и старшего школьного возраста), лекционный зал «Я – петербуржец», зал досуга «Читайка», выставочный зал «Палитра», мультимедийный зал «Юный эрудит», Народный литературный музей Остана Бендера, депозитарий.

В библиотеке разработаны Целевые программы развития: «Искусство чтения. Талантливый читатель», «Воспитание городом», «Спутники на всю жизнь», «Мир через культуру» и другие. Программа семейного клуба «Пеликан» (дошкольники от 2 до 6 лет и родители) работает уже восемь лет.

На базе Центральной детской библиотеки с 1996 года работает Театр Книги «Творчество». Под руководством профессионального режиссера Е. В. Коваленко ставятся театральные постановки, театр участвует в районных и городских фестивалях творческих коллективов, концертах, библиотечных праздниках. В 2011 году поставлены спектакли «Зимняя сказка», «Никто и не поверит», «Дюймовочка», «Лубочные картинки», «Красная шапочка на новый лад».

*Церемония
открытия
скульптурной
композиции
«Ученые
гномы»*

*«Ученые гномы» у здания
Центральной детской
библиотеки Сестрорецка*

У библиотеки налажены партнерские отношения с любительскими и профессиональными театральными коллективами Санкт-Петербурга. На нашей театральной площадке были показаны спектакли ДДЮТ из г. Кронштадта, театра-студии «Лукоморье», Детского центра им. А. Хочинского, театра «Круглый год», театра марионеток им. Е. Деммени и др.

Сотрудники библиотеки регулярно проводят экскурсии по экспозиции Народного литературного музея Остапа Бендера: «Путешествие по страницам романов Ильфа и Петрова» и «НЭП глазами современников». В 1995 году в Санкт-Петербурге был открыт «Народный литературный музей Остапа Бендера». Создатель музея – А.В. Котов лауреат премии «Золотой Остап – 2000» – собрал уникальную коллекцию

«подлинных» вещей вымышленного героя. С 2005 года музей расположен в стенах Центральной детской библиотеки Сестрорецка и в его экспозиции – более 400 предметов, так или иначе связанных с героями романов Ильфа и Петрова.

Библиотека стремится не только знакомить юных читателей с сокровищами мировой культуры, но и научить их видеть красоту окружающего мира, формировать эстетический вкус, проводя выставки художественного и декоративно-прикладного творчества. Например, выставки детского рисунка «Мой маленький гном» (Культурный Центр «Данко»), «Город и будущее» (Кронштадт, Сестрорецк, Липецк); фото-выставки: «Мудрые науки без назидания и скуки» (по творчеству писателя Е. Ефимовского), «Сквозь сумрак белых ночей» (Петербург Достоевского), персональные выставки художников: А. Ищенко, М. Ноца, Е. Суховой и др.

В декабре 2011 года в ЦДБ открылась уникальная выставка снеговиков (около 150 фигурок) «Снежное чудо», представленная Анной Бутаковой.

При поддержке Муниципального Совета Сестрорецка и отдела культуры Администрации Курортного района в 2011 году стартовал масштабный проект-конкурс детского художественного и поэтического творчества малых городов России «Город и будущее» (Сестрорецк, Кронштадт, Липецк). В конкурсе принимали участие более ста школьников от 5 до 14 лет. Юные таланты представили оригинальный взгляд на будущее своих городов. Порадовало и разнообразие творческих форм – эссе, стихотворения, рисунки, вышивка. В 2012 году в рамках этого проекта с темой «Письмо другу» к участникам присоединился город Астрахань.

Социальная роль публичных библиотек всегда была очевидна, но в настоящее время она возрастает в связи со стремительным развитием информационных технологий. В залах Центральной детской библиотеки ежемесячно проводятся «Дни информации для родителей», призванные познакомить их с возможностями библиотеки.

Сегодня становится актуальной «реабилитация методами культуры и искусства». В прошедшем году на площадке перед ЦДБ состоялся праздник, посвященный Международному дню защиты детей. Завершился праздник флеш-мобом, когда ровно в 12 часов в небо взмыли воздушные шары, а к их ленточкам были прикреплены листочки с названиями любимых книг.

В «День семьи, любви и верности» прошёл праздник «Семья открывает мир. Возрождение традиций семейного чтения». Взрослые и дети имели возможность встретиться с настоятелем храма святых апостолов Петра и Павла отцом Михаилом. Он рассказал историю праздника, говорил и о важности семейных ценностей в наше время.

*Интерактивная выставка-путешествие «Караван-сказок»
в Центрально детской библиотеке Сестрорецка*

Благодаря реализации городской Программы модернизации библиотек Санкт-Петербурга в ЦДБ работает мультимедийный зал «Юный эрудит», оборудованный пятью компьютерами с выходом в Интернет и принтерами, ксероксом, сканером, портативным плеером с наушниками, а также ведутся занятия в кружке компьютерной грамотности «Эрудит».

В ЦДБ есть автономная читающая машина Поэт-компакт «Книголюб», благодаря которой инвалиды по зрению (дети и взрослые) имеют возможность знакомиться с художественной литературой и получать необходимую информацию с бумажных и электронных носителей. Согласно договору, заключенному с Библиотекой для слепых, в Медиа-теке ЦДБ читателям данной категории на дом выдаются аудиокниги.

Заключив договора сетевого взаимодействия со многими учреждениями культуры, образования, здравоохранения (санаторные школы), ЦДБ сотрудничает с «Комплексным Центром Социального обслуживания Населения» Курортного района, Сестрорецким отделением Центра реабилитации детей-инвалидов «Росток».

Центральная детская библиотека ведёт работу с девятью школами Сестрорецка, детскими садами и детским санаторием «Дюны». С многими учреждениями района налажены хорошие деловые и дружеские

контакты. Например, с Домом Детского Творчества «На реке Сестре», Домом Культуры, Центром социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Выборгского района, с коррекционной школой № 656, Молодежным центром военно-патриотического воспитания и досуга «Решно», Детским центром эстетического развития и актерского мастерства им. А. Ю. Хочинского, Общественным объединением творческих работников «Арт-Синтез» г. Кронштадта, Музеем А. Ахматовой в Фонтанном Доме и многими другими учреждениями культуры и народного образования.

Современное воплощение литературного пространства в интерактивных выставках-играх Музея А. Ахматовой является элементом важной практической помощи детской библиотеке в вопросах нравственного и эстетического воспитания детей и подростков, приобщения к мировой художественной литературе, привития любви к чтению, книге.

Выставки-путешествия, предоставленные Музеем: «О, не верьте, этому Невскому проспекту» по творчеству Н. В. Гоголя (2010); «Планета Людей, или «Одни только дети знают, чего ищут» по творчеству Антуана де Сент-Экзюпери (2011); «Караван сказок» по творчеству немецких писателей: Э. Т. А. Гофмана, братьев Гримм и В. Гауфа, проводимый в рамках года Германии в России (2012); «Чудо-дерево» по творчеству Д. Хармеа, К. Чуковского, С. Маршака (2012).

С 2010 года в библиотеке успешно работает Общественный совет, в состав которого входят неравнодушные люди разных профессий: член Петровской Академии, педагог, художник А. А. Милюков; президент РОО «Культурный центр «Данко» Н. Л. Кузьмина; педагог дополнительного образования, художник Е. О. Сухова; педагог-психолог О. В. Никитина, тренер, преподаватель лечебной физкультуры, специалист Международной Федерации шейпинга Н. Н. Шишкина, поэт А. Н. Зайцев, педагог, актриса, поэтесса Л. Г. Будённая, заведующая школьной библиотекой ГОУ № 601 Приморского района Т. М. Переткова и др.

Становится традицией организация в библиотеке Круглых столов на Неделе детской книги. Темы таких встреч: «Печтение детей – проблема взрослых» (2010), «Детская библиотека – оазис добра и мудрости» (2011), «Библиотечные ресурсы доступны каждому!» – дети с ограниченными возможностями в библиотечном пространстве (2012).

Неоспоримым остаётся необходимость консолидации всех учреждений, конкретных людей, занимающихся вопросами детства. Такое партнёрство должно работать в интересах ребенка, разделяя ответственность за его воспитание, образование и развитие.

В нынешнем, 2012 году, Центральная детская библиотека готовится отметить свой 65-летний юбилей.

Р. Н. Гараева

«Сестрорецкие чтения» 2011 года

2011 год для Сестрорецка прошел под знаком празднования 290-летия Сестрорецкого оружейного завода, основанного по указу Петра I и открытого в январе 1721 года. В июне 2011 года в библиотеке им. М. Зощенко прошли традиционные «Сестрорецкие чтения» на тему «290 лет Сестрорецкому оружейному заводу». Доклады охватывали период истории от Петра I до наших дней.

Чтения открыла научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Л. П. Рудакова малоизвестной темой «Иностранцы на русской службе. Сестрорецкий оружейный завод во второй половине XVIII – первой четверти XIX веков». Автор не только дала список иностранных специалистов, возглавлявших завод в указанный период, но подробно остановилась на их деятельности для блага завода и рабочих. Выступление Л. П. Рудаковой стало основой для статьи, опубликованной в настоящем сборнике.

Научный сотрудник «Историко-культурного музейного комплекса в Разливе» Б. Е. Ривкин прочитал сообщение на тему «Отмена крепостного права и жизнь завода в новых условиях». Завод был военным и при нехватке рабочих на завод принимали солдат, как на службу – сроком на 20 лет. Сестроречане были военными поселянами, государственными крепостными. После отмены крепостного права (в Сестрорецке в 1867 г.) рабочие вместо пайка получили надел и на 90% лишились заработка. Завод из казенного стал коммерческим, а на завод отбирали только тех рабочих, которые были нужны для производства. Штат подгоняли под то количество продукции, которое было выгодно выпускать заводу.

В Сестрорецке всегда было несколько категорий населения: штатные мастеровые, нештатные мастеровые, ученики штатные и нештатные, малоспособные (инвалиды). Рабочий день был 12–14 часов, перерыв на обед – два часа. В инвалидных ротах было много евреев и поляков.

В 1868 году в Сестрорецке произошел пожар. В результате выгорело около 500 домов рабочих. В 1870-х годах опять начался переход на новую модель управления заводом. На заводе оставили только 200 рабочих. Пожары в деревянном Сестрорецке случались часто. К 1885 году было более 500 погорельцев, часть из них получила земельные участки в Канонерской лесной даче по ул. Большая Канонерская (ныне ул. Коммунаров), Малой Канонерской, на одной стороне Зоологической улицы. Всего было нарезано 109 участков по 2,5 сотки.

После отмены крепостного права оружейники получили разные права. 13 человек получили звание личный почетный гражданин (для городских жителей недворянского сословия кроме крестьян присваивал лично император). Они освобождались от телесных наказаний, воинского постоя и от забора в рекруты сыновей в мирное время. По истечении 15 лет и при безупречной репутации жителю могли присвоить потомственное почетное гражданство. Это звание передавалось по наследству. Сестроречане Фирфаров и Леушин дослужились до звания титулярный советник - предел в Сестрорецке для гражданского чиновника. Их дети автоматически получали почетное гражданство. Титулярный советник получал личное дворянство, которое не передавалось по наследству. После отмены крепостного права часть холостых рабочих, ушли с завода, вернувшись на свои родные места.

А. А. Миронов, подполковник, инженер-артиллерист, выйдя в отставку, более 20 лет проработал в ОТК Сестрорецкого Инструментального завода (СИЗ). Он выступил с рассказом «Сестроречане в годы войны в Новосибирске. Человеческий фактор». Отправившись вместе с семьей в эвакуацию в Новосибирск, где в рекордные сроки был организован выпуск оружия для фронта, юный школьник вместе со взрослыми переносил тот же голод и холод, что и вся страна, которая все лучшее отдавала фронту. Свидетелями жизни новосибирцев и блокадных ленинградцев стали письма родных и впечатления Александра Андреевича, о которых он поведал всем собравшимся.

На чтениях краевед С. П. Чистякова озвучила материалы музея ОАО завода им. Дегтярева в Коврове, подготовленные научным сотрудником В. В. Никулиным на тему: «Сестрорецкий завод в судьбе города Коврова». Эта тема впервые представлена на страницах районной печати, но будет продолжена на страница нашего сборника.

О предприятии в предприятии говорила руководитель Краеведческого центра Курортного района Р. Н. Гараева в своем выступлении «К истории специального технологического бюро „Оргпримтвёрдослава“. Рождение и закат».

Начиналось все в послевоенные годы. А уже в марте 1951 года группе работников станко-инструментальной промышленности присудили Государственную премию. Среди награжденных был главный инженер завода им. Воскова Н. И. Иванов. Под его руководством и при непосредственном участии на заводе был создан специальный цех твердосплавного инструмента и участки в цехах по производству инструмента, армированного твердым сплавом.

В эти годы возобновили также выпуск станков для инструментальной промышленности. Вступили в строй новые цеха: метчиков, станко-строения, экспериментальный, термический.

С начала 1950-х годов около 70 заводов страны получали с Сестрорецкого завода нестандартный инструмент. В эти годы важнейшую роль в развитии завода сыграли крепкие связи с научно-исследовательскими институтами и другими научными организациями. Так, в союзе с Всесоюзным научно-исследовательским институтом токов высокой частоты была решена проблема наладки агрегатов ТВЧ, которые использовались для часовой пайки и термообработки режущего инструмента и деталей. В цехах были внедрены многоместные приспособления, которые позволяли обрабатывать одновременно несколько деталей.

В это время завод освоил и внедрил в производство много специализированных станков-автоматов и полуавтоматов, модернизировал оборудование. В конце 5-й пятилетки (1955) завод освоил три новые модели станков. Один из них – сверлильно-фрезерный автомат модели 6789 конструкции СКВ-2 Ленинграда – значительно увеличил производственную мощность цеха сверл. Станки и инструмент с маркой Сестрорецкого инструментального завода им. Воскова пользовались большим спросом у нас в стране и за рубежом. В 1980-х годах продукция завода экспортировалась более чем в 40 стран мира.

Работники завода ежегодно принимали активное участие в Выставке Достижений Народного Хозяйства (ВДНХ). Только за годы семилетки (1959–1965) 28 восковцев были награждены памятными медалями ВДНХ СССР.

Среди награжденных: главный инженер А. С. Смолкин – медали «Малая золотая», «Малая серебряная»; главный конструктор Н. Н. Кабанов – медали «Большая серебряная», «Бронзовая»; Г. Е. Андреев – медали «Большая серебряная», «Серебряная», «Бронзовая».

В середине 1980-х годов завод был одним из ведущих в Министерстве станко-инструментальной промышленности. Не единожды он занимал призовые места в социалистических соревнованиях заводов Министерства. Только при помощи ЭВМ вели учет заказов, заявок и географических пунктов, куда поставлялась заводская продукция: инструмент

и станки. Славу завода составляли поколения сестрорецких инструментальщиков.

О наградах завода, а значит, о самоотверженном труде его работников рассказывали мемориальные доски на здании заводоуправления и экспонаты музея. А награды таковы: орден Октябрьской революции; Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР; юбилейная в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина Ленинская грамота; дипломы ВДНХ.

Позднее предприятие «Оргпримтвердосплав», выросшее из специального цеха, переехало на Ириновский проспект, в бывшую дачу Безобразова. Здесь были собраны талантливые молодые инженеры-технологи, осваивавшие алмазы для новых сплавов, нового поколения инструмента. Как восстанавливали дачу, поднимали новые цеха, работали, отдыхали в 1970-1980-х годах рассказывали ветераны предприятия на своей встрече, проведенной в библиотеке годом ранее.

В. В. Фролов бывший руководитель Отдела автоматической системы управления завода (ОАСУ), рассказал о внедрении интегральных машин на Сестрорецком инструментальном заводе в 1960-х годах. Согласно приказу Министерства станко-инструментальной промышленности впервые на шести заводах министерства началась эта непростая работа. Прежде всего, необходимо было произвести классификацию, кодировку, привести в порядок нормативы оборудования и т. д. СИЗ был уникальным заводом, выпускал более 10 тысяч различных типов инструментов и поставлял их более 5 тысячам потребителям. Машины позволяли детально все учесть и составить отчет о работе завода, хотя в то время они были не очень несовершенны. Вся информация хранилась на перфокартах, которых за год обрабатывалось до 14 тонн. Но замечательный молодежный коллектив талантливых людей год от года, получая усовершенствованные машины марки «Минск», уменьшал время обработки информации.

В прениях выступили:

С. И. Леонов, бывший начальник инструментального цеха; Е. Н. Соловьев, бывший директор завода.

«Расцвет и развал Сестрорецкого инструментального завода».

Из биографии С. И. Леонова. Семья Леоновых поселилась в Сестрорецке перед Великой Отечественной войной. Леонов сразу после школы пошел в армию. После трёх лет службы поступил работать на завод токарем. Тогда обучали прямо у станка. Его отец - Иван Петрович

Леонов – был знаменитым токарем на СИЗ. С. И. Леонов у станка проработал три года и параллельно учился пять лет на вечернем отделении Политехнического института. Занимался спортом, был кандидатом в мастера. Поскольку у него было двое детей, работал на трех работах.

Воспоминания.

И. А. Ординарцев и Е. Н. Соловьев работали вместе на СИЗ в одном конструкторском бюро. Разрабатывали конструкции станков. Были награждены золотой медалью ВДНХ. Е. Н. Соловьев пришел работать на завод технологом в 23-й цех, выпускавший сверла, после окончания Политехнического института. В 1961 году стал начальником цеха. Практику проходил на Сестрорецком заводе. За пять лет на заводе появилось много выпускников-политехников. На заводе организовалось ядро молодых специалистов из Поворосийска, Москвы и других городов.

На заводе технологи контролировали процесс внедрения технологий, разработанных технологическим бюро. Соловьев был начальником технологическим бюро с 1966 года (работал 17 лет). Бюро (25 инженеров) не только разрабатывало технологию, но и заказывало специальное оборудование по всему Союзу.

И. А. Ординарцев пришел на завод после окончания Московского Станкостроительного института в 1952 году. Сначала работал технологом, начальником конструкторского отдела. В должности главного инженера постоянно обновлял кадры на заводе. Заводской техникум выпускал специалистов-практиков, что было очень ценно. И. А. Ординарцев И. А. был хорошим организатором. В 1981 году его назначили директором завода, но в 1983-м забрали в Москву, заместителем министра. Курировал всю инструментальную отрасль. В годы перестройки переехал жить и работать в Словакию, где организовалась фирма от станкопрома по производству робототехники. Умер в Москве в 2010 году.

Инструментальный отдел (семь человек) покупал инструмент, который не производил СИЗ, у других заводов. Им принадлежал инструментальный цех, где производились специальные инструменты для СИЗ.

С 1983 по 1992 годы Е. Н. Соловьев работал директором завода. В 1992-м СИЗ – на тот момент одно из самых прибыльных предприятий инструментальной промышленности – приватизировали. 15% акций принадлежало государству, 85% – заводу. СИЗ – первый приватизированный завод в Петербурге. 15% акций было бесплатно отдано рабочим. Доля рассчитывалась из суммы зарплаты за последние 15 лет. У рабочих завода была высокая зарплата и хорошие социальные условия (пионерский лагерь, дом отдыха, свой здравпункт, санаторий на юге и т. д.). Более 2400 акционеров получили акции.

Н.Ф. Гейгер появился на заводе в середине 1990-х годов. Он был советским немцем, приехал в Сестрорецк в детстве из Омска. Закончил Сестрорецкое ПТУ, пришел работать на завод, окончил вечерний институт. Работал в цехе, потом в инструментальном отделе. Долгое время работал заместителем начальника производства, потом начальником производства. Когда СИЗ вместе с другими заводами стал акционером немецкого завода (был план ликвидировать инструментальное производство в Германии), Гейгер был отправлен на немецкий завод в качестве доверенного лица, но с заданием не справился. На заводе был назначен другой начальник производства.

Когда стали продавать акции СИЗ, Гейгер их скупал и основал свою компанию. Во время выборов начальником завода вместо Соловьева выбрали Гейгера. Завод разделили на отдельные общества со своими директорами. Музей завода закрыли. Постепенно производство ликвидировали, площади сдали в аренду.

В настоящее время часть зданий разрушена и на освободившейся территории будет построено что-то очень красивое.

Содержание

<i>Т. П. Бородина</i>	
История музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты»	3
<i>Т. П. Бородина</i>	
Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей (По материалам Национального архива Финляндии. Фонд EK-Valro)	23
<i>Ю. Д. Балащенко</i>	
Незаслуженно забытый художник Юрий Репин (1877-1954)	35
<i>Е. В. Кириллина</i>	
Алёна. Елена Григорьевна Левенфиш. Хранитель памяти, научный руководитель, хозяйка	47
<i>Л. С. Давиденкова</i>	
Из творческого опыта. О двух персональных выставках в Музее-усадьбе «Пенаты»	57
<i>Т. В. Лазина</i>	
Чуковские: отец и сын	62
<i>Л. П. Рудакова</i>	
Иностранцы на русской службе. Сестрорецкий оружейный завод во второй половине XVIII – первой четверти XIX веков	73
<i>Л. П. Рудакова</i>	
Часовня в Дубовой роще	88
<i>Е. М. Травина</i>	
Старые захоронения на Комаровском кладбище	91
<i>Е. М. Травина</i>	
А дачи горят и горят...	98
<i>Е. Г. Назарова</i>	
О финских корнях моей семьи	105 ✓
<i>И. Б. Григорьева</i>	
Детская библиотека в Сестрорецке	114
<i>Р. Н. Гараева</i>	
«Сестрорецкие чтения» 2011 года	121 ✓
	127 ✓

Наши книги можно заказать по адресу:
119034, Санкт-Петербург, а/я 1, Амирханову Леониду Пльясовичу
E-mail: zitadel@bk.ru

Курортный район. Страницы истории
Выпуск 7

ООО «Издательско-Торговый Дом «ОСТРОВ»

Составители *Р.И. Гараева, Л.И. Амирханов*

Редактор *Л.И. Амирханов*

Корректор *Н.И. Никифорова*

Дизайн, верстка, обложка *Ю.А. Корневская*

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «А-Принт»
Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16
Тел. 325-28-21

Каминная (асокня)
 спланированная постройте въ Турбовой поимъ Гимна
 уртыцкаго Свучейнаго Завода. —

120 =

**ОРУЖ ЗАВОДОВ
 СЕСТРОРЕЦКАГО
 СТРОЕНИЙ.
 № 144**

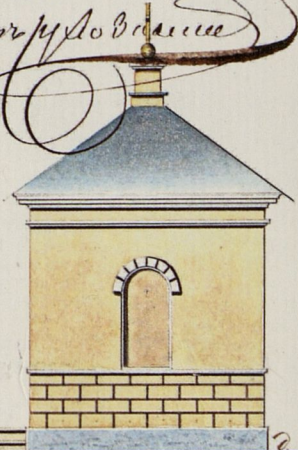
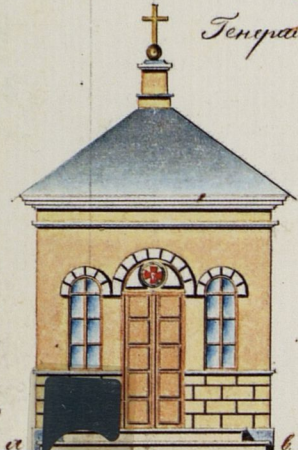
Фасады а, в,

Фасады в, г,

Высочайше утверждено.

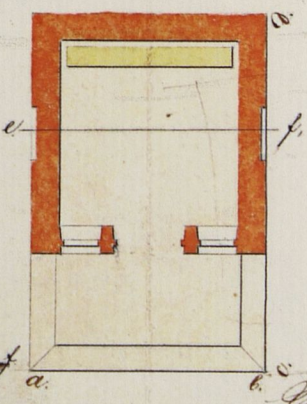
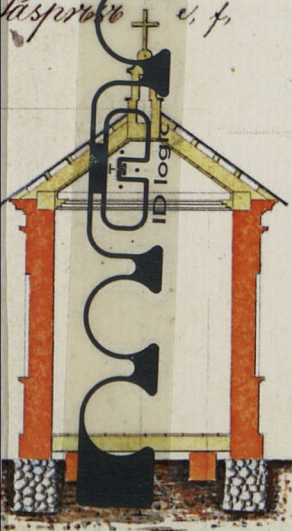
• 1го Июня 1857 года.

Генерал-Адъютантъ Русской Императорской Арміи

Разрѣзъ в, ф,

Планъ.

Архитекторъ Свучейнаго Завода
 Машинный Инженеръ В. П. Сидоровъ

